

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2023 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

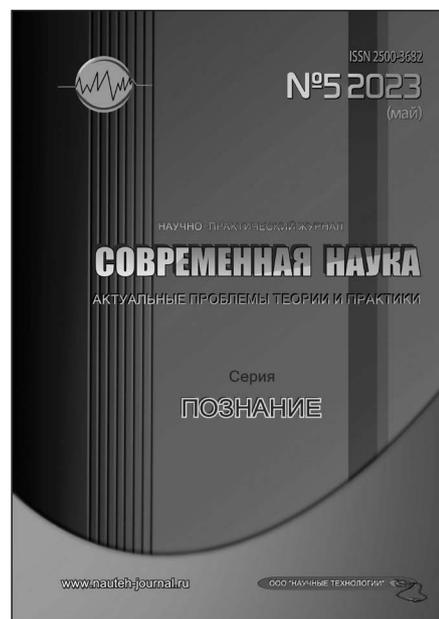
Подписано в печать 10.05.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №5 (май) 2023 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Викторова Е.В.** – О ценностно-смысловой природе импрессиона (к социокультурной значимости феномена)
Viktorova E. – About the value-semantic nature of impressing (to the sociocultural significance of the phenomenon) 5
- Галимова Н.В.** – Коммуникативные знаки владельческого оповещения в этнокультуре народов Кабардино-Балкарии
Galimova N. – Communicative signs of ownership notification in the ethnoculture of the peoples of Kabardino-Balkaria 10
- Дин Вэйсин** – Личное дело Го Шучжэнь. По архивным материалам МГК им. П.И. Чайковского
Ding Weixing – Personal file of Guo Shuzhen. From the archive materials of the Tchaikovsky Moscow state university Tchaikovsky 16
- Ли И** – Специфика использования символов культурно-исторического наследия на денежных знаках РФ и КНР конца XX-начала XXI века
Li I – The specifics of the use of symbols of historical and cultural heritage on banknotes of the Russian Federation and the people's republic of China the end of the XX- beginning of the XXI century. ... 19
- УЛэй** – Стилиевые отличия современной музыки
Wu Lei – Stylistic distinctions of modern music 23
- Цай Сюйцзюань** – Опыт периодизации русского балета в контексте развития балетного театра в России
Cai Xiujuan – Experience of periodisation of Russian ballet in the context of the development of ballet theatre in Russia 26
- Шустов А.Ф.** – Техническая деятельность как элемент культуры
Shustov A. – Technical activity as an element of culture 30

Психология

- Дремин Д.В., Янова Н.Г.** – Нейропсихологическое обследование детей с расстройством аутистического спектра: проблемы и перспективы дифференциальной диагностики
Dremine D., Yanova N. – Neuropsychological examination of children with autism spectrum disorder: problems and prospects of differential diagnosis 33
- Зудаева В.В.** – Особенности формирования стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел
Zudaeva V. – Peculiarities of forming stress resistance of employees of internal affairs bodies 37
- Кожевина А.П., Дубровина С.В., Колесников С.В., Карабинская О.А.** – Взаимосвязь социально-психологического климата коллектива и индивидуально-типологических особенностей сотрудников правоохранительных органов
Kozhevina A., Dubrovina S., Kolesnikov S., Karabinskaya O. – Interrelation of the socio-psychological climate of the team and individual-typological features of law enforcement officers ... 40
- Мудрак С.А., Чичева А.А.** – Влияние индивидуальных и личностных факторов на склонность к манипулятивному поведению молодежи
Mudrak S., Chicheva A. – The influence of individual and personal factors on the tendency to manipulative behavior of young people 45
- Новикова Ю.Л., Торопов (Григорян) К.** – Влияние онкологии у детей на психоэмоциональное и стрессовое состояние их родителей
Novikova Yu., Toropov (Grigoryan) K. – Influence of oncology in children on the psycho-emotional and stress state of their parents. 50
- Серова Е.А.** – Структурно-психологические особенности ценностных ориентаций молодых и «серебряных» волонтеров
Serova E. – Structural and psychological features of value orientations of young and "silver" volunteers 54

Федоренко А.В. – Влияние ценностных ориентаций студентов на формирование этнических стереотипов
Fedorenko A. – The influence of students' value orientations on the formation of ethnic stereotypes..... 58

Шаяхметова В.К., Мельник Е.В. – Проблема формирования эмоциональной устойчивости старших школьников
Shayakhmetova V., Melnik E. – The problem of formation of emotional stability of senior schoolchildren..... 62

Щербакowa Н.Е., Ильина Д.В. – Связь стиля родительских отношений и эмоционально-волевого развития младшего школьника
Shcherbakova N., Ilina D. – The relationship between the style of parental relations and the emotional and volitional development of a younger student..... 66

Философия

Иванова Е.В., Глазунов А.А. – Религиозная мифология: трансформация архетипов Героя и Тени в литературе лавкрафтианских ужасов
Ivanova E., Glazunov A. – Religious mythology: the transformation of the Hero and shadow archetypes in lovecraftian horror literature..... 71

Пухир В.М. – Нравственные аспекты аргументации в деловой коммуникации
Pukhir V. – Moral aspects of argumentation in business communication..... 76

Скопа В.А., Кароннова А.Л. – Понятие и сущность социальной культуры сотрудников полиции: социально-философский анализ
Skopa V., Karonnova A. – The concept and essence of the social culture of police officers: socio-philosophical analysis..... 81

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 85

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 86

О ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ПРИРОДЕ ИМПРЕССИНГА (К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ФЕНОМЕНА)¹

Викторова Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский
государственный университет
vikele@mail.ru

ABOUT THE VALUE-SEMANTIC NATURE OF IMPRESSING (TO THE SOCIOCULTURAL SIGNIFICANCE OF THE PHENOMENON)

E. Viktorova

Summary: Impressing is considered in the work from sociocultural, axiological positions. The subject of research in this case is the essence and specificity of the formation of a value-semantic attitude to creative activity as a result of the impressing impact of the socio-cultural environment on a person. It is shown that the basis of such a process is an experience, an active involvement into the world. What happens to a person during impressing impact of the environment is positioned not only as a psycho-physiological process, but primarily as a process that can and should be described by the concepts of «mental life», «value-semantic activity», «meaningful creation».

Keywords: activity, value, meaning, socio-cultural impact, impression, impressing, creativity.

Аннотация: Импресси́нг рассматривается в работе с социокультурных, аксиологических позиций. Предметом исследования в данном случае выступают сущность и специфика формирования ценностно-смыслового отношения к творческой деятельности как результата импресси́нгового воздействия социокультурной среды на личность. Показано, что основой такого процесса является переживание, активное отношение к миру. Происходящее с человеком во время импресси́нгового воздействия среды позиционируется не только как психофизиологический процесс, но прежде всего как процесс, который может и должен быть описан понятиями «душевная жизнь», «ценностно-смысловая деятельность», «смыслотворчество».

Ключевые слова: деятельность, ценность, смысл, социокультурное воздействие, впечатление, импресси́нг, творчество.

Импресси́нг – сложный биосоциокультурный феномен, имеющий значение не только в жизни отдельной личности, но в развитии культуры и общества. Социокультурная значимость импресси́нга связана с тем, что его последствия способны определять направление творческой деятельности человека и возводить ее в ранг ценности, наделять устойчивым смыслом². Отсюда необходимость пояснения процесса формирования у личности ценностно-смыслового отношения к деятельности посредством импресси́нга, то есть выявления и описания его ценностно-смысловой природы.

Предвестником формирования ценностно-смыслового отношения к чему-либо выступает возникновение эмоционального переживания. По словам В. Франкла, одно единственное мгновение, одно единственное предельное переживание может придать смысл всей жизни [22]. При этом значимость событий или явлений для лич-

ности определяется сразу несколькими факторами, совпадение которых обуславливает тот факт, что из всех обычных воздействий социокультурной среды человек реагирует именно на те, которые окажутся определяющими в его жизни. Человек, как отмечает Э. Фромм, «реагирует на воздействия среды установленным образом, сообразно своим свойствам» [23]. И для избирательности такого реагирования, по мнению В.Н. Сагатовского, нужен механизм, сила которого сравнима с импресси́нгом, по природе своей предполагающим сочетание наследственно обусловленной восприимчивости индивида к определенному виду воздействиям с восприимчивостью к ним в критические периоды жизненного времени [16].

Пытаясь объяснить подобные процессы с философско-психологической точки зрения, С.Л. Франк говорит о непроизвольной реакции «сил нашей душевной жизни на впечатления среды», о непроизвольной избиратель-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14014 «Информационное воздействие на личность в условиях цифровизации культуры и образования как импресси́нг: риски и потенциал» (The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14014).

² Импресси́нг представляет собой информационное воздействие социокультурной среды, оказывающее на личность такое впечатление, результатом которого становится ее устойчивое стремление к определенному виду творческой деятельности [3, с. 254]. Импресси́нг происходит при стечении нескольких значимых факторов: наследственная склонность человека к определенным видам деятельности (задатки), критический период (возраст) развития, ситуация эмоциональной уязвимости. Содержание и последствия воздействия во многом определяются социокультурными характеристиками среды, в которой личность пережила импресси́нг.

ности внимания, которое называет «продуктом и выражением стихийных сил нашего существа» [20]. По мнению С.Л. Франка, «сама устремленность на вещи – в восприятии или в мысли, в хотении или в чувстве – переживается в большинстве случаев нами не как отчетливо воспринятая, в себе самой сущая, внешняя душевной жизни инстанция, а как неоформленная, слитая со всем остальным... составная часть нашей душевной жизни [20]. О.А. Голубкова подчеркивает, что внутренний механизм ценностей личности формируется на уровне подсознания посредством, выражаясь словами Г. Гомперца, «тотальной импрессии», под которой понимается нерасчлененное впечатление от целого предмета, предшествующее и лежащее в основе его отчетливого узнавания [6], [7].

Размышляя об осмысленности/неосмысленности ценностей, А.С. Кравец указывает на то, что, если ценность не осмыслена, корректно говорить о «неосознаваемых значимостях», а не о ценностях [12]. Неосознаваемые значимости являются стимулом для ответных реакций типа рефлекторного характера, неэксплицированной мотивации, подражания. Ценностью же должно считать только осмысленную человеком значимость чего-либо, лежащую в основе мотивации, оценки, идеала, императива. На осмыслении как основе формирования личностью ценностной картины мира настаивает и Х.С. Вильданов, который акцентирует внимание на том, что сформированные ценности способствуют рационализации поведения человека [4].

Осмысленные ценности становятся «подмножеством множества всех возможных человеческих смыслов», войдя в него как ценностные смыслы (наряду с такими его видами, как когнитивные, проективные, истинные, фантастические и т.д.) [12, с. 25]. И.Г. Сухина, отмечая «взаимную конгруэнтность ценности и смысла» (ценность имеет свой смысл, а смысл – свою ценность), также говорит о ценностных смыслах. Однако при этом автор подчеркивает, что «ценность есть не просто вид смысла... а смысл как таковой, который становится актуальным достоянием сознания в виде ценности» [17, с. 150]. А по мнению

Б.С. Братуся, ценности «есть осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни» [1, с. 26]. В психолого-педагогической литературе, кроме того, применяются понятия «личностной ценности» и «личностного смысла». Личностная ценность понимается как ценность, преломленная через призму индивидуальной жизнедеятельности и вошедшая в психологическую структуру личности [15]. Личностный смысл определяется как значение, которое объект приобретает для человека в результате его личного жизненного опыта [13]. При этом отмечается, что, рождаясь из потребностей и сопровождаясь переживанием, личностная ценность и смысл при благоприятных условиях (в том числе, например, в учебно-воспитательном процессе школы) порож-

дают новые потребности – потребности более высокого уровня [9].

Другими словами (заметим это, несколько забегаая вперед), импрессинг, рождаясь из потребностей одного уровня и содержания, активируя природные задатки к деятельности, порождает в свою очередь новые потребности – в этой деятельности реализоваться, постоянно развиваться в ней (духовные потребности).

С психологических позиций, смысл, как и ценность, отражает значимость для личности любых явлений и событий ее жизни, с культурологических – смыслы обозначают доминантность ценностей, таких, как добро, красота, любовь, свобода и т.п. В классическом для философии, культурологии и социологии значении под «смыслами» понимаются человеческие ценности, лежащие в основе социальной деятельности и функционирования общества в целом [13].

Как можно заметить, представление о феноменах ценности и смысла, и тем более об их соотношении является дискуссионным. Для понимания механизма исследуемого нами феномена наиболее продуктивной, на наш взгляд, является точка зрения, которую представил А.С. Кравец. Он отмечает, что понятие «значимости» сближает понятия «ценности» и «смысла». Возникающее переживание определяет тот факт, как отмечает Е.В. Галынина, что осмысление окружающего мира не может основываться только на формально-логическом мышлении [5]. Общим является то, что и ценность, и смысл выражают отношение к миру: «через ценности и смыслы человек вовлекает мир в сферу своего сознания, переводит в план своей жизнедеятельности» [12, с. 12]. Формирование смысла, как и формирование ценности, определяется одновременно и внутренним миром субъекта, и миром внешним, с его идеалами и нормативами. У них объективно-субъективная природа уже потому, что причина их формирования, как указывал Э. Гуссерль, – наличие «переживающего Я» [8, с. 14]. Смысл всегда есть смысл о мире, хотя первое существует в сознании, а второе – в реальности [5], [12].

Однако, как отмечает А.С. Кравец, у ценностей и смыслов разные функциональные установки [12]. Оценивание формирует ценность чего-либо в жизни и деятельности человека, а осмысление конституирует в конечном результате смысл. С одной стороны, в основе любого процесса конституирования смысла в повседневной, научной и художественной деятельности лежит ценностный выбор, оценивание. С другой стороны, всякая ценность становится для человека осознанной, эксплицированной, взвешенной только благодаря ее осмыслению, наделению смыслом [12].

Другими словами, в соотношении ценности и смыс-

ла акцент может быть поставлен на том, что, если в формировании ценности велика роль эмоции, сигнализирующей об удовлетворении потребности, что зачастую обуславливает непроизвольность возникновения значимости объекта для субъекта, то смысл всегда связан с мыслью: осмысление – путь к получению смысла [12]. Не случайно продуцирование смысла именуют смысловотворчеством. Смысловотворчество направлено как на осмысление мира, так и своей деятельности, своей жизни, своего «Я» [12]. Наиболее важной функцией смысловотворчества, как отмечает А.С. Кравец, является «перевод данного в чувстве мира в формы мышления» [12, с. 12].

Принципиально важно понимать, что происходящее с человеком во время импрессионного воздействия среды есть не только психофизиологический процесс, но прежде всего процесс, который может и должен быть описан понятиями «смысловотворчества», «душевной жизни», «деятельности» и т.п. М.С. Каган отмечал, что в основе такого вида деятельности, как формирование ценности, лежит именно переживание как наиболее эффективный для него психический инструмент [11]. Производство смысла посредством переживания дает основание исследователям говорить о переживании как о продуктивном процессе, как об особой работе. Выражаясь словами С.Б. Токаревой, переживание в таком ракурсе рассмотрения оказывается «уже не психической «функцией», стоящей в одном ряду с памятью, восприятием, мышлением и воображением», но деятельностью, самостоятельным процессом, в реализацию которого функции памяти, мышления и воображения включаются так же, как и в реализацию всякой человеческой деятельности. Переживание как деятельность «направлено на саму жизнь, на обеспечение психологической возможности ее реализации» [18, с. 171]. Специфика переживания по сравнению с другими видами деятельности – практической и познавательной, – по мнению Ф.Е. Василюка, состоит в том, что «продукт переживания всегда нечто внутреннее и субъективное – душевное равновесие, осмысленность, новое ценностное сознание» [2, с. 13]. А М.С. Каган основанную на переживании ценностную ориентацию в мире как вид деятельности охарактеризовал так: «эмоциональная активность в очеловеченной – одухотворенной, следовательно, окультуренной – форме» [11].

Устремление к деятельности есть лично и общественно важный результат импрессионного воздействия среды на индивида. Но и происходящее в процессе импрессионного – уже «душевная деятельность», состоящая в оценивании-переживании сначала сути самого произошедшего воздействия (высокая эмоциональная напряженность определяет его непроизвольность) и затем происходящих в сознании субъекта перемен – рождения устремленности к конкретной творческой деятельности, т.е. активирования заложенных в индивиде склонностей (задатков) к этой деятельности. В тоже самое время на-

чинает осуществляться (запускается) и та «душевная деятельность», которая определяет такой длительный эффект результатов импрессионного во времени – «смысловотворчество» – наделение смыслом «выбранной» творческой деятельности, ее интенциональности (например, содержание художественного творчества или выбор стилистического направления в искусстве), которое может происходить длительно, порой всю жизнь.

Поскольку, как уже было сказано выше, смыслы (как и ценности) возникают только при встрече человека с миром, в «бытии-человека-в-мире» [24], постольку импрессионный становится неким катализатором такой встречи и катализатором «творческой активности субъекта в образовании смыслов» [12, с. 16]. Обратим внимание на двойную направленность такой творческой активности и ценностно-смыслового результата импрессионного: направленность внутреннюю и внешнюю. Если внешний результат связан непосредственно с избираемой творческой деятельностью и ценностью ее продуктов для культуры, то результат внутренний жизненно значим для самой личности и определяется ее глубинными потребностями в самоидентификации, самореализации, в конституировании, выражаясь словами В.Н. Сагатовского, «исходных жизненных смыслов» [16]. Потребности «ищут» своего удовлетворения и находят в тех воздействиях социокультурной среды на человека, которые по причине их высокой значимости (вызывают переживание) и обретают статус импрессионных. Другими словами, импрессионный как феномен, как механизм необходим для актуализации потребности человека в конкретном виде творческой деятельности (не только склонности к ней, но потребности), что приводит к мысли о потребности человека, выражаясь словами С.Б. Токаревой, в «установлении смыслового соответствия между сознанием и бытием», в «упорядочении внутреннего мира» в преобразовании и изменении себя [18, с. 171]. Э. Фромм отмечал, что «развертывание потенциалов и преобразование их в меру своих возможностей – вот что человек действительно совершает в процессе истории», и совершить он это может «только в соответствии со своей собственной природой» [21]. И если, как уверяют педагоги и психологи, каждый человек талантлив в чем-то от природы, то импрессионный – один из механизмов обнаружения таланта как обнаружения своих «ценностных смыслов» (И.Г. Сухина), «исходных жизненных смыслов» (В.Н. Сагатовский). Обретение же человеком своих ценностных смыслов, как отмечает И.Г. Сухина, можно назвать «человеко-творчеством» [17, с. 150]. Рассуждения в русле биосоциокультурного понимания роли импрессионного в порождении и удовлетворении экзистенциальных потребностей человека можно продолжить также словами Э. Фромма о том, что человек – «существо сотворенное, но у него есть потребность преодолеть это пассивное состояние», стать творцом своей жизни [21].

«Душевная деятельность», обнаруживаемая в импрессионизме при рассмотрении его как процесса, исходя из всего сказанного, может быть определена как ценностно-смысловая. При этом заметим, что дифференциацию ее элементов, представленную нами (ценности, смыслы, ценностные смыслы), все-таки при очевидном обнаружении их «перетекания» друг в друга следует считать условным. Это касается и ценностно-смыслового единства, образующегося как результат импрессионизма и по своему функциональному назначению сближающегося с ценностными ориентациями, представляющими собой динамическую, но при этом относительно устойчивую систему ценностно-смысловых (социальных, культурных) установок. Ценностно-смысловой комплекс, образующийся в результате импрессионизма в сознании личности относительно избранной деятельности, обеспечивает направленность личности на цели, связанные с достижением значимых результатов в этой деятельности, а также находит свое выражение в необходимых качествах личности (целеустремленность, настойчивость, уверенность и т.д.), в мыслительных и поведенческих установках, в конкретных поступках. По мнению В.Н. Сагатовского, жизненный смысл, «самопорожденный» в импрессионизме, в дальнейшем уже как ценностная ориентация на творчество организует взаимодействия, поведение, поступки, выбор [16].

От сформированных в результате импрессионизма ценностно-смысловых установок на деятельность зависит то, как будут реализованы в этой деятельности активированные импрессионизмом задатки индивида. Ценности телеологичны: как отмечает И.Г. Сухина, ценность предполагает «выверенную точку человеческих устремлений» [17, с. 151]. А.И. Матвеева, выражая философский взгляд на назначение ценностной установки, указывает, что последняя содержит в себе не только «желание (предрасположенность) субъекта к духовному процессу», но и его детерминацию вплоть до «предзаданности», выражающейся в «заданном алгоритме, векторе и характере духовного процесса» [14]. О подобной предзаданности, «живущей в художнике» и выражающейся в интенции как особой направленности сознания, рассуждает с культуролого-философских позиций М.С. Каган [11]. В социологическом представлении о роли ценностных установок нет такой уверенности в подобной «предзаданности»: ценностные установки, по мнению У. Томаса и Ф. Знанецкого, определяют «реальную или возможную активность индивида в социальном мире» [19, с. 344]. Так, и пережитый личностью импрессионизм, активировавший в ней задатки к творческой или иной деятельности и породивший в сознании личности смысл в этой деятельности, не может гарантировать того, что личность достигнет на этом поприще «высот» и внесет в культуру более или менее значительный вклад. Безусловно, порождением смысла деятельности смыслотворчество не ограничивается: как отмечает

А.С. Кравец, когда мысль обретает форму (сформулирована), появляются богатейшие возможности для углубления смысла через его анализ, для связывания с другими смыслами (синтез), а также для вывода одних смыслов из других [12]. К подобным процессам непосредственное отношение имеет поступок, который, по мнению

В.П. Зинченко, как действие-посредник, организует взаимодействие между смыслами и значениями, создает предпосылки для формирования и развития личности, и, следовательно, для развития новых смыслов [10, с. 302]. Таким образом, как указывает А.С. Кравец, «смысл приобретает самостоятельную форму самодвижения»: он может обобщаться, достигая «нежизненных абстракций», или же, наоборот, конкретизироваться [12, с. 13]. Иллюстрацией тому может служить «судьба» задатков, активированных импрессионизмом и развившихся до способностей: талантливая личность может наполнять свою деятельность разными по реалистичности смыслами и в результате или реализовать свои способности в деятельности, поверив в них и в себя, или же, напротив, сформировав «нежизненные» смыслы, не реализовать себя и свой талант.

Но если потенциал импрессионизма реализуется, то происходящее с личностью в избранной ею деятельности вполне подходит под описание творческого движения гения, в котором, выражаясь словами

М.С. Кагана, «живет нечто, что запускает творческое действие, направляет, регулирует и доводит его до конца» [11]. В.П. Эфроимсон отмечал особую настойчивость, отличающую гения, – «не столь уж редкую беззаветную, абсолютную, дальше заставляющую фанатически-концентрированно, неотступно, заниматься избранным делом, будь то конструирование аппарата, прибора, усовершенствование существующего, какое-то новшество, какая-то проблема, поэма, скульптура, картина, литературное или музыкальное произведение» [25]. Для того, чтобы обрести такую целеустремленность и непреклонность, вероятно, необходимо прийти к тому, что С.Л. Франк назвал «единством души». От переживания чувственно-эмоционального единства (через непосредственные оценки-стремления) и сверхчувственно-волевого (воля к действию) к идеально-разумному (духовному) направляющему началу. Переживание этого наивысшего единства С.Л. Франк описывает так: «это есть свободное хотение без всякого элемента своеволия, а, напротив, с сознанием идеальной невозможности иного хотения» [20]. М.С. Каган именует это «океаническим чувством» мастера, которое просится наружу, которое нельзя удержать в себе» [11]. Подобное сложное сочетание сознательного и подсознательного, рационализованного и интуитивного в основе творческих актов, по мнению М.С. Кагана, – необходимое требование

прогрессировавшей в историческом времени сложности творческой деятельности человека [11].

Анализ ценностно-смысловой природы импрессионизма, таким образом, позволяет описать формирование ценностно-смыслового отношения личности к творческой деятельности посредством импрессионизма (индиви-

дуальный уровень функционирования). Но также он дает возможность выявить и наметить пути дальнейшего анализа роли импрессионизма, причастного к активированию способностей гениальных личностей, вносящих весомый вклад в культурную жизнь общества, как одного из механизмов саморазвития культуры (социокультурный уровень функционирования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь, Б.С. Нравственное сознание личности: (Психологические исследования). – М.: Знание, 1985. – 64 с.
2. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М.: Издательство МГППУ; Смысл, 2003. – 243 с.
3. Викторова Е.В. Социокультурный подход к анализу природы импрессионизма // Знание. Понимание. Умение: Научный журнал Московского гуманитарного университета. – 2016. – №1. – С. 253-262.
4. Вильданов Х.С. Ценность как предмет философского познания: Автореферат дисс. ... д-ра филос.наук: 09.00.01. – Магнитогорск, 2009. – 35 с.
5. Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. – М: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. – 130 с.
6. Голубкова О.А. Ценностные ориентации личности как социокультурное явление: философско-методологический анализ: Дисс. ... к-та филос.наук: 09.00.11. – Санкт-Петербург, 1998. – 139 с.
7. Гомперц Г. Учение о мировоззрении. В 2 т. / Пер. В. Базарова, Б. Столпнера. – СПб.: Шиповник, 1912.
8. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. – 1991. – Вып. 1. – С. 12-21.
9. Дусаевичкий А.К. Развитие личности в коллективе в зависимости от организации учебной деятельности: Дисс. ... докт. психол. наук: 19.00.07. – Харьков, 1989. – 362 с.
10. Зинченко И.С. Проблема творческой деятельности человека в социально-философском измерении: Автореферат дисс. ... к-та филос.наук: 09.00.11. – М., 2014. – 23 с.
11. Каган М.С. Философия культуры. – М.: ТОО «Петрополис», 1996. – 415с.
12. Кравец А.С. Смыслы и ценности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2007. № 6. – С. 3-27.
13. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 486 с.
14. Матвеева А.И. Духовная социализация как проблема социальной философии: Автореферат дисс. ... д-ра филос.наук: 09.00.11. – Челябинск, 2011. – 42 с.
15. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. Учебное пособие для студентов – М.: Институт практической психологии, 1997. – 365 с.
16. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии [Электронный ресурс]: В 3-х ч. – Ч.3. – СПб., 1999. URL: <http://sofik-rgi.narod.ru> (дата обращения: 18.02.2023).
17. Сухина И.Г. О культурологическом содержании и значении дефиниции ценности: пропедевтика в аксиологию культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – Том 24 (63). – 2011. – № 2. – С. 148-156.
18. Токарева С.Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 256 с.
19. Томас У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий // Америк. соц. мысль / под. ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 335-337.
20. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест. – М.: АСТ, 2000. – С. 631-990.
21. Фромм Э. Здоровое общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=138684> (дата обращения 12.02.2023).
22. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
23. Фромм Э. Человек для себя [Электронный ресурс]. URL: <http://modernlib.ru/books> (дата обращения 12.02.2023).
24. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Изд. фирма «Ad Marginem», 1997. – 451 с.
25. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика // Биология. – 2000. – № 31. – С.5-11.

© Викторова Елена Викторовна (vikele@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗНАКИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОПОВЕЩЕНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Галимова Наиля Вагизовна

Кандидат культурологии, доцент, Северо-Кавказский
государственный институт искусств
hudshkolanal@mail.ru

COMMUNICATIVE SIGNS OF OWNERSHIP NOTIFICATION IN THE ETHNOCULTURE OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA

N. Galimova

Summary: The choice of the topic is due to the significance of the modern science of research of communicative phenomena, which gives us the opportunity to consider some significant systems of ownership notification that exist in the traditions of the peoples of Kabardino-Balkaria. The subject of the study declared separate aspects of the communicative structures of ethnic sub-use in the traditional culture of Kabardino-Balkaria.

As part of the work, the results of the analysis of the graphic originality of the iconic-communicative identifiers existing in socio-cultural practices of Kabardino-Balkarian ethnic groups were set out. The theoretical and methodological base of the study is the historical and cultural approach in the analysis of the traditional culture and the concept of a typological paradigm to comprehend the structures of communicative sign forms. In the course of the work, the specifics of the graphic modeling of generic signs-tamga, bookmark-ex-literis, in the context of the representation of the ethnography of the iconic use of the existing Kabardino-Balkaria peoples, were identified and theoretically substantiated.

Keywords: communicative signs, sign formations, visual identifier, tamgi, owner's notification, book sign, ex-libris, ethnoculture of kabardians and balkars.

Аннотация: Выбор темы обусловлен значимостью для современной науки исследований коммуникативных феноменов, что дает нам возможность рассмотреть некоторые знаковые системы владельческого оповещения, существующие в традициях народов Кабардино-Балкарии. Предметом исследования заявлены отдельные аспекты коммуникативных структур этнического знакопользования в традиционной культуре Кабардино-Балкарии. В рамках проведённой работы изложены результаты анализа графического своеобразия знаково-коммуникативных идентификаторов, существующих в социально-культурных практиках кабардино-балкарских этносов. Теоретико-методологической базой исследования выступают историко-культурный подход в анализе традиционной культуры и концепции типологической парадигмы к осмыслению структур коммуникативных знаковых форм. В ходе проведённой работы выявлена и теоретически обоснована специфика графического моделирования родовых знаков – *тамга*, книжных знаков – *эклибрис*, в контексте репрезентации этнографии знакопользования существующей в социокультуре народов Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: коммуникативные знаки, знакообразования, визуальный идентификатор, тамги, владельческое оповещение, книжный знак, эклибрис, этнокультура кабардинцев и балкарцев.

Современная художественная культура народов России демонстрирует свою идентичность при помощи визуальных коммуникативных образов. Повсеместно распространяющиеся коммуникативные процессы проявляются в различных областях художественных практик, воздействуя на формирование новых знаковых образов, идентифицирующих этнокультурные коды. Таким образом, символы, применяемые в традиционных художественных практиках, транслируют потребителю национальные кодовые артефакты, посредством «использования и формирования значений <...> в рамках знаковой системы» [1, С. 23 - 28].

В область распространения коммуникативных знаковых образований попадают не только объекты традиционных ремёсел, но и различные семиотические формы визуальной идентификации. Благодаря этому, в совре-

менной культурологии не снижается научный интерес к изучению коммуникативных знаков, справедливо считая их многофункциональными художественными феноменами. Актуальной задачей исследования выступает культурно-исторический анализ отдельных форм коммуникативного знакопользования бытующих в традиционной культуре народов Кабардино-Балкарии.

Простейшие изобразительные образы, появившиеся ещё на самых ранних этапах развития человечества, как визуализаторы информации, вследствие временных и структурных модификаций эволюционировали в коммуникативные знаки. Эти знакообразования, в дальнейшем привели к возникновению письменного языка, изобразительного искусства, книгопечатания, традиционных народных ремёсел. В наше время, знаковые образы, бытующие в традиционном искусстве разных наро-

дов, несмотря на частичную утрату своих семиотических качеств, выступают основой для создания «коммуникативной среды общества» [18, с.9].

Применение культурно-исторического и типологического методов при рассмотрении традиционных художественных практик представляется закономерным, так как позволяет выявить специфику отдельных форм коммуникативного знакопользования в этнокультуре Кабардино-Балкарии.

Разработка этнографических, орнаментальных и книжно-графических аспектов в художественной культуре Кабардино-Балкарии потребовала обратиться к различным научным работам, таких авторов, как Л.И. Лавров, Р.Т. Хатуев, В.В. Худолей, Г.Е. Афанасьев. При разборе знаково-семиотической структуры визуальной идентичности мы использовали исследования Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, Т.В. Лазутиной.

Принципиально важной задачей данного исследования является выявление специфики знаково-коммуникативной визуализации, отдельных графических комплексов, в традиционной культуре Кабардино-Балкарии. Соответственно, необходимо провести комплексный анализ и охарактеризовать особенности коммуникативного знакообразования, в контексте отображения традиционных знаковых форм владельческого оповещения, наличествующих в визуальной культуре Кабардино-Балкарии. Предмет исследования - специфика практик коммуникативного владельческого оповещения демонстрирует своеобразие традиций знакопользования, формирующих визуальную идентичность этнокультуры Кабардино-Балкарии. Разбор коммуникативных знаков владельческого оповещения и практик их применения предполагает определенных теоретических суждений по данной проблеме.

Терминологическое определение «символ» эволюционировало от тайных условных «знаков», существовавших в Древней Греции, при помощи которых, обозначались тайные понятия и смыслы, предназначавшиеся для определенных групп лиц. Базируясь на древнегреческой этимологии, в российской философской науке, трактовка понятий «знак» и «символ» определилась ещё в первой половине XVIII века. Первоначально эти терминологические определения обозначали - «признак» или «метка», а позднее приобрели иное значение, а именно *абстрактное отображение формы* (образа) при помощи одного знака. Наиболее часто термины «знак» и «символ» используются в искусстве, при характеристике художественного образа, или в традиционных промыслах, проявляясь «специфическим культурным кодом», отображающим ценностные ориентиры народного творчества [11, с. 207-209].

Для системного понимания процесса знакообразова-

ния, прежде всего, необходимо обратиться к архаичному времени, когда знаки предназначались для мифологического и магического толкования окружающего мира. К примеру, показательное демонстрирование социального статуса человека происходило через одяние, причёску, нательных рисунков, различных украшений и иной атрибутики, являющейся «содержательным массивом данных». Все вышесказанное обосновывает, что это был период «присвоения готовых продуктов природы» и человек познавая мир, пока еще не стремился его реформировать, а смысловая фабула знака была для него гораздо важнее, чем его предопределение [2, с. 42].

В первой половине XX века немецкий философ Э. Кассирер определил, что эволюционные трансформации «символической функции», происходящие в системе знакопользования, связаны с духовно-философским содержанием и цивилизационными понятиями этносов на окружающую действительность, «в зависимости от способа воззрения на нее» [8, с. 29].

В процессе становления знаковых структур коммуникативного владельческого оповещения, в традиционной культуре народов Кабардино-Балкарии сложились обстоятельства, способствующие формированию канонов визуальной идентификации в сфере художественного ремесленного творчества. Благодаря им, из поколения в поколение передавалась визуальная информация, которая наиболее ярко отражала «функцию идентификации» [4, с. 13]. Потому, в знаковых коммуникативных системах владельческого оповещения, в качестве основных канонических образцов сформировались графические образы, обладающие «высокой функциональностью, вариативностью, способностью к комбинаторике» [15, с. 64]. Установленные и рассмотренные нами образцы знаковой орнаментики кабардинцев и балкарцев позволяют утверждать, что основные канонические формы, широко применяемые в ремесленных практиках, представлены в плетении циновок – «ардженов» (каб.), изготовлении войлоков – «кийизов» (балк.), золотом шитье – «дыщэ идэ» (каб.), резьбе по камню, металлу. Наиболее используемыми каноническими формами являются простейшие графические знаки (ромб, круг, треугольник, квадрат, косые и прямые линии), а также их комбинации.

В рамках данного исследования представляется возможным более подробно рассмотреть один из древнейших коммуникаторов владельческого оповещения – наследственный знак «тамга». Тамгопользование является важнейшим социокультурным феноменом, бытующим по настоящее время у северокавказских народов. Эта форма кодово-орнаментального «фольклора» представляет собой основную этнографическую структуру визуальной идентичности культуры народов Кабардино-Балкарии. Основываясь на теоретических разработках авторов (Л.И. Лавров, П.С. Паллас, Р.Т. Хатуев) иссле-

довавших эволюцию наследственных знаковых систем, возможно попробовать расшифровать смысловые значения некоторых тамга-знаков, делая акцент на религиозно-тотемическую составляющую. Но всё же необходимо констатировать, что закодированную основу многих тамга-знаков «определить невозможно» [10, с. 103]. Фокусируя внимание на смысловой стороне, историк-кавказовед Л.И. Лавров, в своих научных исследованиях сформулировал информационно-коммуникативное содержание и специфику графической стилистики тамгообразных знаков различных этносов. Лавров подтвердил «полное или частичное графическое совпадение тамгов и знаков у разных народов» [10, с. 103].

В исторической и этнографической науке существуют однородные точки зрения об этимологии термина «тамга». У разных народов это название означает печать, клеймо, социальный или клановый знак (символ). Прототипы этих символических изображений возникли ещё в исторических условиях древнекаменного периода, как специфичное коммуникативное средство, «передающее сведения в форме визуальных образов» [20, с. 392 - 396].

В процессе историко-культурных трансформаций, функциональная и коммуникационная значимость фамильных тамгов возрастала. Первоначально, эти коммуникативные изображения имели наглядный характер, отождествляясь с конкретными материальными предметами, но позднее, в процессе эволюции стали приобретать смысл *знака*, подтверждая свою культовую и иерархическую функциональность, а именно определяя «то, в чем есть (положен человеком) смысл» [5, с. 127].

Как правило, визуальные семиотические идентификаторы предполагают передачу этнокультурных кодов и взаимодействие с другими соседствующими культурными традициями. Потому, в результате разноплеменного культурного обмена образовалась схожесть графического начертания многих тамгообразных знаков. В этой связи хочется упомянуть точку зрения историка И.Л. Измайлова, который писал, что различные виды тамгов «были широко распространены в средневековой Евразии и служили отличительными знаками правящих родов» [6, с. 156].

По утверждению многих историков культуры, тамгообразные знаки в северокавказском этнографическом районе бытовали в качестве визуальных идентификаторов ещё с сарматского периода (III в. до н.э. – III в. н.э.). А с начала XIX века, «фиксируются у многих кавказских народов Черноморско-Каспийского междуморья» [21, с. 5]. В частности, некоторые исследователи этнографии и материальной культуры народов Северного Кавказа предполагают, что присутствие родовых идентификаторов «тамга» свидетельствует о распространении «на Кавказе табуного коневодства» [9, с. 103]. Не подлежит

сомнению, утверждает Л.И. Лавров, что северокавказские тамги надлежит рассматривать главным образом как коммуникативные знаки (идентификаторы владельческого оповещения), необходимость в которых особенно ощущалась в таком хозяйстве, каким являлось животноводство.

В своей работе «Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент», один из первых российских исследователей кавказских тамг В.П. Пожидаев иначе представляет происхождение и историко-культурное значение тамга-знаков. Считая отдельные тамги тотемными знаками, Пожидаев намеревался выяснить их «смысловое значение», предполагая, что они совместно с сарматскими знаковыми комплексами Северного Причерноморья «положили начало глаголическому алфавиту древних славян» [17, с. 242]. Пожидаев высказывал предположение, что значение отдельных знаков «тамга» имеют двойное происхождение. Одни тамгообразования - крест, звезда, диск, шлем, безусловно, местного происхождения, «выросшие на местной почве». Что касается другого комплекса фигур: «цветок, жучок, черепаха, лира, то на этих элементах мы, безусловно, видим печать влияния отдаленной и древней культуры Юго-Восточного Средиземноморья (Египет)» [17, с. 251].

Фокусируя внимание на графической стороне тамгообразных знаков, в традиционной культуре Кабардино-Балкарии, мы обычно находим графемы изобразительная основа которых имеет сходство с буквами кириллического алфавита (О, П, Ю, М, С, Т, Н, Ф, Т, З и др.), а также их модификации. Как известно, особо популярными считались тамги в виде буквы «О» или «окружности», получившие большое распространение у многих народов мира и, судя по всему, не случайно. В философско-культурологическом дискурсе, данная модель знаковых графем считается наиболее древней и встречается в виде клейм, печатей, ярлыков, тамгов, как на предметах быта, так и в социокультурной практике. Округлые знаки, определенно являясь символами правящего сословия, «использовались ханами Золотой Орды», символизируя *упрощенную модель герба* или собственность правящего рода [3].

Значительный ореол распространения циркулярных знаков, по всей вероятности, не случаен. По-видимому, эти коммуникативные знаки, обладая сакральным смыслом, определённым образом были связаны с древними языческими культами. Графемы, имеющие в своей основе бесконечную замкнутую линию «круг» и их композиционные модификации, в парадигме культурно-философских знаний символизируют доминанты *совершенства, божественного начала, оберега*. Родственные знакообразные формы существовали во многих мировых культурах, но чаще всего они встречаются в Англии, Шотландии, Испании, Швейцарии, Греции. На

Западном Кавказе циркулярные формы наблюдаются на дольменах, которые появились на территории Черноморского побережья в среднем бронзовом веке (2900/2800 – 1400/1300 л. до н. э.). В этнокультурных традициях народов Кабардино-Балкарии циркулярные знаки (символы) имели особенную популярность в ремесленном искусстве (ковроделии, золотом шитье, плетении, резьбе по камню и металлу и др.). Известны случаи применения этого символа в роли «оберега». В этнографии кабардино-балкарских этносов бытовало поверье, что очерченная вокруг человека окружность должна оградить его от негативных вмешательств *нечистой силы*. В графической семиотике балкарцев особо значимым культовым знаком считался *косой крест*, который осуществлял функцию талисмана. В частности, балкарцы и карачаевцы до сих пор, в качестве оберега от сглаза, используют словосочетание «къынгыр къач» (косой крест). По сведениям М.Д. Каракетова в горных районах Карачая можно встретить «родовые камни» с крестообразной символикой, которые у карачаевцев считаются «фамильными и семейными талисманами» [7, с. 105]. По Каракетову - мифологический фольклор и обрядовая поэзия балкарцев сохранили предание о нарте Ёрюзмеке, который в качестве клятвенного символа на правой лопатке носил символ «крест».

Как бы не были устойчивы обрядовые традиции, они не бессрочны. Трансформирующиеся цивилизационные процессы сосуществования диктуют культурные нововведения. Новые идентификаторы нравственных и обрядовых традиций зарождались не сразу, а постепенно, одерживая вверх над прежними нормами. Традиционные категории идентификации образа, демонстрируя культурные коды, неизменно обновляли этническую систему знакообразования, «приобретая новые формы и значения» [19, с. 101].

Рассматривая проблемы коммуникативного знакопользования, нельзя не затронуть аспекты другой (родственной) семиотической системы идентификации наследственного владения – книжных графических знаков. Традиция украшать рукописи специальными надписями и знаками, свидетельствующими об их принадлежности определённому владельцу, бытовала ещё в Древнем Египте. Но с изобретением И. Гутенбергом, во второй половине XV века книгопечатания, ситуация кардинально изменилась. Внедрение в практику книгопечатания революционных технологий, «открыло новую страницу в культурной истории человеческой цивилизации» [12, с. 45].

Практика идентификации книг в северокавказском регионе, получила распространение после возникновения в 20–30-х годах XX века этнической письменности. Надо сказать, что вначале книжные знаки не имели широкого распространения - они присутствовали только в

качестве именных записей, в личных библиотеках просвещённого слоя общества. В качестве главных прообразов книжных знаков в культуре народов Северного Кавказа, можно рассматривать тамгообразные знаки и оттиски перстневых печатей, существовавших в виде визуального идентификатора наследственного владения. Последующая эволюционная ступень информативного книжного знака (экслибрис) в регионе была связана с развитием книгопечатной деятельности. Численность книг стало умножаться, и возникла необходимость обозначения на них знака, являющегося своеобразным визуализатором книжной собственности.

Социально-культурная и функциональная идентичность знаков «тамга» и «экслибрис» безусловна. По сути, оба знака символизируют владельческие документы, «идентифицирующие собственника имущества и закрепляющие его права на ту или иную вещь» [16, с. 15].

Термин «экслибрис», в переводе с латинского языка, означает «книжный знак». Обычно, данный владельческий знак, представляет собой графическую миниатюру, коммуницирующую профессию или увлечение собственника книжной библиотеки. Изобразительная стилистика книжных знаков представляет разнородность символическо-графического моделирования - от простейших каллиграфических записей и геральдических символов до всевозможных аллегоричных и абстрактных изображений. Таким образом, личные книжные записи и знаки владельческой визуальной идентификации, эволюционировали в самостоятельную систему графического искусства. По сути, книжные экслибрисы, идентифицируют национальные художественные традиции, воспроизводят этнокультурные коды и специфику определённых исторических периодов, что фактически инвертируют эти знаки в визуально-коммуникативный феномен культуры.

Книжные знаки, в этнокультуре народов Кабардино-Балкарии начинают присутствовать у определённых слоёв населения, как показатель уровня образованности и культурной социализации. Представители разных социальных слоёв: ученые, книголюбцы, творческая интеллигенция проявляют интерес к обладанию личных книжных знаков. Именно поэтому, данные графические произведения «малой формы» стали источником исторических сведений, по которым изучали литературные и художественные пристрастия конкретного периода, воссоздавали прежние библиотечные фонды. К сожалению, точных сведений и датированных фактов относительно библиотечных собраний, этого периода, не сохранилось. Первоначально, библиотечные фонды складывались из дарованных местной интеллигенцией книг общественным библиотекам. Как правило, даритель указывал на книгах своё имя или подтверждал подарок дарственной записью, фамильным знаком, каллиграфическим

идентификатором, именной печатью – существовавших в социокультурной практике народов Кабардино-Балкарии, в виде визуального коммуникатора владельческого оповещения. В аспекте вышеизложенного, необходимо учесть, что книжная владельческая символика не получила широкого распространения в культуре Кабардино-Балкарии. В тоже время, существование экслибрисов (даже в варианте именных печатей) указывало о формировании в прогрессивных слоях общества определенной традиции книжного собирательства (создания частных библиотек). В этой связи, В.В. Худoley размышляя об эволюции и исторических проблемах книжного собирательства утверждает, что изучение сферы интересов их владельцев «шаг к пониманию истории культуры региона» [22, С. 29 - 59].

В результате проведенного исследования мы установили, что знаково-коммуникативная семиотика, «это сочетание интуитивных и преднамеренных действий» [14, с. 6]. По определению А.Ф. Лосева, символический язык – это особая творческая система, которая содержит в себе культурный код, сохраняющий «субстанциальное тождество идеи и вещи» [13]. По этой причине, традиции знакообразования становятся идентификатором этнокультурных кодов, творческих идей и художественных объектов, формирующихся в процессе межкультурных взаимодействий. Являясь визуальным идентификатором национальной художественной культуры, коммуникативный язык знаковых образов проникает в различные

области социокультурной деятельности человека, отображая мировоззренческие представления определенных временных периодов.

Итак, в том или ином виде, знаковые структуры существуют в традициях народов, трансформируясь и проникая из одной культуры в другую. Иначе говоря, универсальным коммуникатором в межкультурном взаимодействии является коммуникативный знак, способный информативно воздействовать на подсознание человека. Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты визуально-коммуникативной системы знакопользования в традициях художественной культуры Кабардино-Балкарии. Краткая ретроспектива разрешает обусловить, что в традиционной этнокультуре региона существует сформированная система знакопользования, нередко демонстрирующая схожие функциональные закономерности. Знаковые системы, пытались изучать ещё философы античного периода, но до настоящего времени в науке остались не до конца установленными отдельные вопросы семиотического моделирования художественного образа, в контексте «наделения переносным значением художественных феноменов» [11, с. 207]. Наряду с этим, в настоящее время, актуализируется заинтересованность исследователей к этническим традициям знакопользования и визуально-коммуникативным символам, транслирующим социально-культурную информацию в цивилизационное пространство России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачишин В. Структурно-семиотический анализ телевизионных новостей // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 516 с.
2. Габриелян Т.О. Бренд в графическом дизайне: концептуализация, визуализация, идентификация / Т.О. Габриелян. - Симферополь: ООО «Антиква», 2018. — 228 с.: ил.
3. Галимова Н.В. Графический дизайн в социокультурном пространстве Кабардино-Балкарии / Н.В. Галимова. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. – 112 с.
4. Голан А. Миф и символ. - М.: Руслит, 1993. - 375 с.
5. Горбачев М.Д. Знак и символ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 126–132.
6. Измайлов И.Л. Знаки-тамги как символы болгарской государственности X – первой трети XIII века. И.Л. Измайлов // Археология евразийских степей №1. Казань: 2022 – С. 148 – 158.
7. Каракетов М.Д. Хазарско-иудейское наследие в традиционной культуре карачаевцев // Вестник Еврейского университета в Москве. М., 1997. - С. 103 - 110.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. - 272 с.
9. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. /Л.И. Лавров. Л.: Наука, 1978. – 91 с.
10. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. /Л.И. Лавров. Л.: Наука, 1982. - 224с.
11. Лазутина Т.В. Символический мир орнаментального искусства / Теория и практика общественного развития // Т.В. Лазутина. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2015. – С. 207-209.
12. Лоница С.Л. Книгопечатание как феномен информационного пространства русского государства XVI века // PR и реклама: традиции и инновации. 2014. № 1. С. 45-49.
13. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Интернет ресурс. Дата обращения 05.12.2022. URL: <http://www.psyoffice.ru/2732-9-losev000-index.html>.
14. Луптон Э. Графический дизайн от идеи до воплощения. / Пер. с англ. В. Иванов. — СПб.: Питер, 2013. — 184 с.: ил.
15. Мазурина Т.А. Товарный знак как идентификатор бренда / Т.А. Мазурина // Вестник ОГУ. — 2014. — № 5 (166). — С. 63–67
16. Плоцкая О.А., Сердитова Е.Н. Обычно-правовое закрепление права собственности: от родовых знаков к экслибрисам // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7 (140). - С. 11-23.

17. Пожидаев В.П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент / В.П. Пожидаев. – Нальчик. УЗКНИИ: №4, 1948. – С. 242, 243.
18. Прохожев О.А. Визуальные коммуникации в историческом и культурном аспекте/ О.А. Прохожев; Нижегород. гос. архитектур. - строит. ун - т – Н. Новгород: ННГАСУ, 2019. – 113 с.
19. Рогожинский А.Е. Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, средневековье и новое время // Археология Казахстана, № 3 (5). Алматы: «Хикари», 2019. – С. 99 – 121.
20. Рябцева Э.Г. Визуализация денотативной и коннотативной информации в печатном рекламном тексте // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 516 с.
21. Хатуев Р.Т. Карачаево-балкарская символика. Опыт этнической семиотики / Р.Т. Хатуев. – Серия «Библиотека краеведа». – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2012. – 88 с.
22. Худолей В.В. Экслибрис в России XX века // Невский библиофил: Альманах. Вып. 5. СПб.: 2000. – 272 с.

© Галимова Наиля Вагизовна (hudshkolanal@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский государственный институт искусств

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ГО ШУЧЖЭНЬ. ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ МГК ИМ. П.И.ЧАЙКОВСКОГО

Дин Вэйсин

Аспирант, Российская государственная специализированная академия искусств
dwx20162631@qq.com

PERSONAL FILE OF GUO SHUZHEN. FROM THE ARCHIVE MATERIALS OF THE TCHAIKOVSKY MOSCOW STATE UNIVERSITY TCHAIKOVSKY

Ding Weixing

Summary: Guo Shuzhen, born on 1 June 1927 in Tianjin, is a soprano singer and vocal teacher. She is currently Professor of Vocal Opera at the Central Conservatory of Music. She is Director of the Vocal Music Teaching and Research Department and supervises master's students. She is a member of the Academy's Academic Committee and the Academic Degrees Committee, a member of the Review Committee and Head of the Academy's Expert Panel. Also a member of the Academic Committee and the Academic Degree Award Committee. She is a member of the Titles Review Committee of the Academy. She has also acted as a judge in many major vocal competitions at home and abroad.

Keywords: Guo Shuzhen, research, archive, biography.

Аннотация: Го Шужэнь, родившаяся 1 июня 1927 года в Тяньцзине, - певица-сопрано и вокальный педагог. В настоящее время она является профессором кафедры вокальной оперы Центральной консерватории музыки. Директором отдела преподавания и исследований вокальной музыки, научным руководителем студентов магистратуры. Членом Академического комитета и Комитета по присуждению ученых степеней Академии, членом Комитета по пересмотру званий и руководителем Экспертной группы Академии. Также является членом Академического комитета и Комитета по присуждению академических степеней. Членом Комитета по рассмотрению титулов Академии. Она также выступала в качестве судьи на многих крупных вокальных конкурсах в стране и за рубежом.

Ключевые слова: Го Шужэнь, исследования, архив, биография.

Го Шужэнь родилась в Тяньцзине в 1927 году. В 1988 году Го Шужэнь получила премию «Выдающийся преподаватель» на Национальном конкурсе художественной песни колледжей искусств, а в 1997 году она получила первую премию за достижения в области преподавания в высших учебных заведениях страны. Она была назначена преподавателем аспирантуры в Китайской консерватории музыки, почетным профессором Тяньцзиньской консерватории музыки, членом последовательных профессиональных экзаменационных комиссий Министерства культуры и исполнительным директором Китайской ассоциации музыкантов [1].

Во время учебы солировала в операх в консерватории имени Чайковского, а в 1958 году была приглашена выступить в оперном театре имени Станиславского в Москве. Выступления были приняты настолько хорошо, что известный музыкальный критик Е. Грошовская [2] высоко оценила созданный образ Татьяны, героини А.С. Пушкина. После возвращения в Китай в 1959 году Го Шужэнь стала актрисой Центрального театра оперы и танца и преподавателем вокального отделения Центральной консерватории музыки.

В 1963 году Центральный театр оперы и танца дал китайскую премьеру оперы «Евгений Онегин». Онегин», Го Шужэнь повторила свою роль Татьяны, к большому вниманию и признанию со стороны всех слоев обще-

ства. В 1952 году окончила вокальный факультет Центральной консерватории музыки. В том же году вступил в Коммунистическую партию Китая. В 1958 году окончил Музыкальную консерваторию имени Чайковского в Москве, СССР, по специальности «вокальная музыка».

Позже она стала профессором голоса в Центральной консерватории музыки, где воспитала множество выдающихся вокальных талантов, посетила и выступила более чем в десяти странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки. У нее широкий диапазон, красивый и звонкий тембр, уникальный контроль и использование голоса, сочетающий поэтичность лирического сопрано, колоратуру драматического сопрано и кристальную ловкость витеватого сопрано; она умеет глубоко понимать подтекст произведения, интерпретировать его соответствующим образом и вживаться в образ [3].

Го Шужэнь дважды выступала в качестве тренера, отбирая молодых певцов на международные вокальные конкурсы, и был судьей на многих крупных внутренних и международных вокальных конкурсах, включая три подряд Китайских международных вокальных конкурсов, четыре Международных вокальных конкурсов имени Манюшко в Польше, три Всемирных китайских вокальных конкурсов в Тайбэе, а также 12-й Международный вокальный конкурс имени Чайковского, Международный вокальный конкурс имени мадам Баттерфляй в Нагасаки, Япония,

Международный вокальный конкурс имени Тости. Международный конкурс вокалистов, Санкт-Петербургский международный конкурс вокалистов, Международный конкурс вокалистов имени Беллини и др.

Кроме того, она была членом жюри Гран-при Национального телевизионного конкурса молодых певцов (1984-1998), Национального конкурса вокальной музыки памяти Ни Эр Сянь Синхай, Национального конкурса вокальной музыки и Китайского конкурса иностранных песен.

Го Шужэнь родилась в Тяньцзине в обычной семье и выросла певицей, ее знакомство с полной версией «Кантаты Желтой реки» произошло в 1954 году, когда я учился в Советском Союзе и увидел ее в живом исполнении на русском языке в исполнении советских музыкантов. Прослушав ее, она была очень впечатлена, но ей показалось, что в том, как они пели ее по-русски, было что-то неправильное, поэтому она решила в будущем петь ее по-китайски. Позже она узнала, что композитор этого произведения, Сянь Синхай, некоторое время жил в Советском Союзе, умер здесь после продолжительной болезни и пользовался большим уважением советских людей. В 1956 году ей вместе с дирижером Дэлун Ли представилась возможность исполнить «Кантату Желтой реки» с Советским государственным симфоническим оркестром и хором в зале имени Чайковского в Москве. Этот опыт исполнения укрепил любовь к «Желтой реке». В 1957 году она приняла участие в Шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов – конкурсе классической песни в Москве, где, согласно правилам, участники должны были спеть арию (из оперы или кантаты) своей страны в дополнение к классической опере Запада (включая Советскую Россию), и выбор пал на «Желтую реку» и принес первую премию за выдающееся исполнение. Это была первая золотая медаль, полученная китайским певцом на международном конкурсе [4].

После премьеры в Национальном дворце культуры 25 ноября 1975 года этот концерт был исполнен в Столичной гимназии и Пекинском выставочном зале, самых известных площадках Пекина в то время, в ответ на большой спрос со стороны широкой публики, и был исполнен с аншлагами. Душераздирающий вокал Yellow River Cantata действительно заставил публику трепетать. Известный музыкальный критик Ли Линг написал: «Она

не пела, а говорила словами. Эти слова так заразительно сочетаются с сильными музыкальными ритмами, что слушатель бессознательно поглощен искусством». Он также сказал, что она «не только оживил «Жалобу Желтой реки», но и глубоко спела ее», и «выразил глубочайшее художественное воображение лирика полным и глубоким образом».

В 1975 году Го Шужэнь непрерывно исполняла «Жалобу Желтой реки» на самых известных в то время площадках Пекина, таких как Дворец национальной культуры, Столичная гимназия и Пекинский выставочный зал, при переполненных залах.

Сильная молодежь создает сильную нацию, а мудрая молодежь создает мудрую нацию. Первый шаг - быть сильным учителем. Хотя она уже давно вышла из возраста расцвета вокального исполнительства, как преподаватель, она по-прежнему несет ответственность за воспитание молодежи.

Хорошо спеть «Жалобу Желтой реки» – задача не из легких. Это вопрос техники и методики пения, а также полного понимания идеологического подтекста произведения. Без определенных навыков и методов пения трудно выполнить требования произведения; но без искренних эмоций и глубокого понимания произведения также трудно увлечь и заразить людей одними лишь навыками и методами.

В августе 2015 года в ознаменование 70-й годовщины победы Китайской народной войны сопротивления японской агрессии и Всемирной антифашистской войны она выступила в поддержку и организовала специальный концерт для учителей и учащихся в Национальном центре исполнительских искусств на тему «Помня историю и дорожа миром». Специальный концерт на тему «Помня историю и любя мир» состоялся в Национальном театре. На концерте прозвучали Седьмая симфония Шостаковича и Кантата «Желтая река» Сиань Синхая.

В последние годы красная классика стала главной темой художественной сцены, производя эстетический эффект «объяснения истории через искусство», «прояснения разума через искусство» и «укрепления веры через искусство»[5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нью Л.Э.И. Особенности педагогического стиля Го Шужэнь //художественное образование и наука Учредители: Российская государственная специализированная академия искусств. – №. 2. – С. 36-41.
2. Ма Ю., Лежнева Т.М. Вклад певицы и педагога Го Шужэнь в дело развития вокального искусства в Китае. – 2022.
3. Ван Д. Го Шужэнь - Одна из первых исполнительниц на китайской сцене партии Татьяны в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин» //Художественное

- образование и наука. – 2021. – №. 3. – С. 157-163.
4. Цянь К., Лежнева Т.М. Особенности обучения вокальному мастерству в Китае //Наука и образование в условиях мировой нестабильности: проблемы, новые этапы развития. – 2022. – С. 194-197.
 5. Чэнь С. Хранить постоянно (Из архива Московской консерватории) //Художественное образование и наука. – 2020. – №. 4. – С. 90-95.
-

© Дин Вэйсин (dwx20162631@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛОВ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НА ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКАХ РФ И КНР КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ли И

Аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
598949898@qq.com

THE SPECIFICS OF THE USE OF SYMBOLS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE ON BANKNOTES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA THE END OF THE XX- BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Li I

Summary: In this article, the author examines the images on the banknotes of the Russian Federation and the People's Republic of China of the late XX- early XXI centuries and their cultural and historical significance. In addition, the specifics of the use of symbols reflecting historically important signs and images on the currencies of both countries, as well as their significance in the context of reflecting national identity, are determined.

This work also reflects a brief historical digression in the field of money design and changing images on them.

The aim of the article is to study the specifics of the use of symbols of historical and cultural heritage on modern banknotes of China and Russia. The object of the work is the banknotes of both countries, and the symbols depicted on them are the subject.

Keywords: cultural and historical heritage, banknotes, semiotics, symbolic meaning, paper banknote, national image, symbolism, national identity.

Аннотация: В данной статье автор рассматривает изображения на денежных знаках РФ и КНР конца XX – начала XXI веков и их культурно-историческое значение. Кроме того, определяется специфика использования символов, отражающих исторически важные знаки и образы на валютах обеих стран, а также их значение в контексте отражения национальной идентичности.

Данная работа также отражает краткий исторический экскурс в сфере дизайна денег и смены изображений на них.

Целью статьи автор ставит исследование специфики использования символов культурно-исторического наследия на современных денежных знаках Китая и России. Объектом работы выступают денежные знаки обеих стран, а предметом-изображенные на них символы.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, денежные знаки, семиотика, символическое значение, бумажная банкнота, национальный образ, символизм, национальная идентичность.

Важность изучения вопросов сохранения культурно-исторического наследия актуальна как для Китая, так и для России. При этом, рассматриваются различные средства транслирования и сохранения понятий, концептуально важных в культуре и политике обеих стран. Кроме специально создаваемых произведений искусства, культуры и литературы, символы культурно-исторического наследия отражаются и в повседневной жизни, в том числе, на денежных знаках Китая и России. Деньги, как отмечает К.И. Шталенкова, являются одним из важнейших медиаторов социальных отношений [7], осуществляя, кроме расчетных, еще и коммуникативные функции. Денежные знаки рассматриваются в качестве специфического инструмента транслирования информации на уровне как отдельных личностей, так и общества в целом. Символические образы, которые определяются государством в качестве самопрезентации, могут быть нами исследованы в качестве информационных

единиц, которые могут создавать специфические семантические связи, формируя определенное символическое пространство. К.И. Шталенкова предполагает, что значимость конкретной символическо-информационной единицы не только выявляется во взаимосвязях с другими элементами, но также определяет элементы ее существования в различных аспектах (к примеру, культурная и финансовая сферы), что в конце концов предоставляет возможности для более глубоких связей между человеком и государством.

В контексте исследования нашей тематики важно описать изображения на бумажных банкнотах Китая и России и провести сравнительный анализ символов культурно-исторического наследия данных стран. Целью нашей работы будет специфика использования символов культурно-исторического наследия на денежных знаках РФ и КНР конца XX – начала XXI века. Объект ра-

боты – это использование символов на денежных купюрах данных стран, предмет значения изображенных символов на деньгах КНР и России.

А.П. Никитин отмечает, что в современном мире значение денег несколько трансформировалось и приобретает все новые функции [4]. Безусловно, оставаясь атрибутами власти и высокого социального статуса, денежные купюры на современном этапе развития общества отражают его социокультурный аспект, т.к. кроме номинала, содержат еще и определенную информацию на обеих сторонах. А.П. Никитин и В. Зелизер на также отмечают увеличение «множественности» разнообразия денег и их смыслов, подразделяя их на домашние, подарочные, моральные и институциональные [4]. Последняя характеристика в контексте данного исследования нас интересует больше всего, т.к. позволяет отразить социальную и государственную принадлежность денежных купюр. При этом деньги остаются неотъемлемой частью традиционного общества и важнейшим элементом жизни в социуме на территории конкретных стран и в межгосударственном пространстве.

В контексте тематики нашего исследования рассмотрим серию денежных купюр конца XX – начала XXI века в Китае и России. Специфической особенностью китайских банкнот пятой серии (1999–2005 гг.) является изображение портрета Мао Цзэдуна на лицевой стороне как основоположника учения маоизма и создателя политического строя, функционирующего в стране и по сей день. Данная функция отражает идеологический концепт и подчеркивает важность единства коммунистического лидера, который даже в повседневной деятельности близок к народу и заботится о его благополучии. Рядом с портретом вождя все номиналы купюр данной серии содержат изображения различных цветов: 1 юань – орхидея, на 5 юаней – нарцисс, на 10 – роза, на купюре 20 юаней – лотос, на 50 – хризантема, а на 100 юаней изображена японская слива. Значение данного символизма заключается в том, что цветам в Китае придается особое значение, и они сопровождают человека на всего этапах его жизненного пути. Элементы цветочного символизма встречаются в народном фольклоре (поговорках, пословицах), произведениях искусства, сопровождают проведение различных обрядов. Таким образом актуализируется значимость традиционных символов в повседневной современной жизни.

С оборотной стороны на купюрах изображены пейзажи, отражающие объекты природного и культурно-исторического наследия, которые наделены различными идеологическими смыслами. На купюрах представлены Дворец собраний народных представителей и дворец Потала, а также фрагменты водно-горного ландшафта Гуйлина и Янцзы. Царский дворец и буддистский храмовый комплекс, изображенные на 50 юанях, отражают ве-

личие человеческих творений, закрепляют значимость религиозных верований, традиций и обрядов в сознании китайского народа.

В качестве особого приема следует отметить изображение коллажей, на которых точка перспективы смещена и объединены разномасштабные объекты. Это актуализирует представление величия священного природного наследия с элементами культуры (к примеру, на изображении речного пейзажа в ущелье Чангян четко видна взаимосвязь природной красоты реки и творений рук человека). При этом надо отметить, что на данном пейзаже мы можем видеть не только саму реку, но также горы, покрытые лесами, чистое небо, что свидетельствует о величии и безграничности сил природы.

Пейзаж горы Тайшань с высеченными иероглифами на купюре в 5 юаней олицетворяет величие времени, вечность на фоне восходящего за горами солнца и одинокое дерево на скале как символ жизни, возрождения. Памятный камень и сосна на фоне массивной горной гряды актуализируют восход солнца, которое находится выше всех объектов, изображенных на купюре.

Горы изображены также на купюре в 10 юаней, где можно увидеть пейзаж долины «Три ущелья». В сочетании с рекой, текущей по ущелью и бескрайним небом, эти горы символизируют мощь и величие как китайской державы в целом, так и ее природного богатства.

Культурно-исторический фон, концепция изображения данных пейзажей актуализируют особую важность и причастность к величии истории мест традиционного императорского Китая [6].

Особое значение необходимо придавать юбилейной купюре в 100 юаней, которая была выпущена в честь начала нового XXI века. На центральной части лицевой стороны изображен главный символ Китая – летящий золотой дракон. Обратная сторона с изображением современного здания и национального герба КНР отражает причастность страны к современным тенденциям развития науки, техники и архитектуры, сочетая их с традиционными историческими ценностями.

Проанализировав символичный ряд на банкнотах Китайской народной республики, мы пришли к выводу, что специфика отражения государственной власти выражается в неприменном конструировании облика пространства, в котором данная власть реализует свои возможности и полномочия. При этом, как отмечает О.П. Шевчук, вектор развития направлен от социалистического менталитета к национальному, традиционному, где сюжеты социокультурного исторического наследия играют все большую роль и являются основными выразителями народной идеологии [6].

Не менее интересными являются изображения на денежных купюрах России, которые, в отличие от китайских, отражают пейзажи российских городов лишь с небольшими элементами природных ландшафтов.

На лицевой стороне бумажных денег присутствуют символы с обозначением номинала и достопримечательностей великих городов РФ, которые вошли в историю и имеют особенное значение для страны. На самой мелкой купюре в 10 рублей, которая практически не используется в обиходе и заменена монетами, изображается город Красноярск, и лицевую сторону украшает коммунальный мост через Енисей, часовня Параскевы Пятницы и Красноярская ГЭС. Параскева Пятница издревле имела большое значение для русского народа, считалась покровительницей семьи, домашних животных и домашнего очага, что было очень важно на русском Севере. Мост через реку Енисей также имеет символическое значение, т.к. входит в книгу ЮНЕСКО «Лучшие мосты мира», а Красноярская ГЭС является второй по мощности в РФ. На примере данной купюры видно, что серия российских бумажных денежных знаков отражает величайшие творения народа, исторические памятники, а также объекты культурного наследия, играющие значительную роль в жизни социума.

Купюра более крупным номиналом в 50 рублей посвящена Санкт-Петербургу – северной столице России. Символ Невы – фигура женщины, которая сидит на троне у основания Ростральной колонны, олицетворяет величие женщин в российской истории, подчеркивает значимость их вклада в развитие государства, а вид на набережную Васильевского Острова с Биржей и Ростральной Колонной также имеет определенное символическое значение. Кроме того, что стрелка Васильевского острова является одним из самых живописных видов Санкт-Петербурга, можно охарактеризовать ее как противоречивость развития государства, взгляд в будущее, перспективу освоения нового, неизведанного.

На сторублевой купюре четко видно изображение Москвы – столицы Российской Федерации, ее виды и достопримечательности. На лицевой стороне изображен фасад Большого театра с квадригой прекрасного Аполлона на переднем плане. Данный театр, переживший множество исторических событий и преобразований может являться одним из символов российской культуры и узнаваем во всем мире. На оборотной части денежного знака главным объектом выступает здание самого театра и Театральной площади перед ним. Изображение столицы, безусловно является необходимым элементом в оформлении современных денежных знаков не только по административному принципу, но также в контексте того, что Москва, являясь политическим, историческим и социально значимым центром Российской Федерации, занимает достойное место среди городов с мировым значением.

Следующая по величине купюра номиналом в 500 рублей содержит изображение Архангельска – великого северного города, который являлся портовым и торговым центром России на протяжении многих столетий. Могущество города и русского народа, которое выражает памятник Петру Великому. Фоном памятнику являются парусник и морской вокзал, показывающие основные направления развития города на Руси и в России – мореходство и морскую торговлю. Обратная сторона купюры представлена Соловецким мужским монастырем, который был основан еще в 1420–1430 гг. и на настоящий момент является наследием ЮНЕСКО. Данный культурно-исторический объект отражает величие русского народа, который в суровых климатических условиях совершал великие дела, подвиги, навсегда запечатленные в исторической памяти.

Архангельск является одним из древнейших русских городов и его изображение на денежном знаке подчеркивает значимость традиций, памяти о выдающихся людях, а также мужестве и стойкости жителей русского Севера. Это является неотъемлемой частью патриотического воспитания, формирования стойкости духа и национального самосознания и у подрастающего поколения.

Вторая по величине номинала купюра в тысячу рублей изображает еще одного древнейшего русского города Ярославля и показывает стены Кремля данного города, а также памятник Ярославу Мудрому с храмом в руках. Данный памятник был установлен в честь основания города князем Ярославом Мудрым, который и дал городу имя и столь высокий статус. Храм в руках князя символизирует единство народа и православной веры, а также то, что вера в руках и сердце человека помогает совершать великие дела и исторические подвиги.

Часовня Казанской Богоматери, которая имеет форму ракеты и устремлена вверх, в будущее, подтверждает данный факт и подчеркивает значимость православия в жизни российского народа и укреплении государственности. На обороте купюры символизм веры дополнен еще одним величайшим памятником истории – храмом Иоанна Предтечи, имеющим большое государственное и социокультурное значение. Проанализировав внешний вид купюры данного номинала, мы можем отметить ее символическое значение в контексте укрепления веры.

Самая крупная купюра, имеющая хождение в денежном обороте России – пятидесятирублевая. Она посвящена одному из северо-восточных городов – Хабаровску и также изображает памятники архитектуры исторического значения: городскую набережную и памятник, изображающий генерал – губернатора восточной Сибири, графа Н.Н. Муравьева – Амурского. Сами по себе данные памятники не являются историческими – они достаточно современные, однако символизируют те великие дела,

которые были совершены в определенные исторические периоды, в частности основание данного города на реке Амур. На оборотной стороне купюры изображается величественное строение – Хабаровский мост, которое называют Амурским чудом из-за особенностей конструкции с общей протяженностью 2700 метров. Данный мост позволяет сочетать значимость культурно- исторических традиций с достижениями современности, научно- технического прогресса, олицетворяя движение России вперед.

Особо необходимо подчеркнуть, что в 2017 году в обращении в России были введены новые купюры 200 и 2000 рублей. Они отличаются ярким, необычным дизайном и тем, что на них изображен не символ Банка России, а герб Российской Федерации, олицетворяющий мощь и величие российской державы.

Двухсотрублевая купюра изображает памятник затопленным кораблям в городе-герое Севастополе и на оборотной стороне – Государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Херсонес Таврический». Данные купюры отражают значимость не только рос-

сийского, но и мирового исторического наследия в контексте изображения памятников древнегреческой архитектуры, находящихся на территории Крыма. При этом с данными достопримечательностями можно ознакомиться достаточно подробно прямо на денежных купюрах, т.к. на них прорисованы мельчайшие детали и тонкости изображения музея и памятника. В данном случае символизм показывает включенность России в контекст мировой истории и признание, сохранение ценности памятников, которые важны для культуры в целом.

Как мы уже говорили ранее, деньги являют собой не только средства финансовых расчетов, но также являются выразителями культурно- исторических функций, носителями тех символов, которые отражают государственность, ее национальные особенности и те специфические черты, которые могут существенное значение для развития мировой культуры. Множественные функции денежных купюр позволяют обеспечить преемственность культурно- исторического наследия в КНР и России, а также транслировать те традиции и ценности, которые приняты в данных странах и сохраняются в течение многих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаева Л.Д. Денежная система Китая // Экономика и социум. 2017. №2 (33). С. 200-214.
2. Джанджугазова Е.А. Новый профиль образа России: монетарный подход // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. №3 (8). С. 103-120.
3. Крюкова О.С. Доминанты национальной идентичности в символике денежных знаков // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №1-1. С. 522-523.
4. Никитин А.П. Значение денег в традиционном типе общества: социокультурный аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №3. С. 51-57.
5. Ткаченко П.В. Оформление государственных кредитных билетов: персонификация России и изображения монархов // АНИ: экономика и управление. 2020. №4 (33). С. 361-364.
6. Шевчук О.П. О значении традиционной символики для современных наименований цвета в китайском языке // Общество и государство в Китае: XXXVI научная конференция: к 70-летию А.А. Бокщанина / Ин-т востоковедения. М., 2006. 256 с.
7. Шталенкова К.И. Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте // INTER. 2020. №3. С. 31-49.
8. Щербак Е.А. Банкноты России как экскурс по знаменательным городам страны // Инновационная наука. 2017. №11. С. 84-86.
9. Hartill D. Cast Chinese Coins. Victoria: Trafford Publishing, 2005. 450 p.
10. <https://prc.today/kitaj-s-koncza-xx-veka-do-nashih-dnej/> Режим доступа prc.today. Дата обращения 16.03.2023.

© Ли И (598949898@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТИЛЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ

STYLISTIC DISTINCTIONS
OF MODERN MUSIC

Wu Lei

Summary: In order to be able to understand modern music styles, it is necessary to refer to the "old times", especially since most musical directions have survived to this day, and are popular as before. In modern pop music, you can find motifs of jazz, especially its orchestral versions. Instrumental samples fit very well into electronic styles. And modern "Primo" can work wonders on stage, when the whole orchestra becomes a single musician, independently recording the bass, drums, vocals and guitar.

Keywords: styles, music, differences, differences.

У Лэй

Магистр, МГУ

1036835243@qq.com

Аннотация: Для того, что уметь разбираться в современных музыкальных стилях, необходимо обращаться к «старине», тем более что большинство музыкальных направлений сохранились до наших дней, и пользуются популярностью, как и раньше. В современной эстрадной музыке можно встретить мотивы джаза, особенно его оркестровые варианты. Весьма удачно вписываются инструментальные сэмплы в электронные стили. А современные «примочки» способны на сцене творить чудеса, когда целым оркестром становится один единственный музыкант, самостоятельно записывая партии баса, ударных, вокала и гитары.

Ключевые слова: стили, музыка, отличия, различия.

История фортепианной музыки во Франции берет начало в 15 веке, когда Франция была центром полифонической религиозной музыки, и в 19 веке, когда Берлиоз возродил французскую музыку. Дебюсси начал поток импрессионистской музыки. Напротив, история фортепиано в Китае была непростой. Согласно записям, фортепиано появилось в Китае после Опиумной войны, когда европейские иммигранты приехали в большом количестве, привезя с собой западные фортепиано и органы, которые оказали большое влияние на развитие современной китайской музыки[1]. Это показывает, что французская фортепианная музыка имеет долгую историю и была хорошо развита уже в 19 веке, а когда речь заходит о фортепианной музыке 20 века, основное внимание уделяется французским композиторам фортепианной музыки и их произведениям. Настоящее фортепиано появилось в Китае только тогда, когда он был хорошо развит, в условиях захватнического, угнетенного, полукOLONиального и полуфеодального общества, где условия обучения были крайне плохими. История фортепиано в Китае коротка по сравнению с Францией, но творческое вдохновение не иссякало. Какой стиль фортепианной музыки был бы создан в начале XX века при разной эстетике двух стран соответственно?

Дебюсси родился в Англе, Франция, в богатой семье и начал учиться игре на фортепиано в возрасте семи лет. Лунный свет» создает атмосферу туманной красоты, с яркой луной в ночном небе, похожей на серебряную пластину, переливающуюся сверкающими волнами, кажущейся тихой и теплой, с облаками, дрейфующими вдаль, медленно скрывающимися ее свет, и воздухом, наполненным таинственной, но темной аурой, навевающей бесконечную прекрасную задумчивость, раскрывая

художественные особенности импрессионистской музыки. Музыка характеризует искусство импрессионизма. Лунный свет» - это мелодия, состоящая из коротких, расчлененных мотивов, с лирическими, но короткими, лаконичными, но поэтичными фразами. Первые 14 тактов первой части имеют слабо восходящий ритмический рисунок в правой руке, что делает музыку успокаивающей и расслабляющей, изображая мирный лунный пейзаж. Во второй части фразы по-прежнему коротки и лаконичны, выражая французский «ясный, элегантный, простой и естественный лангтонгский» стиль музыки. В третьей части воспроизводится тема, при этом правый регистр смещается выше, делая музыку ярче, используются шестнадцатые ноты и быстрый ритм, показывая мерцающий свет в дымке, создавая запутанную атмосферу, показывая таинственную и туманную атмосферу [2].

Хэ Лутинг родился в 1903 году в обычной крестьянской семье в провинции Хунань, в детстве он познакомился с большим количеством народной музыки, а в подростковом возрасте изучал фортепиано, скрипку и гармонию. Когда известный европейский композитор и пианист Зилпин приехал в Китай, он финансировал конкурс «фортепианных пьес с китайским колоритом», и когда Хэ Лутинг узнал об этом, он работал над ним в арендованной комнате в портновской лавке, и в итоге получил первый приз в конкурсе за «Пикколо для мальчика-пастуха».[3]

Однажды Хе Лутинг сказал: «Пикколо, которое я написал, – это народная песня, о которой некоторые говорят, что это такая-то народная песня или такая-то народная песня, но на самом деле ничего подобного. Поскольку вы знаете так много народных песен, то то,

что получается, естественно, имеет народный стиль». На Хэ Лутинга повлиял лирический стиль г-жи Бинг Синь, в котором присутствуют «детскость, материнская любовь и природа». В плане гармонического письма Хэ Лутинг избежал противоречия между функциональной структурой и национальными тонами, создав первую современную китайскую полифонию. В первой и третьей частях произведения используется контрастная диатоническая полифония, в которой мелодии двух голосов «отвечают, отвечают и повторяются», опираясь на «фразовое удвоение» китайских народных песен [4]. В начале произведения две мелодические линии имеют подлинный колорит китайской народной музыки, одна высокая, другая низкая, как две пасторальные флейты, гармонично отвечающие друг другу, демонстрируя игривость двух мальчиков-пастухов. Во втором разделе мелодия в правой руке состоит из тридцати двух нот, имитируя звучание бамбуковой флейты в китайской народной музыке, а скачущие ноты в левой руке дополняют друг друга, образуя быструю и энергичную музыку, как будто мальчики-пастухи разбегаются и игриво зовут друг друга. В третьем разделе произведения используется техника народной музыки «орнаментация цветами», чтобы украсить мелодию орнаментальными нотами, придавая ей сильный национальный колорит и структуру, которая идеально подходит для эстетической привлекательности китайского народа.

На самом деле, поколение после 80-х было первым поколением, которое вступило в контакт с компьютерами и Интернетом, поэтому в ранние дни прослушивания музыки, или в основном BBS и музыкальные форумы, и только позже появились личные музыкальные блоги и музыкальные платформы, общие музыкальные форумы будут иметь разделы для различных музыкальных жанров, в то время было очень мало музыкальных ресурсов, поэтому слушатели более «голодные», поэтому слушатели более «голодные». Я также был модератором известного крупного музыкального форума, поэтому я общался с различными модераторами и, естественно, обменивался между различными музыкальными жанрами, плюс мне это тоже нравилось, поэтому я слушал много различных музыкальных жанров и музыкальных стилей. На самом деле это то же самое, что и многие другие вещи, например, мы пробуем разные жанры, когда смотрим фильмы, читаем книги и даже дружим с мужчинами и женщинами, это инстинкт человеческого любопытства, конечно, есть разница между людьми и их любопытством, возможно, я более любопытен, особенно в тех областях, которые мне нравятся.

Итак, я прослушал много разных музыкальных жанров и стилей, переходим к основной теме, начнем путешествие по музыкальным жанрам~ Прежде всего, я хочу сказать, что сегодня речь пойдет о жанре (музыкальном

жанре), музыкально называемом музыкальным жанром, а не о стиле (музыкальном стиле), музыкальный стиль на самом деле строго относится к подчиненной классификации музыкального жанра, подразделение музыки - это очень профессиональная вещь, в целом, я думаю. Я думаю, что достаточно слушать песни, чтобы знать тип музыки, знать некоторые музыкальные элементы, но стиль музыки слишком много, есть много музыкальных стилей под каждый тип музыки, есть много небольших филиалов, есть также много музыкальных мастеров их собственного оригинального стиля, так что это не очень строго, сложность которых может быть только заниматься музыкой истории людей говорить и исследования, я не буду вдаваться в слишком много деталей, только говорить о типе музыки.

Во-первых, музыкальный стиль на самом деле является слиянием многих музыкальных элементов, только песня имеет базовый жанр, например, песня имеет элементы фолка и элементы поп-музыки, в настоящее время это не рассматривается как музыкальный жанр, а как музыкальный элемент, тогда фолк-поп является музыкальным стилем в рамках поп-музыки. Во-вторых, есть и другие стили, которые характерны для определенной эпохи в развитии музыки или просто являются оригинальными для культового исполнителя.

Pop (поп), поп-музыка - самый распространенный тип музыки, а также составляет большую часть музыки, из-за значения самого слова поп, т.е. это популярная музыка, принимаемая большинством слушателей, а также разнообразная, включающая в себя множество музыкальных элементов.

Рок был очень тесно интегрирован с поп-музыкой в ранние времена, но теперь, когда он отделился, он, естественно, относится к музыке, которая больше ориентирована на рок, чем на поп-музыку. Рок стал более брутальным и варварским с появлением различных псевдо-рок жанров и многих негативных элементов, связанных с роком. С музыкальной точки зрения, рок фокусируется на ритме и атмосфере. Хотя временами рок может казаться негативным, он все же относительно прямолинеен, без слишком мрачного стиля, с чем я согласен, и это также хорошо для людей, которые играют рок, это болезненный и реальный способ выпустить пар в любое время. На самом деле, есть другой вид рока, который мне нравится больше, мелодичный рок, который на самом деле очень мужественный и имеет историю, которую можно рассказать, своего рода выбор, когда поп-музыки недостаточно для самовыражения.

Металл отличается от рока тем, что он более экстремальный и агрессивный, но также имеет атмосферный стиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапаева А.В., Сергеева А.В. Влияние классической музыки на музыку информационной эпохи //Рецензенты: Григорьева Лариса Георгиевна, д-р пед. наук. – 2022. – С. 56.
2. Жирова О.Я. Освоение региональных певческих традиций: подходы и методы //Освоение региональных певческих традиций: памяти ВМ Щурова. – 2021. – С. 61-64.
3. Цян Ц. Влияние тона на региональные стилистические особенности китайской художественной песни //Вестник музыкальной науки. – 2021. – Т. 9. – №. 2. – С. 197-207.
4. Енин С.А. Ономастические особенности самоидентификации и стилистические функции китайских мононимов в коммуникативном интернет-пространстве Китая //И 68 Иностранные языки в современном мире: материалы. – 2021. – С. 274.
5. Скафтымова Л.А., Ян П. Особенности исполнения китайской фортепианной музыки //Университетский научный журнал. – 2021. – №. 61. – С. 114-121.

© У Лэй (1036835243@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОГО БАЛЕТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БАЛЕТНОГО ТЕАТРА В РОССИИ

Цай Сюйцзюань

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург, Россия) 272783205@qq.com

EXPERIENCE OF PERIODISATION OF RUSSIAN BALLET IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF BALLET THEATRE IN RUSSIA

Cai Xiujuan

Summary: The development of Russian (Soviet and Russian) ballet is strongly connected with the history of Russia, with each of the historical and political, as well as social and cultural periods characterised by certain stages, achievements and conditions of formation of ballet art in general. From its birth in the 17th century to the present day, the history of ballet theatre has undergone an arduous and, in many respects, brilliant evolution, showing the world an example of independent development. At the beginning of the 20th century Russian ballet theatre was experiencing an extraordinary rise and began to dominate the world, which has continued for many decades until the present day. The article is devoted to the important issue of periodisation of the history of Russian ballet in its correlation with the development of ballet theatre in general. The vast repertoire of Russian ballet includes the best achievements of the world ballet art of the 19th–20th centuries, preserving the accumulated traditions. The history of the formation of these traditions is linked to the constant striving for new achievements resulting from the development of the mankind.

Keywords: Russian ballet, historical and cultural context of ballet art, periodisation, chronology of Russian ballet.

Аннотация: Развитие русского (советского и российского) балета тесно связано с историей России, где каждый из историко-политических и социокультурных периодов характеризуется определенными этапами, достижениями и условиями формирования балетного искусства в целом. С начала своего появления в XVII до сегодняшнего дня история балетного театра прошла самый сложный и во многом блестящий путь своего становления, показав всему миру пример самостоятельного развития. В начале XX века русский балетный театр был на подъеме и стал занимать ведущее место в мире, которое сохраняет за собой уже многие десятилетия.

В статье рассматривается важный вопрос периодизации истории русского балета в его взаимосвязи с развитием балетного театра в целом. Обширный репертуар русского балета включает в себя лучшие достижения мирового балетного искусства XIX–XXI веков, сохраняя накопленные традиции. История формирования этих традиций связана с неизменным стремлением к новым достижениям, обусловленным развитием человечества в целом.

Ключевые слова: русский балет, историко-культурный контекст балетного искусства, периодизация, хронология русского балета.

Балет (от итал. *ballare* — танцевать [2]) в России появился гораздо позже, чем в Италии и во Франции, но именно здесь он обрел свою завершенность, а его техника была возведена в высшую степень мастерства. Исторически первый балет в России был поставлен в подмосковном селе Преображенское 8 февраля 1673 г. при дворе второго царя из рода Романовых — Алексея Михайловича Тишайшего (1629–1676). Важно понимать, что с началом царствования рода Романовых в России начались кардинальные изменения в театральной жизни [5], приведшие в 1672 г. к появлению первого театра европейского образца, связанного с именем образованного боярина, стоявшего у истоков придворного театра, знатока западноевропейского искусства, — Артамона Сергеевича Матвеева (1625–1682) [6]. Но это были единичные постановки для царских особ и высшей знати. Как массовое явление балетные театры появились гораздо позже, столетие спустя, и балет стал модной забавой на европейский манер для знати.

Театры стали появляться в России с начала XVIII века, благодаря реформаторской деятельности русского императора Петра I (1672–1725), коснувшейся всех сфер жизни того общества. Светское искусство, связанное с западноевропейской системой, стало преобладать в театральной сфере. В 1730-е гг. были созданы придворная итальянская и французская труппы, сформирован придворный оркестр. К этому периоду в России действовало несколько крепостных театров, появились первые публичные театры в Москве, Петербурге и в некоторых провинциальных городах [4].

В конце 1702 г. в Москве на Красной площади уже стоял новый театр, который мог посещать каждый заплативший 3–10 копеек. Для нового театра решили открыть театральный школу, а в 1731 г. открывается привилегированное учебное заведение — Сухопутный шляхетский корпус, где балет становится обязательной дисциплиной для воспитанников, наравне с латынью и богословием. В 1734 г. в период царствования Анны Иоанновны (1693–

1740) в шляхетский корпус на должность танцмейстера был приглашен французский танцовщик и педагог Жан-Батист Ланде (1697–1748), с которого и начинается настоящая история балета в России.

Ланде справедливо считают основоположником русского хореографического искусства. Уровень мастерства его воспитанников поднимал престиж русской сцены, поэтому было принято решение о создании учебного заведения для тех, кто хотел бы связать дальнейшую жизнь с балетным театром. В 1738 г. была основана Собственная Ее Величества танцевальная школа, которая чуть позже стала Императорской балетной школой в Санкт-Петербурге (в советский период школа переименована в Академию Русского балета имени А.Я. Вагановой, которая является престижной балетной академией в мире), а в 1742 г. издается указ о создании первой балетной труппы.

После кончины Ланде в 1748 г. балетная жизнь затихает до прихода к власти Екатерины Великой (1729–1796) в 1762 г. Уже в 1764 г., через два года своего правления, Екатерина открывает Воспитательный дом для сирот в Москве, где детей стали обучать балетному искусству. За несколько лет балет в Москве набрал силу и мощь и стал более прогрессивным, чем в Петербурге (отметим, что московская и петербургская балетные школы отличались друг от друга вплоть до 1930-х гг.).

В 1801 г. в Россию приехал известный балетмейстер из Франции, который способствовал дальнейшему развитию балетного искусства в России, — Шарль-Луи Фредерик Дидло (1767–1837). Дидло усилил технические возможности в хореографическом рисунке балета и виртуозность в танце; он передел танцоров из тяжелой униформы в более легкую и удобную, ввел обтягивающее трико для мужчин, снял маски и парики, ввел групповые прыжки, усилил женский танец, расширил и усложнил кордебалет и т.д., тем самым подняв русский балет на европейский уровень. Дидло проработал в России 30 лет и был уволен по причине требования улучшения материального и правового положения артистов балета. Вместе с Дидло в России закончилась эпоха романтизма, на смену которой пришла эпоха реализма.

К середине XIX века театральная жизнь в Петербурге, Москве и некоторых крупных городах России набирала силу и пышно развивалась. В Петербурге работали четыре театральные труппы (русская, французская, немецкая и итальянская), несколько трупп работало и в Москве. Крупнейшими театрами оперы и балета был Мариинский театр в Санкт-Петербурге, который стал символом русской культуры, и Большой театр в Москве. Театры много раз горели, своим современным видом оба театра обязаны выдающемуся русскому архитектору итальянского происхождения — Альберту Катериновичу Каво-

су (1800–1863), прославившемуся в качестве строителя театров.

Поворотным моментом развития балетного театра считается реформаторская деятельность великого русского композитора Петра Ильича Чайковского (1840–1893), который преобразил балет кардинальным образом, возвысив его до симфонической драмы. Коренное изменение роли музыки в балете из подсобного элемента в определяющий сюжет и действенное начало потребовало от хореографов иного содержания пластики, что и произошло с приходом в русский балет выдающихся хореографов, таких как Мариус Иванович Петипа (1818–1910), приехавший в Россию в 1847 г. из Франции, Лев Иванович Иванов (1834–1901), поставивший почти все балеты Чайковского, определивший классический вид современного балета, Александр Алексеевич Горский (1871–1924), вошедший в историю русского балета как реформатор театрального действия, и многие другие выдающиеся балетмейстеры. Русская балетная школа достигла выдающихся успехов и постепенно вытеснила зарубежных знаменитостей, а в обеих столичных труппах работали выдающиеся мастера классического и характерного танца.

Помимо реформаторской деятельности, приведшей к новому пониманию балетной драматургии, Чайковский совершил еще один переворот в балетном искусстве, возвысив роль народного танца в общем действии. Благодаря особому вниманию и большому интересу к народным танцам с их характерными национальными элементами, перед балетом раскрылась огромная палитра красок, что вскоре было подмечено и схвачено новой плеядой хореографов, подаривших миру новую пластику классического балета, почерпнутого из народной хореографии. Об этом писал Б.В. Асафьев, говоря, что с давних времен «не только тлела, но и ярко воспламенялась огненная струя плясовой стихии и мерной ритмической танцевальности» [1]. Среди выдающихся хореографов — специалистов по характерному танцу — отметим Александра Викторовича Ширяева (внук известного балетного композитора Цезаря Пуни, 1867–1941) — создателя характерного танца, который много путешествовал по Европе и России, изучая и записывая народные танцы. Еще один выдающийся хореограф, Фёдор Николаевич Манохин (1822–1902), прославился как сподвижник национальной самобытности русской хореографии. Манохин был первоклассным знатоком плясового фольклора и ставил народные танцы в балетных постановках.

После Чайковского возвращение к старому композитивному стилю балета было невозможно. Балетная реформа подхватывается новой плеядой композиторов, а затем получает широкое развитие в творчестве советских композиторов, среди которых были Александр Константинович Глазунов (1865–1936), Рейнгольд Мо-

рицевич Глиэр (1874–1956), Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953), Арам Ильич Хачатурян (1903–1978), Александр Абрамович Крейн (1883–1951), Кара Абульфаз Караев (1918–1982), Андрей Мелитонович Баланчивадзе (1906–1992), а также в хореографическом рисунке известных хореографов — Георгия Мелитоновича Баланчивадзе (Джордж Баланчин, 1904–1983), положившего начало современному неоклассическому балету, и Михаила Михайловича Фокина (Мишель Фокин, 1880–1942), основоположника классического романтического балета XX в.

Русский балет отличался особым артистизмом, глубокой эмоциональной содержательностью и наполненностью; зрители увидели живой хореографический образ, психологически оправданное движение и одухотворенность. Изменились и массовые (ансамблевые) сцены, что повлияло на всестороннее обновление балетного действия и нашло блестящее продолжение в XX в., несмотря на трагические события, сотрясающие Россию начиная с Первой мировой войны 1914 г.

Революция спровоцировала массовую миграцию россиян разных сословий и профессий за границу, что привело к открытию балетных школ российских хореографов (Матильда Кшесинская, Ольга Преображенская, Анна Павлова, Сергей Дягилев, Ольга Спесивцева, Вацлав Нижинский и многие другие). Широкое и феерическое знакомство Европы и двух Америк с русским балетом произошло в 1908–1921 гг. во время знаменитых русских сезонов гениального антрепренера Сергея Павловича Дягилева (1872–1929), сыгравшего решающую роль в популяризации русского искусства. Дягилев открыл большое количество талантливых артистов балета, художников и композиторов, среди которых был революционер балетной музыки и балетных постановок Игорь Федорович Стравинский (1882–1971). В Париже на площади перед знаменитым театром Grand Opera (Гранд-опера) благодарные французы поставили памятник «Русскому балету Дягилева». Балетный театр Дягилева познакомил мировую публику с русской культурой во всей ее красе, с характерными национальными традициями и последними авангардными находками. Дягилевские балетные постановки стали настоящим переворотом в театральном мире; это были красочные представления с роскошными костюмами, завораживающими декорациями и блестящей музыкой («Жар-птица», «Весна священная», «Петрушка» и т. д.) [3].

Исторические преобразования, включающие революции и мировые войны, отразились на развитии русской культуры, в том числе и балета. Несмотря на трудности, сотрясающие страну, современный балет органически был связан со всеми предшествующими его тенденциями. Эта неразрывность традиции обеспечивает сохранение и приумножение культурного багажа

балетного искусства. В новом государстве — СССР — довольно скоро артисты балета получили возможность продолжать свое творчество, и уже в августе 1922 г. создается высший хореографический совет бывшего Мариинского театра. Академический балет становится одним из главных театральных направлений в советской России. В 1930 г. балетная труппа Мариинского театра переводится в Большой театр в Москву, продолжив линию классического балета, которая была ведущей со второй половины XIX в.

В советский балет постепенно вводятся новые стандарты и эстетические идеалы, ориентированные на советскую идеологию. Ведущими хореографами-постановщиками продолжается развитие лучших традиций старого балета в плане достижения особой гибкости и пластики движений. Годы становления советского балета (1917–1920) были особенно трудными для страны, и благодаря авторитету первого наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского (1875–1933) балет нашел защитника, доказавшего «необходимость сохранения Большого театра и его балета как прекрасного инструмента, доставшегося в наследство от прошлого, на котором со временем можно будет исполнять произведения революционной эпохи» [7]. Перед балетным искусством жизненно острым стал вопрос о сохранности классического наследия русского балета, в то время как социокультурные и политические события последних лет требовали решительных перемен и создания нового искусства, отражающего новые образы и идеалы. Естественно, что советские хореографы попытались политизировать балет, «переосмысливая классические сказочные сюжеты, выражая в новых постановках события революционной эпохи» [8]. В этот период на первый план выдвигается новая плеяда профессиональных балетмейстеров, пытавшихся органично совмещать традиции с новшествами, продиктованными временем: реформатор театрального действия Александр Алексеевич Горский (1871–1924), Фёдор Васильевич Лопухов (1886–1973), в очень трудное для страны время сумевший отстоять и сохранить классические балетные спектакли, Касьян Ярославич Голейзовский (1892–1970), и как итог был поставлен балет Р.М. Глиэра «Красный мак» в 1927 г., балетмейстерами которого были Л.А. Лащилин и В.Д. Тихомиров. Это был спектакль на современную тему, определивший на многие годы направление развития советской хореографии. Примечательно, что балетмейстеры сохранили форму балета XIX в., модернизировав отдельные его части.

Следующий период в жизни балета охватывает 30 лет перестроек (1927–1957), где наибольшее развитие получила хореографическая драма (хореодрама), ставшая основным жанром на долгие годы. На передний план выдвигаются новые имена балетного искусства: В.И. Вайнонен, Р.В. Захаров, И.А. Моисеев, В.М. Чабукиани, Л.М.

Лавровский, Б.А. Фенстер, которые работали непосредственно с известными композиторами Б.В. Асафьевым, С.С. Прокофьевым, Д.Д. Шостаковичем, А.И. Хачатуряном и др.

Начиная с 60-х гг. XX в. в балетном театре наблюдаются некоторые перемены, относящиеся к смене интересов в сторону личности человека. Появляется понятие симфонического танца, ставшего главным средством хореографической выразительности. В этот период ярко заявляют о себе артисты балета и хореографы: Юрий Николаевич Григорович (род. 1927), Рудольф Хаметович Нуриев (Нуриев, 1938–1993), Майя Михайловна Плисецкая (1925–2015), Владимир Викторович Васильев (род. 1940), Екатерина Сергеевна Максимова (1939–2009), Наталия Романовна Макарова (род. 1940), Александр Борисович Годунов (1949–1995), Михаил Николаевич Барышников (род. 1948), Галина Алексеевна Рагозина (Панова, род. 1949), Валерий Матвеевич Панов (Шульман, род. 1938), Марис-Рудольф Эдуардович Лиена (1936–1989), Николай Николаевич Боярчиков (1935–2020) и многие другие.

К 1990 г. в российском балете назрел кризис, который оставил многие театры без их лидеров, а талантливых хореографов — без работы. В этот период встала проблема сохранности зрительского контингента и поиска средств для постановок спектаклей. Модернизация балета привела к противоречивым результатам: с

одной стороны, российский классический балет оставляет за собой справедливое наименование «золотого фонда» мирового балетного искусства, с другой — современные балетные постановки часто вызывают жаркую критику среди профессионалов и зрительской аудитории.

Знаковым событием в жизни российского балета стало появление в 1977 г. в Ленинграде «Нового балета» выдающегося хореографа-постановщика Бориса Яковлевича Эйфмана (род. 1946 г.). Это был и остается авторский театр, так называемая экспериментальная лаборатория одного хореографа. С первых спектаклей Б. Эйфмана («Двухголосие» и «Бумеранг») зритель увидел новые тенденции в российском балете, где сочетались новаторство в выборе тематического материала, музыки, смелость пластических решений. Сегодня Театр балета Бориса Эйфмана широко известен во всем мире и представляет собой высочайший уровень достижения современного балетного искусства. В 2011 г. правительство Санкт-Петербурга приняло решение о строительстве «Академии танца Бориса Эйфмана», а в 2013 г. Академия начала свой первый учебный год. С 2019 г. на базе Академии стали проводиться хореографические фестивали и конкурсы. Это уникальный пример создания оригинального современного балетного театра, созданного для поиска и развития новых форм мирового хореографического искусства XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев, Б. Симфонические этюды (Игорь Глебов Симфонические этюды. Петербург, 1922). — Москва: «Композитор», 2008. — 308 с.
2. Балет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. — СПб., 1890–1907. Ванслов В. К вопросу о периодизации истории русского балета после 1917 года // «Балет», 1997. — № 1.
3. Галкина, А.С. Сергей Павлович Дягилев: предпосылки триумфа / А.С. Галкина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. — С. 69–73.
4. Гроссман, Л. Забытая книга. — Москва: «Художественная литература», 1990.
5. Майер, И. Псковское театральное лето 1644 года / И. Майер, С.М. Шамин // Родина. — 2013. — № 8. — С. 64–66.
6. Маркинова, Т. Как возник русский придворный театр? / Т. Маркинова // Школа жизни. Познавательный журнал от 07.02.2009.
7. Луначарский, А.В. Для чего мы сохраняем Большой театр // О театре. — Л.: «Прибой», 1926.
8. Предеина, Т.Б. Вопросы периодизации истории отечественного балета XX–XXI веков / Т.Б. Предеина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2013. — № 1 (33). — С. 103–108.

© Цай Сюйцзюань (272783205@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

TECHNICAL ACTIVITY
AS AN ELEMENT OF CULTURE

A. Shustov

Summary: The article considers technical activity as a phenomenon of culture, shows its place in a single socio-cultural space and determines its role in the formation of norms and values of its development. The problem of cultural acceptance of technical innovations and achievements, their inclusion in the cultural space, constantly changing socio-historical experience is analyzed.

Keywords: technical activity, culture, technology, norms, values, technical object.

Шустов Александр Федорович

Д. филос. н., профессор, Брянский государственный
аграрный университет
shustovaf@mail.ru

Аннотация: В статье размаривается техническая деятельность как феномен культуры, показывается её место в едином социокультурном пространстве и определяется роль в формировании норм и ценностей ее развития. Анализируется проблема принятия культурой технических новшеств и достижений, включение их в культурное пространство, постоянно меняющегося социально-исторического опыта.

Ключевые слова: техническая деятельность, культура, техника, нормы, ценности, технический объект.

Анализ технической деятельности в контексте культуры стимулируется осознанием её роли в современном общественном развитии. Она представляет собой «некую суперструктуру», которая по мере своего развития становится самодовлеющей силой, разрушая целостность жизненного мира личности и культуры. Такое тотальное вторжение технической деятельности во все сферы материального производства и культуры имеет неоднозначные и противоречивые результаты, дав начало приращению созидательных возможностей человека, привело и к качественному скачку разрушительных сил.

Не следует разрывать культуру и техническую деятельность, моментом их единства выступает специфическая человеческая деятельность. Любой технический объект, отвечающий некоторой, длительно существующей социальной потребности, культурно «нагружен», несет культурное значение и, таким образом есть социокультурный объект, поэтому его следует рассматривать в социокультурном пространстве. «В этом механизме раскрывается роль техники как социокультурного феномена, вплетенного в механизм социального наследования» [1, с. 94]. Противоречия между техникой и культурой возникают внутри единой целостности и проявляются в доминировании прагматических свойств технических объектов над их ценностными характеристиками.

В культуре сформировался миф о безграничных возможностях технической деятельности в решении различных проблем человечества. Именно идея «безграничности развития» лежит в основании многих современных проблем. Вся человеческая культура основывалась на преодолении пределов вместо того, чтобы учить человека жить в их пределах» [2, с. 252].

В рамках культуры это возможно сделать через систему норм и ценностей, которые ориентируют развитие технической деятельности и активно используются в техническом творчестве и выступают социокультурными механизмами ее развития [3].

Необходимо определиться с понятием «культура», неоднозначно представленном в современной философской литературе.

Ввиду того, что согласия между авторами нет, то вынести «усредненный» вариант, отражающий весь спектр предлагаемых подходов, также невозможно. Убедительность одних источников конкурирует с авторитетностью других. Составлять же компендиум цитат - фрагментов различных мнений исследователей по каждому из указанных выше подходов, задача едва ли эффективная в технологическом отношении применительно к данному исследованию.

Можно многие годы накапливать эмпирические факты и знания, при этом оставаясь вне целого её понимания. Эмпирический путь здесь бессилён и ничего кроме фрагментарного знания о культуре мы не получим. Значит, правомерен путь движения от целого к части. Саму культуру мы должны рассматривать как целостность, это нам удастся, если мы найдем место, где она выступает как часть системы.

Основываясь на методологию, предложенную М.С. Каганом, возьмем предельно широкое понятие «бытие». Это действительно понятие, охватывающее все сущее и культуру и не культуру. Рассматривая это понятие мы должны выйти на культуру. Каким образом? Мы можем установить, что культура возникает в бытии на каком-то этапе его исторического развития. Для бытия первой

формацией его существования является природа. Одно событие имело грандиозное значение, это возникновение некоторой сверхприродной формы бытия. Её можно рассматривать как результат развития органического мира. На базе природы возникло общество, т.е. социальная форма бытия, которая отличается от природы. Поэтому человек подчинен двум мирам, он подданный природы и подданный общества. Как было указано выше формой существования человека является деятельность, преобразуя внешнюю природу, подчиняя её своим интересам и нуждам, человек творит вторую природу.

Человеческое бытие есть деятельность, которая приводит к возникновению культуры. Культура не есть природа, культура не есть общество, а культура - является способом и продуктом человеческой деятельности, которая связывает воедино и природу, и человека и тем самым обеспечивает ему проживание. Культура в широком смысле включает в себя все созданное человеком, все артефакты, от простых орудий до современных технических систем.

Основой взаимодействия техники и культуры является опосредованность их человеческой деятельностью и то, что они являются моментами ее бытия. Любая предметная деятельность человека, превращая предметы природы в технические объекты, всегда имеет культурный смысл, его ценностная сторона выступает как культурная составляющая.

Человек в ходе своей жизнедеятельности выступает как субъект культуры и субъект технической деятельности. Он распредмечивает в техническом объекте содержание деятельности предшествующего субъекта. Как субъект культуры он осваивает человеческий смысл технического объекта во всей полноте его социальных значений, его духовную ценность. Как субъект технической деятельности он распредмечивает его прагматическую функцию.

На первый взгляд проблему взаимосвязи технической деятельности и культуры достаточно просто разрешить и можно выделить прямую зависимость: техническая деятельность, являясь одной из важнейших составляющих человеческой деятельности в целом, которая есть одна из составляющих культуры, входит в последнюю в качестве равноправной части. Отношение «техническая деятельность-культура», представленное как взаимодействие целого и части, не исчерпывается линейной связью. Дело в том, что отношение между частью и целым не носит однозначного характера, и абстрактно представленная сумма частей еще не дает целого. Видимо техническая деятельность является не только и не просто составной частью культуры, а выступает ее элементом как системы. Так как манипулирование предметами и процессами не является самоцелью технической

деятельности, ее цель утилитарная, приспособление реальности под различные социокультурные потребности, которые реализуются в процессе конструирования и репродуктивного производства технических объектов.

Таким образом, технический объект в пространстве культуры это не просто носитель функциональных качеств, но и объект социально и культурно значимый, некая ценность технически сконструированного мира.

Он имеет не только техническую функцию, но и рыночную стоимость, ценность социального престижа, эстетическую ценность и целый ряд других символических значений. Технический объект в культуре — это сгусток социокультурной информации, знаний о возможности действий. Каждой форме культуры по мере ее развития свойственно стремление выделить себя не за часть, а за целое, и тем самым претендовать не на относительную, а на абсолютную значимость. Это и есть причина конфликта в культуре. «Отдельные направления духа не идут миролюбиво рядом, дополняя друг друга, но каждое становится тем, что оно есть, только путем того, что показывает свойственную ему силу в борьбе с другими» [4, с. 173].

Бесконтрольный прогресс технической деятельности, который осуществляется на современном этапе ее развития влечет за собой ослабление культуры. Поскольку техническая сторона социума носит преобладающий характер, выраженный в накоплении и развитии технических средств, происходит «подминание» под себя культурной составляющей с ее оценочными и ценностными ориентирами. «Роковым для нашей культуры является то, что ее материальная сторона развивалась намного сильнее, чем духовная. Равновесие ее нарушено ... культура, развивающая лишь материальную сторону без соответствующего прогресса духовного, подобна кораблю, который лишившись рулевого управления, теряет маневренность и неудержимо мчится навстречу катастрофе» [5, с. 98].

Попытка соотносить техническую деятельность с культурой, представляется плодотворной. Действительно, если техническую деятельность понимать как определенную только целями технической рациональности, то невозможно объяснить, почему мы имеем противоречивые результаты её развития.

М. Хайдеггер считает, что техника имеет «нетехническое» основание в природе и культуре. Она не есть простое умение, манипулировать предметами с целью получения практического эффекта. Являясь соединением природного материала и человеческих замыслов, она представляет собой способ выявления сущности бытия. «Сущность техники находится в области, где имеет место открывание и потаенность, где сбывается «алетейя» истина [6, с. 51]

Подтверждением этому служит то обстоятельство, что любой технический объект всегда материален и духовен, как творение рук человека, и, соответственно, служит как техническим, так и духовным его потребностям. Всякая техническая деятельность, даже самая примитивная одухотворена, так как в ней непременно присутствует самодеятельность человеческого духа. Одним из важнейших аспектов присутствия технической деятельности в культуре является ее воздействие на преобразующую способность человека. В этом отношении техника выступает условием беспредельного развития созидательной способности человека, дающей ему сознание свободы и власть над миром вещей.

Влияние техники на культуру осуществляется через деятельные ориентиры, которые определяет человек. «Поэтому пассивное принятие или активная поддержка современной тенденции к возрастающей технизации следует понимать как культурное действие, т.е. как согласие с определенной системой ценностей» [7, с. 83-84].

Опасность заключается не в самой технической деятельности, а в понимании ее сути человеком. На это обстоятельство акцентирует внимание М. Хайдеггер, говоря, что «опасность таится не в технике, сама по себе она не содержит никакого демонизма, а в понимании ее сущности, получившей относительно самостоятельное развитие в современную эпоху» [8, с. 52]

Проблема технического развития понимается А. Печчеи как проблема формирования человеческих качеств.

Он пишет: «Для того чтобы поставить все на свои места, надо просто перевернуть нынешнее понятие развития, сфокусировав основное внимание не на потребностях человеческого существа, а на его способности вносить вклад в их удовлетворение, т.е. на его собственных качествах и на его собственной изобретательности» [9, с. 254]

Поэтому необходимо найти возможность, истратив на социальную и культурную подготовку людей не меньше средств, чем на разработку технических аспектов нашего развития. Актуальной проблемой сегодня является преодоление технократизма культуры и мышления личности [10,11].

Таким образом, выход - в изменении образа мысли современного человека, который призван объединить изначально родственные сферы деятельности - технику и культуру. Такое единение позволит рассматривать техническую деятельность не как нечто замкнутое, изолированное, от других форм культурной жизни, а как стержневой момент всей цивилизации и культуры.

Ценность технической деятельности как явления культуры вытекает из самой ее сущности как материального средства, использующегося в деятельности по преобразованию внешней природы и самого человека. Эта культурная характеристика технической деятельности, с помощью которой человечество не только очеловечивает природу, но и развивает свои сущностные силы (способности, потребности, мышление и т.д.) как субъекта деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шустов А.Ф. Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2021. -№11. -с. 92-95
2. Пестель Э. За пределами роста М.1988. - 268 с.
3. Шустов А.Ф. Внутренние закономерности и социальные факторы развития технической деятельности.// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2022. - №11. - с. 79-83
4. Кассирер Э. Философия символических форм \ \ Культурология. Антология М. 1994. - с.173.
5. Швейцер А. Культура и этика М.1973.-с.98.
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике //Новая технократическая волна на западе М. 1986. -453 с.
7. Рапп Ф. Перспективы философии техники//Философия техники в ФРГ М.Прогресс,1989.- 528 с.
8. Хайдеггер М. Вопрос о технике //Новая технократическая волна на западе М.1986.- 453 с.
9. Печчеи А. Человеческие качества М. 1985.-с. 254.
10. Свидерский А.А. Техноцентризм как культурно-мировоззренческая парадигма развития техногенного общества // Вклад науки и практики в обеспечение продовольственной безопасности страны при техногенном ее развитии. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. 2021. С. 384-387.
11. Свидерский А.А. Специфика ценностей техногенного общества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 11. С. 62-64.

© Шустов Александр Федорович (shustovaf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ

NEUROPSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DIFFERENTIAL DIAGNOSIS

*D. Dremin
N. Yanova*

Summary: This article discusses the topic of autism spectrum disorder (ASD), analyzes theoretical and methodological studies of children with ASD. The article also discusses a study using the neuropsychological correction technique for children with autism spectrum disorder. In conclusion, conclusions and generalizations of the analyzed information are made.

Keywords: autism, neuropsychological examination, child psychology, autism spectrum disorders, differential diagnosis.

Дремин Денис Васильевич

аспирант, Алтайский государственный университет

Янова Наталья Геннадьевна

Кандидат социологических наук, доцент, доцент,

Алтайский государственный университет

yanova.ng@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема дифференциальной диагностики и клинической оценки расстройств аутистического спектра (РАС), проанализированы современные теоретико-методологические подходы и эмпирические исследования детей с РАС. В статье предлагается пример исследования с применением методики нейропсихологической коррекции детей с расстройством аутистического спектра для демонстрации перспектив постановки и изучения нейроркогнитивных гипотез, связанных с однородностью диагноза РАС.

Ключевые слова: аутизм, нейропсихологическое обследование, детская психология, расстройства аутистического спектра, дифференциальная диагностика.

Расстройство аутистического спектра (РАС) – это нарушение развития нервной системы с симптомами в двух основных областях: нарушения социальной коммуникации и социального взаимодействия, а также ограниченные и повторяющиеся модели поведения.

В дополнение к основным симптомам РАС эта гетерогенная популяция обладает широким спектром способностей. В то время как многие люди в спектре аутизма демонстрируют интеллектуальное функционирование от среднего до выше среднего, примерно 30% также соответствуют критериям умственной отсталости.

Кроме того, по оценкам экспертов, 60-70% детей и 69-79% взрослых с РАС соответствуют критериям по крайней мере одного сопутствующего психического расстройства, такого как синдром дефицита внимания/гиперактивности (СДВГ), тревога или другие психические расстройства. Сложность проявления, возникающая в результате широкого спектра функционирования, а также различных поведенческих и эмоциональных проявлений, может сделать процесс нейропсихологической оценки людей с РАС сложным и иногда упускаемым из виду [1, с. 52].

На сегодняшний день появляются доказательства того, что симптомы аутизма формируют спектр, который распространяется на население в целом, причем

у некоторых детей проявляются субклинические симптомы РАС.

Исследования близнецов, например, продемонстрировали среднюю или высокую степень наследственности подпороговых признаков аутизма. Таким образом, поскольку симптомы аутизма формируют спектр внутри населения, возникает вопрос, демонстрируют ли характеристики, связанные с РАС, такие как более низкие когнитивные способности, параллельную связь с симптомами аутизма по всему спектру [2, с. 113].

На сегодняшний день проведен ряд исследований, демонстрирующих связь между РАС и ухудшением нейропсихологических показателей [1-4]. Однако неясно, распространяется ли связь между симптомами аутизма и нейропсихологическими показателями на субклинические группы населения. Если лежащие в основе нейробиологические процессы, влияющие на нейропсихологическую деятельность, также вносят свой вклад в симптомы аутизма, то можно было бы ожидать связи между континуумом нейропсихологической активности и континуумом аутистических черт.

Исследования, оценивающие взаимосвязь между нейропсихологическими показателями и аутичными чертами, можно разделить на два разных подхода или категории.

Первый подход фокусируется конкретно на областях, которые больше всего страдают от РАС, таких как язык и исполнительные функции.

Второй подход оценивает детей с аутичными чертами с помощью комплексной батареи нейропсихологических тестов.

Исследования, использующие первый подход, показали общий дефицит вербальной речи и вариабельность лингвистических способностей, и более низкая семантическая словесная беглость.

Исследования с использованием критериев DSM-IV продемонстрировали, что при аутизме повсеместно затрагиваются определенные аспекты языка, при этом понимание, семантика и определенные аспекты морфологии являются наиболее затронутыми областями, в то время как артикуляция и синтаксис остаются менее затронутыми [2].

Обращаясь к истории, стоит заметить, что в 1970-х годах зарегистрированная распространенность аутизма оценивалась примерно в 1 случай на 2500 человек. Более поздние оценки указывают на показатель распространенности 1 случай на 500 человек (в 2000 годах). Это делает аутизм более распространенным в детстве, чем рак или синдром Дауна. Частично увеличение уровня распространенности аутизма, вероятно, связано с повышенной осведомленностью, которую мы имеем в отношении расстройства, а также с большей вероятностью проведения оценки. Однако на эти два фактора приходится лишь часть новых случаев, остальные связаны с пока неизвестными факторами [3, с. 76].

Аутизм характеризуется серьезным нарушением социального взаимодействия и общения. Что касается социального взаимодействия, дети с риском развития аутизма испытывают трудности с ориентацией на социальные стимулы, смотрят непоследовательно и имеют нарушения способности к общему интересу и двигательной имитации. Часто отсутствует интерес или осведомленность о других.

У большинства детей с аутизмом мало друзей, и они с большей вероятностью будут тяготеть к пожилым людям. Интересы также имеют тенденцию быть ограниченными и часто кажутся навязчивыми по своей природе.

Дефицит общения является частью основного профиля аутичного человека. Даже в младенчестве эти люди, как правило, менее громкие и часто описываются как тихие. Основные этапы языкового развития обычно задерживаются, и в зависимости от степени тяжести, речь может варьироваться от отсутствующей до беглой. В детстве они часто не вступают в разговор, не могут

интерпретировать эмоциональные сигналы, склонны смотреть сквозь людей или отводить взгляд от людей, а не на них, и им не хватает прагматических компонентов общения, таких как жесты и интонация.

Аутичные дети часто повторяют речевые паттерны таким образом, что отсутствует какая-либо четкая коммуникативная значимость (эхолоалия). Они также не понимают более сложных форм общения, таких как остроумие, сарказм и шутки.

Родители аутичных детей также знают, что их дети часто зависят от рутины, шаблонов и своеобразных ритуалов, даже если они не выполняют никакой практической функции существует сильная потребность в одинаковости в окружающей среде, расписании и даже таких вещах, как еда. Изменения в этих паттернах могут привести к вызывающему поведению и истерикам.

У аутичных детей также наблюдается тенденция к нефункциональным двигательным движениям, часто называемым двигательными стереотипиями. Эти движения могут варьироваться от шевеления пальцами до сложных движений всего тела. Такие движения, как правило, происходят, когда человек возбужден (например, очень счастлив или нервничает). Движения могут также включать бег по кругу, раскачивание и вращение.

Хотя РАС (синдром Аспергера теперь включен в эту более широкую категорию) и аутистическое расстройство являются перекрывающимися нарушениями развития, между ними есть существенные различия.

В отличие от критериев аутистического расстройства, дети с РАС имеют нормальное или близкое к нормальному языковому развитию, что дает им значительное преимущество в общении. Как правило, они способны вести интеллектуальные беседы с другими людьми и обладают хорошо развитыми рецептивными и выразительными языковыми навыками. Кроме того, их интеллектуальное функционирование варьируется от низкого среднего до превосходного, что означает, что их интеллектуальные способности в целом находятся на одном уровне с их сверстниками. Навыки самопомощи, включая гигиену и одевание (но не социальные навыки), также находятся на почти нормальном уровне.

Любой родитель ребенка с диагнозом РАС подтверждает, что не смотря на адекватное функционирование их ребенка, во многих отношениях, это расстройство причиняет значительные трудности как человеку, так и семье [4, с. 33].

Согласно критериям DSM-5, люди с РАС обычно имеют педантическую и плохо модулированную речь, плохие невербальные прагматические навыки и сильную

озабоченность ограниченными темами. Они, как правило, неуклюжи со своими сверстниками и склонны выделяться таким образом, что другие отдаляются от них. Кроме того, им часто не хватает социальных навыков и понимания того, что необходимо для формирования отношений. Это может породить социальную тревогу и изоляцию.

В результате люди с РАС часто являются одиночками, которые занимаются уединенной деятельностью. Хотя они, как и аутичные дети, могут быть склонны к стереотипным движениям, двигательные нарушения, с которыми сталкиваются люди с синдромом Аспергера, как правило, связаны с плохим зрительно-пространственным мышлением и неуклюжестью.

Несмотря на многие характеристики, общие для людей с диагнозом аутизм или РАС, существует много различий с точки зрения когнитивного, эмоционального и межличностного функционирования.

Цель нейропсихологической оценки, в дополнение к обеспечению ясности диагноза, состоит в том, чтобы выделить сильные и слабые стороны, которые существуют, и предоставить пациенту, родителям и лечебной группе (включая школу) руководство, необходимое для того, чтобы помочь человеку функционировать более эффективно и независимо.

Несмотря на то, что имеются убедительные доказательства, подтверждающие более глобальный нейрокогнитивный дефицит у детей с аутистическими чертами, мало что известно о нейрокогнитивных функциях по всему спектру аутистических симптомов в общей популяции.

Кроме того, многие нейропсихологические исследования включали детей и подростков или детей, подростков и взрослых, объединенных в одну и ту же выборку, вместо изучения нейрокогнитивных способностей в более узких возрастных диапазонах. Объединение участников в больших возрастных диапазонах и поправка на возраст в анализе предполагает отсутствие различий в когнитивном развитии [3, с. 134].

Действительно, недавние исследования лиц с более высоким уровнем функционирования РАС указывают на возрастные взаимодействия в нейрокогнитивных функциях. Следовательно, необходимы когнитивные исследования, оценивающие детей с аутистическими чертами в более узких возрастных диапазонах. Выявление нейропсихологических паттернов у детей во всем спектре аутизма может дать представление о необходимости и целях раннего вмешательства [2, с. 112].

Чтобы лучше понять уникальные потребности в ней-

ропсихологической оценке детей в спектре аутизма с дефицитом внимания и без него, в недавнем исследовании были проведены стандартизированные оценки интеллектуальной, социальной и исполнительной функций, а также внимания и функций участников с РАС, СДВГ и коморбидным РАС + СДВГ и обнаружены различные профили симптомов в зависимости от домена и информанта [2, с. 116].

И наоборот, объективная оценка социального функционирования и аффекта (т.е. задания NEPSY-II на распознавание аффектов и теорию разума) лучше отличала обе группы с РАС от группы только с СДВГ, при этом группы с РАС демонстрировали больший дефицит социального восприятия. Интересно, что не было выявлено существенных групповых различий в отношении исполнительной функции, измеренной с помощью теста детских категории. В этом исследовании подчеркиваются преимущества интеграции информации из нескольких источников для дифференциальной оценки РАС и проблем с вниманием, а также их одновременное возникновение. Несовпадения между показателями также указывают на то, что диагнозы не следует ставить на основе результатов какого-либо одного инструмента [1, с. 54].

Поскольку проблемы с вниманием и поведением положительно связаны с тяжестью РАС, важно оценить, в какой степени невнимательность и гиперактивность могут мешать когнитивному тестированию людей с РАС.

Невнимательность при РАС может повлиять на результаты тестов IQ, особенно на показатели скорости обработки данных и рабочей памяти, что делает SB-5 предпочтительным показателем IQ в определенных обстоятельствах.

Таким образом, область клинической нейропсихологии направлена на изучение взаимосвязи между функционированием мозга и поведением, чтобы выявить природу и происхождение сильных и слабых сторон ребенка в таких областях, как познание, внимание, исполнительные, социально-когнитивные, языковые и двигательные функции.

Учитывая неоднородность РАС и его диагностическую сложность, нейропсихологическое тестирование детей с подозрением или подтвержденным РАС требует клинической экспертизы для разработки персонализированных наборов тестов и интерпретации результатов с учетом симптоматики РАС и распространенных сопутствующих психических проявлений. Выяснение взаимосвязи между симптомами РАС и другими аспектами нейропсихологического функционирования имеет решающее значение для дифференциальной диагностики и оптимального планирования лечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелина, Е.Г. Нейропсихологическая дифференциация и коррекция расстройств аутистического спектра у дошкольников / Е.Г. Амелина // СДО, 2015. – №6 (58). – С. 50-56.
2. Божкова, Е.Д. Расстройства аутистического спектра: современное состояние проблемы (обзор) / Е.Д. Божкова, О.В. Баландина, А.А. Коновалова // Современные технологии медицины, 2020. – №2. – С. 111-120.
3. Глозман, Ж.М. Нейропсихология детского возраста / Ж.М. Глозман. – М.: Академия, 2009. – 312 с.
4. Горюнова, А.В. Критерии диагностики аутизма в раннем возрасте / А.В. Горюнова, Ю.С. Шевченко // Аутизм: медико-психолого-педагогическая, социально-экономическая и правовая проблема, 2014. – № 2. – С. 32-33.

© Дремин Денис Васильевич, Янова Наталья Геннадьевна (yanova.ng@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

PECULIARITIES OF FORMING STRESS RESISTANCE OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

V. Zudaeva

Summary: The present article is devoted to the peculiarities of stress resistance formation of employees of internal affairs bodies. Successful performance of professional activity is possible with preservation of professional and mental health of employees. The activity of law enforcement officers is characterized by complexity and increased tension, is connected with a high degree of risk of violation of professional and mental health.

Keywords: stress resistance, health, professional activity, internal affairs officer, policing.

Зудаева Вероника Вячеславовна

старший преподаватель, Восточно-Сибирский институт МВД России, (г. Иркутск)
veronikaz2007@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена особенностям формирования стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел. Успешное выполнение своей профессиональной деятельности возможна при сохранении профессионального и психического здоровья сотрудников. Деятельность сотрудников правоохранительных органов отличается сложностью и повышенной напряженностью, связана с высокой степенью риска нарушения профессионального и психического здоровья.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, здоровье, профессиональная деятельность, сотрудник органов внутренних дел, несение службы.

Уровень достижений в сфере профессиональной деятельности устанавливается преобладанием ценностей, либо их переоценкой. Сказанное, на наш взгляд, позволяет рассматривать их совокупность в качестве факторов, которые в свою очередь играют значимую роль в определении физического и психологического здоровья личности человека. Интенсивность напряженности, проистекающей во время исполнения профессиональной деятельности, в частности сотрудников органов внутренних дел требует повышенного внимания к рассмотрению аспектов их психологического здоровья.

Категория деятельности в наиболее абстрактном определении раскрывает отношение в системе «субъект-объект», в которой человек выступает как субъект деятельности, а её природа как объект. В процессе осуществления любой деятельности происходит субъективное отражение и превращение предмета деятельности в её продукт в соответствии с субъективной целью [4, с.186].

Таким образом, повышение уровня готовности сотрудников органов внутренних дел, а значит степень успешности несения службы напрямую обусловлены условиями сохранения психологического здоровья специалистов, выполняющих свои профессиональные обязанности. В этом случае, опираясь на мнение, высказанное М.В. Хватовой, следует учитывать акмеологические ресурсы данного процесса, границы которого направляют возможности повышения акмеологического уровня личности сотрудников органов внутренних дел,

несущих службу. Согласно точке зрения ученого, «...» несмотря на множественность исследований, осуществленных в ракурсе изучения различных аспектов как физического, так и психологического здоровья сотрудников органов внутренних дел, его акмеологический феномен до сих пор остается неизученным явлением в психологии» [5, с.76].

Акмеологический подход предоставляет возможность раскрыть внутренний потенциал человека, позволяя ему распоряжаться им в условиях протекания экстремальных ситуаций, справляясь с ситуативной тревожностью.

Названные ситуации (совокупность условий, обстоятельств, положений), сопровождающие профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел имманентно предполагают определенную позицию субъекта, а проблемность ситуаций выступает значимым фактором, обуславливающим поведение и состояние сотрудников органов внутренних дел.

Ряд причин, в частности, необходимость осуществления различных служебных операций (заданий), что в свою очередь сопровождается комплексом непредвиденных ситуаций, способно повлечь за собой трансформацию привычных условий жизнедеятельности. Совокупность же таких факторов, как: сложившиеся у сотрудника органов внутренних дел представления о тревожной ситуации, степень её осмысления, способы поведения в самых разнообразных ситуациях и преодоления препятствий в

ходе реализации профессиональной деятельности, - способны привести к активному поиску осмысления своего «Я» в текущей окружающей среде.

В рамках идеи, предложенной М.В. Хватовой, выделим следующие группы условий развития акмеологического резерва здоровья специалистов: 1) адаптационные; 2) антропоцентрические; 3) феноменологические.

В рамках настоящей статьи рассмотрим подробнее первую группу условий. Адаптационные условия включают в себя непредвиденные обстоятельства, способные дать толчок к возникновению напряжения внутренних ресурсов сотрудников органов внутренних дел и, как результат, возникновение стрессогенных обстоятельств, а также повышение остроты ситуационных воздействий, оказываемых на человека. Кроме того, названные условия содержат в себе обстоятельства, способные создать благоприятные условия жизнедеятельности сотрудников органов внутренних дел, часто называемый «комфорт личности».

Среди основных показателей здоровья сотрудников органов внутренних дел, можно выделить следующие факторы: служебные (угроза жизни, профессиональная нагрузка, уровень конфликтности, психологический климат, статус в системе межличностных отношений, способность контролировать постоянно изменяющиеся обстоятельства и т.д.); общесоциальные (бытовые проблемы, ответственность, экзистенциальный фактор и т.д.).

В свете сказанного, хотелось бы отметить, что на уровень здоровья специалистов, осуществляющих свою профессиональную деятельность в самых разнообразных условиях особое влияние способна оказать степень его востребованности в окружающей среде, обусловленная тем, что в отсутствии ощущения нужности происходит затруднение в реализации процесса самореализации и удовлетворения значимых для личности потребностей.

Феноменологические условия можно охарактеризовать как полную или частичную зависимость человека от окружающих его стихийных обстоятельств. Указанное в свою очередь требует приложения дополнительных усилий, значимость которых определяется

необходимостью сохранения наиболее оптимального психофизиологического уровня. Это легко объяснить, в частности, при осознании сотрудниками органов внутренних дел своего бессилия в разрешении неожиданно возникших проблем. У него происходит падение уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью, сопровождаемое деформацией личностных и характерологических качеств.

Вышеперечисленное обуславливает необходимость установления интегрированной оценки состояния специалиста, осуществляющего свою профессиональную деятельность, что в свою очередь определяет её соотношение со способностью к реализации [1].

Вся совокупность указанных нами выше моментов профессиональной деятельности, способных негативно отразиться на содержательной составляющей как внутренних, так и внешних взаимоотношений с окружающей специалиста средой, могут стать причиной личностных проблем. Основным фактором, определяющим степень возможности возникновения личностных и как следствие профессиональных проблем, выступает стресс, который, по мнению канадского ученого Г. Селье, определяется как особое психологическое состояние, возникающее под воздействием многообразных, чаще всего негативных жизненных ситуаций [3].

Под влиянием стрессовой ситуации человек приходит к состоянию «повышенной или полной готовности», в соответствии с которой его организм мобилизует весь свой потенциал для мгновенного осуществления физической деятельности, что обуславливает появление возможности осуществлять им сложную деятельность, одновременно контролируя свои поступки.

Возможно достижение высокой степени стрессоустойчивости, от которой в большей степени зависит способность сотрудников органов внутренних дел в условиях реализации напряженной профессиональной деятельности переносить очень большие физические и эмоциональные нагрузки. Достижение высокого уровня стрессоустойчивости, постепенного формирования готовности человека к подобному роду ситуаций возможно при условии комплексного междисциплинарного подхода [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Варжеленко, И.И. Субъективная оценка изменений работоспособности и функционального состояния военнослужащих в ходе учений / М.В. Туманов, А.Н. Чиргин, М.В. Скачков, В.И. Елескин // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – СПб.: ВИФК, 2016. – №1(32). – С. 79-83
2. Ендальцев, Б.В. Теория и практика современной физической подготовки человека: монография / Б.В. Ендальцев; М-во обороны Российской Федерации, Военный ин-т физ. культуры, Научно-исследовательский центр (по физ. подгот. и военно-прикладным видам спорта в Вооруженных Силах Российской Федерации). – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 239 с.

3. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье – М.: Прогресс, 1979. – 126 с.
4. Сорокоумова, С.Н. и др. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий / С.Н. Сорокоумова, В.П. Исаев // Педагогическое образование в России. – 2013. – №4. – С. 186-190
5. Хватова М.В. Теории формирования психосоматических расстройств / М.В. Хватова. – М-во обр. и науки РФ, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т имени Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 171 с.

© Зудаева Вероника Вячеславовна (veronikaz2007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Восточно-Сибирский институт МВД России

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА И ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

INTERRELATION OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE TEAM AND INDIVIDUAL-TIPOLOGICAL FEATURES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

**A. Kozhevina
S. Dubrovina
S. Kolesnikov
O. Karabinskaya**

Summary: The article presents the results of studying the relationship between the socio-psychological climate and individual typological characteristics of law enforcement officers. The socio-psychological climate in the study group is at the level of medium favorable. Among the most frequent combinations of individual typological features of law enforcement officers are: extraversion-lability, extraversion-spontaneity, extraversion-spontaneity-rigidity, extraversion-rigidity-lability. Among the most frequent combinations of accentuations are: hyperthymism-demonstrativeness, hyperthymism-emotiveness, hyperthymism-emotiveness-demonstrativeness. The features of interpersonal interactions of the majority of employees are rated as cautious in terms of expanding the circle of contacts. In the process of analyzing the results of the study, the relationship between individual typological characteristics and the favorable socio-psychological climate of a team of law enforcement officers was revealed.

Keywords: socio-psychological climate, individual personality traits, team, law enforcement officers.

Кожевина Анна Павловна

кандидат психологических наук, доцент, Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
apkozhevina@mail.ru

Дубровина Светлана Валериевна

кандидат психологических наук, доцент, Иркутский государственный медицинский университет
dubrovina.swetlana2014@yandex.ru

Колесников Сергей Владимирович

Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
koll-0007@mail.ru

Карабинская Ольга Арнольдовна

кандидат медицинских наук, ассистент, Иркутский государственный медицинский университет
fastmail164@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты изучения взаимосвязи социально-психологического климата и индивидуально-типологических особенностей сотрудников правоохранительных органов. Социально-психологический климат в исследуемом коллективе находится на уровне средней благоприятности. Среди наиболее частых сочетаний индивидуально-типологических особенностей сотрудников правоохранительных органов встречаются: экстраверсия-лабильность, экстраверсия-спонтанность, экстраверсия-спонтанность-ригидность, экстраверсия-ригидность-лабильность. Среди наиболее частых сочетаний акцентуаций выделяются: гипертимность-демонстративность, гипертимность-эмотивность, гипертимность-эмотивность-демонстративность. Особенности межличностных взаимодействий большинства сотрудников оценены как осторожные в отношении расширения круга общения. В процессе анализа результатов исследования выявлена взаимосвязь между индивидуально-типологическими особенностями и благоприятностью социально-психологического климата коллектива сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: социально-психологический климат, индивидуальные особенности личности, коллектив, сотрудники правоохранительных органов.

На сегодняшний день «социально-психологический климат» является установившимся понятием, характеризующим неосознаваемую психологическую сторону взаимоотношений между людьми. В отечественной психологии впервые термин «психологический климат» использовал Н.С. Мансуров, на первом симпозиуме по социальной психологии в рамках II съезда общества психологов, изучавший производственные коллективы. Подробно изучил и описал сущность социально-психологического климата В.М. Шепель. Именно он дал определение данному термину. По его мнению, социально-

психологический климат – это эмоциональная окраска психологических связей членов коллектива, возникающая на основе их близости, симпатии, совпадения характеров, интересов, склонностей. Сам В.М. Шепель был автором одного из четырех подходов в отечественной психологии к изучению «социально-психологического климата». [1]

В зарубежной литературе понятие социально-психологического климата все чаще отождествляется с понятием «организационный климат». Н.В. Антонова,

анализируя американские исследования организационного климата, описывает его как набор устойчивых характеристик организации, существенным образом влияющих на поведение и эмоциональные состояния ее членов. В американской социальной психологии используется термин «организационная культура» в отношениях рабочих и менеджеров. Теория «человеческих отношений» Э. Мейо опирается в первую очередь на формирование психологического климата отношений между работниками. [2]

Индивидуально-типологическими особенностями называют динамическую систему индивидуальных свойств психики, выраженную в типичных формах поведения. В области индивидуальных различий выделяются психологические или психофизиологические критерии, из которых формируют группы – типы. Это позволяет классифицировать информацию об индивидуальных различиях для объяснения поведения индивида и его прогнозирования. Индивидуально-типологические особенности отражаются во всех аспектах жизнедеятельности индивида. [2] Это можно наблюдать как в индивидуальной деятельности, так и в групповой. В групповой деятельности важную роль играют те индивидуальные особенности, которые связаны с коммуникативной сферой личности. В свою очередь, система коммуникаций является фактором формирования социально-психологического климата. Так как социально-психологический климат влияет на эффективность совместной деятельности, важной проблемой становится повышение его благоприятности. Следовательно, разрешить эту проблему возможно с помощью выявления характера воздействия индивидуально-типологических особенностей на социально-психологический климат. [3, 4]

Постоянно меняющиеся общественно-экономические условия непременно ведут к переменам во всех сферах жизнедеятельности человека. Вместе с ними изменяется и сам человек. В связи с этим любая деятельность, относящаяся ко взаимодействию между людьми, и уж тем более общественно-значимая деятельность, требует изучения особенностей этих связей. [5]

На этом фоне, для организаций внутренних дел, возникает необходимость повышать эффективность деятельности сотрудников в непрерывно меняющихся условиях. Для этого необходимо воздействовать на различные сферы трудовой деятельности, в том числе и на условия, в которых работают сотрудники. Одной из сторон этих условий является социально-психологический климат. Поддержание его в благоприятном состоянии способствует наиболее эффективной деятельности сотрудников на длительном промежутке времени. Но постоянное поддержание благоприятности социально-психологического климата требует определенных ресурсов. В связи с этим возникает необходимость опти-

мизировать этот процесс. Таким образом, для успешного формирования коллективов, с наиболее устойчивой благоприятностью социально-психологического климата, необходимо учитывать все имеющиеся данные о составе коллектива. [6, 7]

Так как особенности коммуникативной сферы тесно связаны с особенностями личности, необходимо изучить индивидуально-типологические характеристики сотрудников. При этом стоит обратить внимание на сотрудников, непосредственно взаимодействующих друг с другом при выполнении профессиональной деятельности. В частности, важно обратить внимание на сотрудников, взаимодействующих внутри одного подразделения, так как характер их взаимосвязи отражается на социально-психологическом климате в целом. Поиск взаимосвязи социально-психологического климата и индивидуально-типологических особенностей позволит эффективнее формировать коллективы, опираясь не только на умения и знания сотрудников, но и на их личностные особенности.

Цель исследования: выявить взаимосвязь социально-психологического климата и индивидуально-типологических особенностей сотрудников правоохранительных органов.

Объект исследования: социально-психологический климат коллектива.

Предмет исследования: взаимосвязь социально-психологического климата и индивидуально-типологических особенностей сотрудников правоохранительных органов.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь социально-психологического климата с индивидуально-психологическими особенностями личности сотрудников правоохранительных органов.

Исследование проводилось в 2022-2023 гг. В исследовании приняли участие 55 сотрудников ГИБДД. Стаж службы респондентов в органах внутренних дел до 5 лет – 28%, до 10 лет – 24%, до 20 лет – 41% и свыше 20 лет – 7%.

Методики исследования: «Индивидуальный типологический опросник» Л.Н. Собчик, опросник «Акцент 2-90», «Социально-психологический мониторинг» (ред. М.И. Марьина).

Для исследования социально-психологического климата, была использована методика «Социально-психологический мониторинг (под ред. М.И. Марьина)». В результате были получены данные о статусе сотрудников. Статус определялся в четырех категориях: профессиональный статус, личностный, управленческий и интегральный.

При выявлении группы с высоким профессиональным статусом было выделено 81% сотрудников, являющихся «деловыми лидерами» в коллективе. Эти сотрудники в большей степени нежели остальные пользуются авторитетом у коллег. К ним чаще обращаются с вопросами по работе, а также стремятся совместно выполнять сложные или опасные задания. При определении будущего начальника именно этих сотрудников желают видеть руководителем большинство в коллективе.

По личностному статусу было выявлено 62% сотрудников с высокими показателями. Этих сотрудников оценивают как вызывающих симпатию, имеющими высоко развитые человеческие (социально-приемлемые) качества. С ними часто делятся личными переживаниями и стремятся поддерживать дружеские отношения. Данные сотрудники наиболее положительно влияют на эмоциональную составляющую межличностного взаимодействия в коллективе. Это обусловлено гибкостью в межличностном взаимодействии, открытостью, готовностью помочь и поддержать, возможностью поделиться переживаниями и стремлением данными сотрудниками помочь в решении возникших трудностей.

Результаты проведенного исследования позволяют оценить морально-психологическое состояние личного состава, в целом как «удовлетворительное». По результатам проведенных исследований данные морально-психологического состояния каждого респондента сопоставлялись с данными социально-психологического мониторинга. На основании данного сравнения был сделан вывод о том, что социально-психологический климат в служебном коллективе «среднеблагоприятный».

Далее изучались индивидуально-типологические особенности сотрудников правоохранительных органов. По методике «Индивидуально-типологический опросник» были получены следующие результаты: наиболее часто встречаемые повышенные значения относятся к шкале «экстраверсия». Что свидетельствует о тенденции большинства сотрудников к широкому кругу знакомств. Стоит отметить, что столь часто встречающиеся высокие значения указывают на неразборчивость и назойливость в отношениях с людьми. Среди умеренно выраженных значений, наиболее часто встречается шкала «лабильность», «ригидность», «сензитивность» и «спонтанность». Это дает основания предположить, что многие сотрудники подразделения обладают склонностью к упорядочиванию собственной деятельности, стремлению к поддержанию порядка, сохранению системности в работе, стрессоустойчивости. Также это свидетельствует о переменчивости настроения и впечатлительности. Помимо этого, можно отметить стремление многих сотрудников к лидированию и самоутверждению в глазах коллектива. Согласно анализу результатов по шкалам «ложь» и «аггравация» двое сотрудников дали

недостовверные результаты. Их данные из итогов исключены, ввиду недостоверности результатов.

Среди наиболее частых сочетаний шкал стоит отметить совокупность высоких значений по шкалам: экстраверсия-лабильность (11% респондентов), экстраверсия-спонтанность (9% респондентов), экстраверсия-спонтанность-ригидность (9% респондентов), экстраверсия-ригидность-лабильность (13% респондентов). Данные сочетания являются наиболее встречаемыми, в связи с чем можно сделать вывод о тенденциях в коллективе. Так сочетание высоких значений по шкалам экстраверсия-лабильность указывает на высокий уровень коммуникативности. Такие сотрудники способны легко находить общий язык с разными людьми. Они склонны доступно доносить свои мысли и стремятся к общению с широким кругом лиц. У респондентов имеющих, помимо этих шкал, высокие показатели ригидности, можно отметить тенденцию к демонстративному поведению. Такие сотрудники склонны вызывать расположение к себе, не редко являются эгоцентричными. Сочетание высоких значений по шкалам экстраверсия-спонтанность дает основания предположить, что значительная часть сотрудников стремится к самостоятельности в деятельности. Они склонны к предприимчивости, инициативности, а в отношениях с окружающими стремятся занять ведущее положение. Периодически данные тенденции могут выражаться в излишней самоуверенности и нарушении субординации. Если к данным шкалам прибавляется высокая ригидность, то можно утверждать о стремлении к подчинению собственным правилам, сложности в адаптации при изменении требований к сотруднику.

Проведение исследования с использованием методики «Акцент 2-90» дало следующие результаты: наиболее часто встречаемые высокие значения относятся к показателю «гипертимность». Это свидетельствует о том, что большинство сотрудников имеют тенденции к энергичности, активности, отзывчивости. Большинство имеют оптимистичный настрой в различных жизненных ситуациях. Помимо прочего такие члены коллектива часто бывают беззаботными и поверхностными. Стремление к активности характеризуется быстрой адаптацией к новым условиям и находчивостью в преодолении трудностей. Характерной чертой является высокий уровень коммуникабельности, отсутствие собеседника воздействует угнетающе. Совпадение данных результатов с повышенными значениями по методике «ИТО», подтверждает данную тенденцию у большинства служащих в подразделении.

Наиболее часто встречаемыми средними значениями являются показатели «застревания» (85%), «демонстративности» (85%), «интроверсии» (87%), «экзальтированности» (83%). Это дает основания предположить,

что большинство сотрудников имеют тенденцию к яркому, привлекающему внимание окружающих поведению. Характерными чертами являются соперничество и стремление к лидерству. Данная категория сотрудников часто являются злопамятными, настойчивыми и упорными. Стремятся добиться серьезных успехов в своей деятельности. При этом высокая степень общительности граничит с эмоциональностью в поведении, стремлением помогать окружающим параллельно заслуживая внимания. Та часть сотрудников, которая имеют средние показатели интроверсии, склонна к пассивной поддержке коллег. Они не активно участвуют в общих делах, но не игнорируют их. Победы и поражения выражают умеренно. Эти люди являются хорошими слушателями наиболее активных сотрудников, при условии дружеских отношений. Стоит отметить, что средние значения свидетельствуют о «скрытых» акцентуациях, поэтому такие сотрудники далеко не всегда демонстрируют свойственное им поведение и в различных ситуациях способны действовать иначе, чем во вне рабочих обстоятельствах.

Среди наиболее частых сочетаний выделяются: гипертимность-демонстративность (20%), гипертимность-эмотивность (13%), гипертимность-эмотивность-демонстративность (11%). Так сочетание высоких значений по шкалам гипертимность-демонстративность указывает на высокий уровень энергичности и широкий круг знакомств. Такие сотрудники склонны к яркому поведению, сопровождающимся активностью жестикуляции, артистичности. Взаимодействуя с коллегами, склонны располагать их к себе. Добиваются своего с помощью создания вокруг необходимого «образа». Склонны к лидерству и стремятся всеми возможными способами показать себя умелым руководителем. Такие сотрудники находчивы в выполнении необычных, творческих поручений. Награждения, всеобщие поздравления, публичная благодарность воспринимаются ими как успех. В то же время к достижениям других относятся ревностно, оценивая их как собственную неудачу. Те сотрудники, которые имеют наивысшие баллы одновременно по шкалам гипертимность и эмотивность, склонны к активности и сильному переживанию тех или иных событий. Такие сотрудники жизнерадостны, оптимистичны, но ранимы и способны потерять трудовую активность в связи со значимыми для себя событиями личной или профессиональной жизни. Тем не менее, они достаточно быстро могут восстановиться и вернуться к работе. В суть деятельности вникают не глубоко, но очень чутки к переменам в профессиональной деятельности. Легко подстраиваются под меняющиеся обстоятельства, сопровождая это яркими эмоциями. Имеют хорошо развитую интуицию, которой нередко пользуются в ситуациях выбора. Сотрудники, имеющие высокие показатели гипертимности, эмотивности и демонстративности обладают всеми описанными ранее чертами. В совокупности они характеризуются высоким уровнем коммуникабельности. Такие сотруд-

ники имеют развитую эмпатию, что помогает им легко понимать эмоциональное состояние окружающих и адаптироваться к складывающейся ситуации. Неудачи и достижения переживают ярко и долго. Быстро находят общий язык с окружающими, благодаря чему имеют широкий круг знакомств. При этом ревностны и склонны к соперничеству. В связи с этим часто вступают в конфликты, которые быстро заканчивают.

Для выявления значимости взаимосвязей между индивидуально-типологическими особенностями и социально-психологическим климатом были использованы методы математической статистики. В связи с этим были выдвинуты две гипотезы:

Для исследования взаимосвязи социально-психологического климата и индивидуально-типологических особенностей сотрудников правоохранительных органов был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Между показателями переменных по шкале сензитивность и интегрального статуса в коллективе $r_s = 0,642$ при уровне значимости $p \leq 0,05$, коэффициент корреляции положительный. Следовательно, выявлена прямо пропорциональная зависимость переменных, то есть с ростом показателей первой переменной происходит увеличение показателей второй. Подобная корреляция обнаружена также между показателями по шкале «тревожность». При значении $r_s = 0,586$ и уровне значимости $p \leq 0,05$ коэффициент корреляции положительный, что указывает на прямо пропорциональную зависимость переменных. Таким образом, при повышении показателей сензитивности и тревожности будет повышаться благоприятность социально-психологического климата в коллективе и наоборот.

Между показателями переменных ригидность и интегральный статус в коллективе $r_s = -0,664$ при уровне значимости $p \leq 0,05$, коэффициент корреляции отрицательный. Следовательно, выявлена обратно пропорциональная зависимость переменных, то есть с ростом показателей первой переменной происходит уменьшение показателей второй. Таким образом, при повышении показателя по шкале «ригидность», будет понижаться благоприятность в коллективе и наоборот.

Это дает основания предположить, что сотрудники, проявляющие эмпатию, чуткость к переживаниям и проблемам коллег, стремление влиться в коллектив, благоприятно влияют на социально-психологический климат подразделения. В то же время сотрудники, проявляющие неуступчивость, закостенелость взглядов, педантизм ухудшают социально-психологический климат. На это указывает отрицательная корреляция по шкале «ригидность».

Между показателями переменных по шкале циклотимность и интегральный статус в коллективе $r_s = 0,583$

при уровне значимости $p \leq 0,05$, коэффициент корреляции положительный. Следовательно, выявлена прямо пропорциональная зависимость переменных. Таким образом, при повышении значений по шкале циклотимности, будет повышаться благоприятность социально-психологического климата и наоборот.

Полученные данные позволяют определить наиболее влияющими на социально-психологический климат, шкалу циклотимность. В связи с этим можно сделать вывод, что на благоприятность социально-психологического климата влияют сотрудники общительные, рассу-

дительные, вызывающие доверие, имеющие склонность поддерживать всеобщее настроение.

Проведенный анализ позволил определить наличие корреляции между индивидуально-типологическими особенностями сотрудников правоохранительных органов и социально-психологическим климатом в подразделении. Результатом работы стало подтверждение гипотезы о том, что существует взаимосвязь социально-психологического климата с индивидуально-психологическими особенностями личности сотрудников правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.В. Социально-психологический климат в организациях с различным типом корпоративной культуры // *Современные технологии управления*, 2014. - №01 (37). 1-7 с.
2. Виндекер, О.С. Дифференциальная психология: (прикладные аспекты): [учеб.-метод. пособие]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд во Урал. ун-та, 2016. — 76 с.
3. Демидова Е.В. Модель взаимосвязи мотивационной системы личности и организационной культуры / Е.В. Демидова. - DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).25 // *Baikal Research Journal*. - 2021. - Т. 12, №2. - С. 25-25
4. Никулина Т.И. Мотивация достижения в выборе стратегии поведения в организационном конфликте у сотрудников пригородной железной дороги / Т.И. Никулина, Ю.В. Чепурко. - DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(1).21 // *Baikal Research Journal*. - 2021. - Т. 12, №1. - С. 21-21
5. Воронцова Е.Г. Взаимосвязь представлений о самоэффективности с мотивацией достижения успеха у юношей и девушек, обучающихся на психологическом и юридическом направлениях обучения в вузе / Е.Г. Воронцова. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).3 // *Baikal Research Journal*. - 2019. - Т. 10, №1. - С. 3-3
6. Лимонцева Г.В. Взаимосвязь ценности патриотизма с личностными характеристиками студенческой молодежи / Г.В. Лимонцева. - DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).27 // *Baikal Research Journal*. - 2017. - Т. 8, №3. - С. 27-27
7. Николаева Г.Н. Влияние профиля в профессиональной социальной сети на развитие карьеры специалиста / Г.Н. Николаева, В.А. Перекрестова, А.Е. Перекрестов. - DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(1).60-68 // *Известия Байкальского государственного университета*. — 2021. - Т. 31, № 1. - С. 60-68.

© Кожевина Анна Павловна (apkozhevina@mail.ru), Дубровина Светлана Валериевна (dubrovina.swetlana2014@yandex.ru), Колесников Сергей Владимирович (koll-0007@mail.ru), Карабинская Ольга Арнольдовна (fastmail164@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ НА СКЛОННОСТЬ К МАНИПУЛЯТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ МОЛОДЕЖИ

THE INFLUENCE OF INDIVIDUAL AND PERSONAL FACTORS ON THE TENDENCY TO MANIPULATIVE BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE

S. Mudrak
A. Chicheva

Summary: The article examines the issue of the influence of individual (age-sex) and personal factors on the tendency to manipulative behavior among young people. The results of an empirical study of 169 young people aged 17 to 35 years are presented. The researchers were used psycho diagnostic techniques: the Bant Scale (a technique for diagnosing the manipulative attitude of the individual) and the Machiavellianism Scale, MACH-IV. A statistically significant relationship between certain age periods and the level of manipulative behavior was revealed. The relationship between the level of manipulateness and gender was not found. No relationship was found between Machiavellianism (a personal prerequisite for manipulateness) and the direction of education (technical and humanitarian). The results obtained make it possible to predict an increase in manipulative behavior among young people aged 25 to 30 years, regardless of gender.

Keywords: psychological manipulation, manipulative behavior, prerequisites of manipulateness, age, gender, orientation of education, youth.

Мудрак Софья Алексеевна

кандидат психологических наук, доцент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
MudrakSA@mgsu.ru

Чичева Александра Алексеевна

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
ChichevaAA@mgsu.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос влияния индивидуальных (возрастно-половых) и личностных факторов на склонность к манипулятивному поведению среди молодежи. Приведены результаты эмпирического исследования 169 молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет. В качестве психодиагностических методик применялись Шкала Банта - методика для диагностики манипулятивного отношения личности и Шкала макиавеллизма личности (Machiavellianism Scale, MACH-IV). Выявлена статистически значимая связь между определенными возрастными периодами и уровнем манипулятивности поведения. Взаимосвязи между уровнем манипулятивности и полом не обнаружено. Не обнаружено взаимосвязи между макиавеллизмом (личностной предпосылкой манипулятивности) и направлением образования (техническое и гуманитарное). Полученные результаты позволяют прогнозировать усиление манипулятивного поведения среди молодежи в возрасте от 26 лет до 30 лет вне зависимости от пола.

Ключевые слова: психологическая манипуляция, манипулятивное поведение, предпосылки манипулятивности, возраст, пол, направленность образования, молодежь.

Введение

Психологическая манипуляция – это вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий (Доценко Е.Л., 2000). Сущность манипуляции состоит в скрытом психологическом принуждении личности к определенному поведению.

Актуальность изучения манипулятивного поведения состоит в том, что необходимо раскрыть сущность, предпосылки и причины манипулятивности в общении. Манипуляция может быть использована как для положительных, так и для отрицательных целей. В лучшем случае, манипуляция может помочь убедить кого-то принять решение или поступить определенным образом, в худшем - может быть использована для контроля, доминирования, принуждения или обмана [3].

Проблематика манипуляции заключается в том, что она нарушает личные границы и приводит к недоверию и неуверенности в себе, может привести к насилию и эксплуатации, что в дальнейшем имеет серьезные последствия для благополучия личности. Манипуляция также нарушает доверие и уважение в отношениях, что, в конечном счете, может привести к их разрушению [5].

Манипулятивное поведение может иметь различные формы и применяться в разных ситуациях, но его цель всегда одна - контроль над другим человеком в своих интересах. Поэтому важно быть осведомленным о различных формах манипуляции, чтобы избежать попадания под влияние и сохранить свою независимость и свободу выбора [1].

Стоит отметить, что манипуляция является негативным явлением только в том случае, если она используется для достижения личных интересов в ущерб интересам других.

Однако если манипуляция используется для достижения взаимоприемлемых целей, таких как убедительное общение или разрешение конфликтов, она может быть относительно приемлемым инструментом в общении.

Манипуляция может иметь различные формы, такие как:

- **Обман:** скрытое искажение фактов или представление неверной информации для достижения желаемого результата.
- **Убеждение:** использование логических аргументов и доказательств для убеждения другого человека принять определенное мнение или поступить определенным образом.
- **Доминирование:** использование психологической силы и контроля, чтобы заставить другого человека повиноваться чужим приказам или желаниям.
- **Эмоциональное воздействие:** использование эмоционального давления, такого как страх, вина или стыд, для достижения желаемого результата.

Манипулятивное воздействие может оказываться на людей различных возрастов, социальных слоев, полов и культурных групп. Однако некоторые люди могут быть более уязвимы к манипуляции, чем другие. Некоторые из людей, наиболее подверженных манипулятивному воздействию, обладают следующими качествами [4]:

- Люди, обладающие низкой самооценкой, легче поддаются манипуляциям. Они могут бояться конфликтов и стремиться угодить другим, что делает их более уязвимыми для манипуляторов.
- Если у человека недостаточно уверенности в себе, то он может испытывать сомнения в своих суждениях и легче доверится лживой информации, которую может использовать манипулятор.
- Люди, которые стремятся получить одобрение других, могут быть более уязвимыми к манипуляции. Они могут быть склонными угождать другим и соглашаться выполнить любые требования, даже если они не соответствуют их собственным желаниям.
- Люди, которые стараются избегать конфликтов, также могут быть более уязвимыми к манипуляции. Они предпочитают сгладить любые разногласия, даже если это несет угрозу поддаться требованиям манипулятора.
- Люди, которые испытывают эмоциональное напряжение, такое как тревога, страх или депрессия. Эмоциональное напряжение может снизить уровень осознанности и сделать человека более открытым для действий манипулятора.

Как было сказано ранее, манипулятивное поведение - это способ управления другими людьми с целью достижения своих личных интересов. Оно может проявляться в разных формах и маскироваться под вид различных ти-

пов коммуникации, но суть его всегда сводится к воздействию на сознание и поведение другого человека с помощью обманчивых или нечестных методов. Существует множество способов манипуляции, и некоторые из них могут быть очень сложными и изощренными [6].

Одним из наиболее распространенных типов манипулятивного поведения является манипуляция эмоциями, когда человек использует свои знания об эмоциональных слабостях и уязвимостях другого, чтобы вызвать у него желаемые эмоции или настроение. Это может происходить путем лживого обещания, угрозы, шантажа или прямого воздействия на эмоциональное состояние человека.

Еще одним типом манипулятивного поведения является манипуляция информацией, когда человек искажает факты или скрывает определенную информацию, чтобы влиять на мнение другого человека или добиться от него нужного решения. Это может происходить через использование ложной информации, выборочного представления фактов или скрытия определенных аспектов ситуации.

Не менее распространенным типом манипулятивного поведения является манипуляция властью, когда человек использует свою власть или авторитет, чтобы контролировать или управлять другими. Это может происходить через угрозу увольнения (в профессиональной сфере), или иными способами, позволяющими воздействовать на важные аспекты жизни человека.

Однако есть несколько путей, которые могут помочь защититься от манипулятивного воздействия:

- Один из наиболее эффективных способов защиты от манипуляций - это повышение своей осведомленности о манипулятивных тактиках. Следует изучить типичные приемы, которые используют манипуляторы. Необходимо оставаться настороже, если в общении человек применяет подобные тактики.
- Чем менее уязвим человек, тем труднее манипуляторам воздействовать. Стоит избегать раскрытия личной информации и не доверять незнакомым людям, не позволять манипуляторам создавать чувство обязательности или зависимости.
- Чем больше у человека уверенности в себе, тем меньше вероятность попадания под влияние манипулятора. Развитые личные и профессиональные навыки повышают самооценку и уверенность в своих силах.
- Манипуляторы часто используют эмоции для того, чтобы воздействовать на других. Если человек способен контролировать свои эмоции, это может помочь не реагировать на попытки манипуляции.

Например, если манипулятор пытается вызвать чувство вины, стоит стараться не реагировать на это и оставаться объективным.

- Установление границ - это важный шаг в защите от манипуляций. В начале общения стоит четко указать, какие действия допустимы. При попытке манипулятора заставить сделать что-то, что идет в разрез с личными границами, необходимо сослаться на них и отказаться от этого [6].

Манипуляция – это тактика поведения, которая может быть использована для убеждения, контроля или воздействия на других людей. Она может быть применена в различных ситуациях, и некоторые люди могут проявлять склонность к манипулятивному поведению уже с молодого возраста [9].

Индивидуальные и личностные факторы оказывают значительное влияние на склонность к манипулятивному поведению. Например, некоторые люди могут иметь склонность к манипулятивному поведению из-за своих личностных черт, таких как низкая самооценка, недостаточная эмпатия, высокий уровень невротизма, необходимость контроля или же высокий уровень маниакальности [7,9].

Низкая самооценка может привести к тому, что человек будет использовать манипулятивные тактики для поддержания чувства собственной важности и достоинства. Недостаточная эмпатия вызывает трудности понимания того, как собственные действия могут повлиять на других, недооценку негативных последствий использования манипулятивных тактик. Высокий уровень невротизма порождает чрезмерную напряженность, страх и стремление использовать манипуляцию для снижения уровня своей тревоги. Необходимость контроля заставляет использовать манипуляцию, чтобы добиться желаемого результата. Высокий уровень маниакальности может способствовать применению манипуляции для удовлетворения своей потребности в доминировании и контроле [2]. Например, люди, которые были подвергнуты насилию или другим формам эмоциональной или психологической травмы, могут развить манипулятивное поведение в качестве защитного механизма. Люди, которые были воспитаны в окружении, где манипуляция была распространена, также могут развить манипулятивные навыки и тактики. Кроме того, личный опыт и образование могут также играть важную роль в формировании манипулятивного поведения [9,11].

Возраст и гендерные факторы могут оказывать влияние на склонность к манипулятивному поведению [9,10,12]. Некоторые исследования показывают, что молодые люди более склонны к манипуляции, чем старшие возрастные группы. Однако, возрастной эффект на

склонность к манипулятивности может быть неравномерным и зависеть от конкретного типа манипулятивного поведения [8].

Исследования указывают на то, что мужчины и женщины могут иметь различные предпочтения в выборе манипулятивных тактик. Например, женщины чаще используют эмоциональную манипуляцию, такую как использование слез и выражений, чтобы вызвать сочувствие и сострадание. В то время как мужчины чаще используют более прямые и агрессивные тактики, такие как угрозы и вымогательство. Однако следует отметить, что эти различия могут быть связаны в большей степени с социальными и культурными факторами [10].

В целом, склонность к манипулятивному поведению может быть обусловлена различными факторами. Не существует единственного «типичного» манипулятора. Однако, понимание того, как возраст и пол влияют на манипулятивное поведение, может помочь лучше определять мотивы и тактики, используемые людьми в коммуникации [2]. Кроме того, существует множество индивидуальных различий, которые могут оказывать влияние на склонность к манипулятивности, таких как личностные черты, уровень эмпатии, опыт жизни и другие факторы.

Материалы и методы

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью изучения влияния различных факторов (возраста, пола и направления образования) на склонность к манипулятивности в молодом возрасте. Была выдвинута гипотеза о том, что уровень манипулятивности у молодежи связан с такими параметрами как пол, возраст и направленность образования (техническое или гуманитарное).

В исследовании всего приняли участие 169 человек в возрасте от 17 до 35 лет, из которых 97 (57%) – мужчины, 72 (43%) – женщины,

В качестве психодиагностических методик применялись Шкала Банта – методика для диагностики манипулятивного отношения личности и Шкала макиавеллизма личности (Machiavellianism Scale, MACH-IV). Нами была проведена статистическая обработка результатов с использованием многофункциональной программы SPSS 23.0.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе изучалось влияние индивидуальных свойств (возраста, пола) на склонность к манипулятивности в молодом возрасте. В исследовании приняли участие 130 человек в возрасте от 17 до 35 лет, из которых 77 (59,2%) – мужчины, 53 (40,8%) – женщины. В качестве психодиагностической методики применялась Шкала Банта.

На втором этапе исследования нами изучалась связь между направлением образования (техническое и гуманитарное) и макиавеллизмом как личностной предпосылкой манипулятивности. В исследовании приняли участие 39 человек в возрасте от 21 до 35 лет, из которых 20 (53,8%) – мужчины, 19 (48,7%) – женщины. 22 (56%) человека из выборки имеют (получают) техническое образование, 17 (44%) – гуманитарное образование.

Результаты исследования

Из полученных результатов по шкале Банта следует, что большинство респондентов (69,24%) имеют средний показатель уровня манипулятивного отношения с тенденцией к высокому уровню. Они могут использовать манипулятивные методы в большинстве ситуаций, и это может вызывать трудности во взаимоотношениях.

25,38% респондентов имеют средний показатель манипулятивного отношения с тенденцией к низкому уровню. Это свидетельствует о том, что относительно небольшая доля испытуемых может использовать манипулятивные методы в некоторых ситуациях, но это происходит редко и не является его основной стратегией в общении.

5,38% опрошенных имеет высокий показатель манипулятивного поведения, это свидетельствует о том, что данная категория людей, скорее всего, использует манипулятивные методы систематически и в большинстве своих отношений.

Низкий уровень манипулятивного отношения по Банту характеризует человека как не понимающего, что при общении с людьми им можно манипулировать. По результатам исследования ни один респондент не попал в данную категорию.

Нами были проанализированы корреляционные связи между общими показателями манипулятивного поведения по Банту, уровнем манипулятивного поведения по Банту, полом, возрастом и возрастными периодами. Мы выделили следующие возрастные периоды: от 21 года до 25 лет, от 26 лет до 30 лет, от 31 года до 35 лет.

Средний показатель манипулятивного отношения у молодежи из нашей выборки в возрасте от 17 лет до 20 лет равен 64,23. Средний показатель манипулятивного отношения респондентов в возрасте от 21 года до 25 лет составляет 62,74. Средний показатель манипулятивного отношения в возрасте от 26 лет до 30 лет равен 66,56. Средний показатель манипулятивного отношения респондентов в возрасте от 31 года до 35 лет составляет 58,4. Обращает на себя внимание, что наивысший уровень манипулятивного поведения наблюдается в воз-

растном периоде от 26 до 30 лет.

Кроме того, нами выявлено, что показатель манипулятивности у молодых людей не зависит от пола. Средние показатели по шкале манипулятивного поведения для мужчин и женщин следующие: мужчины – 63,47, женщины – 63,53. Дальнейшая статистическая обработка показателей по Критерию Манна-Уитни дала следующие результаты: $U=1297$ при уровне значимости $p=0,781$, т.е. $p>0,05$. Принимается нулевая гипотеза о том, что распределение показателя манипулятивного отношения является одинаковым для категории «пол», т.е. показатель не зависит от пола.

Для определения статистической значимости различий также использовался критерий согласия Пирсона. Статистически значимая корреляционная связь выявлена только между уровнем манипулятивного отношения и возрастными периодами ($r=0,212$), корреляция значима на уровне 0,05.

На втором этапе исследования нами изучалась связь между направлением образования (техническое и гуманитарное) и макиавеллизмом как личностной предпосылкой манипулятивности.

Показатели макиавеллизма в выборке распределились следующим образом: в 1(3%) случае диагностировался низкий показатель, у 26 представителей молодежи (66%) – средний показатель, у 12 (31%) – высокий показатель.

Средний ранг показателя макиавеллизма для молодых людей, имеющих или получающих гуманитарное образование, равен 20,82. Критерий Манна-Уитни $U=173,0$ при уровне значимости $p=0,705$, т.е. $p>0,05$. Принимается нулевая гипотеза о том, что распределение показателя макиавеллизма является одинаковым для категории «направление образования», т.е. показатель макиавеллизма не зависит от направленности образования.

Заключение

По результатам проведенного эмпирического исследования нами сделаны следующие выводы:

1. Манипуляция среди молодежи является одной из распространенных форм социальной коммуникации. По данным нашего исследования среди молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет почти 70% имеют средний показатель уровня манипулятивного отношения с тенденцией к высокому уровню и более 5% – высокий уровень. Высокий показатель макиавеллизма как личностной предпосылки манипулятивности выявлен у 31% представителей молодежи.

2. Проведенное исследование позволило выявить статистически значимую связь между определенными возрастными периодами и уровнем манипулятивности поведения у молодежи. Полученные результаты позволяют прогнозировать усиление манипулятивного поведения среди молодежи в возрасте от 26 лет до 30 лет.
3. Результаты анализа данных тестирования не показали значимой связи между уровнем манипулятивности поведения и полом.
4. Не обнаружено взаимосвязи между такими характеристиками как макиавеллизм (личностная предпосылка манипулятивности) и направление образования (техническое и гуманитарное).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анникова Л.В., Донцов И.А., Лукьянченко Е.М. Влияние манипулятивного поведения на общение и возможность противостояния манипуляции // Наукапарк– 2016. – № 7(48). – С. 2-4. – EDN WNEGSB.
2. Волобуева Е.В., Хилько О.В. Психологические особенности манипулятивного общения и его характерологические причины // МНКО. –2018. –№2(69). – С. 399-400. – EDN: XNBIHV.
3. Григорьева М.А., Хвостова С.А. Личностные характеристики, сопутствующие манипулятивному поведению//Сборник тезисов докладов науч.-практич. конф. студентов Курганского гос. унив., Курган, 25 марта – 05 апреля 2019 года / КГУ. Том Выпуск XX. – Курган: КГУ, 2019. – С. 44-45. – EDN PXSRDV.
4. Иванов, А.О., Абдрауова Е.Р. Манипуляция как способ общения // XVII Акмуллинские чтения: Материалы Международной научно-практической конф., Уфа, 02–03 декабря 2022 года. Том 1. – Уфа: Башкирский гос. пед. университет им. М. Акмуллы, 2022. – С. 27-28. – EDN YDKPLW.
5. Кирсанова, А.В. Психологические критерии манипулятивного поведения// Амурский научный вестник. – 2007. – № 1. – С. 80а-90. – EDN PCQQDN.
6. Кучин, И.С. Манипулятивное поведение и способы защиты от него// Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 сентября 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 199-201. – EDN EOPSA.
7. Макаренко О.В., Богомаз С.А. Личностные особенности студентов-психологов, склонных к манипулированию другими//Вестн. Том. гос. ун-та. Серия «Психология» –2005. №286. – С. 105-109.
8. Руслина А.О. Макиавеллизм личности и понимание манипулятивного поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. №4. – С. 124-129.
9. Сергеев А.А. Влияние половозрастных, гендерных и профессиональных различий на склонность к манипулятивному поведению//Вестник Адыгейского государственного унив. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. №4 (109). – С. 134-139.
10. Слотина Т.В., Недошивина Ю.С. Гендерные особенности тенденции к макиавеллизму и психической ригидности студентов//Вестник Марийского гос. унив. 2018. – С. 100-108. №2(30). DOI:10.30914/2072-6783-2018-12-2-100-108
11. Хазова С.А., Вербицкая К.А. Исследование склонности к манипулятивному поведению будущих педагогов-студентов системы среднего профессионального образования//Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2021. №1 (273). – С. 75-81.
12. Хапов, М.С. Гендерный аспект в вопросе склонности к манипулированию //Актуальные вопросы современной психологии: Материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 123-126.

© Мудрак Софья Алексеевна (MudrakSA@mgsu.ru), Чичева Александра Алексеевна (ChichevaAA@mgsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ОНКОЛОГИИ У ДЕТЕЙ НА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И СТРЕССОВОЕ СОСТОЯНИЕ ИХ РОДИТЕЛЕЙ

INFLUENCE OF ONCOLOGY IN CHILDREN ON THE PSYCHO-EMOTIONAL AND STRESS STATE OF THEIR PARENTS

*Yu. Novikova
X. Toropov (Grigoryan)*

Summary: This article analyzes the factors that affect the parents of a child with oncology. It has been established that complex treatment and assistance to parents, not only medical, but psychological, can improve their quality of life, and also contributes to a better prognosis for the child, since the psychological health of parents indirectly affects his recovery. Goal of the work. To analyze the psycho-emotional state of the parents of a child with oncology and to determine effective methods for correcting their mental health at various stages of the child's illness.

Keywords: parent of a child with oncology, post-traumatic stress disorder, psychological assistance, additional stress.

Новикова Юлия Леонидовна

кандидат биологических наук, доцент, Медицинский институт ОГУ им. И.С. Тургенева
Novikova_julia09@mail.ru

Торопов (Григорян) Ксения

Медицинский институт ОГУ им. И.С. Тургенева
Grigoryan.ksenia@gmail.com

Аннотация: В данной статье проведен анализ факторов, которые влияют на родителей больного онкологией ребенка. Установлено, что комплексное лечение и помощь родителям, не только медицинская, но психологическая позволяет улучшить их качество жизни, а также способствует лучшему прогнозу для ребенка, так как психологическое здоровье родителей опосредованно влияет на его выздоровление. Цель работы. Проанализировать психоэмоциональное состояние родителей ребенка, который болен онкологией, и определить эффективные методы для коррекции их психического здоровья на различных этапах заболевания ребенка.

Ключевые слова: родитель больного онкологией ребенка, посттравматическое стрессовое расстройство, психологическая помощь, дополнительный стресс.

Актуальность

На данный момент онкологические заболевания широко распространены не только среди взрослого населения, но и среди детей. Проблема затрагивает не только самого ребенка, но и всю его семью в эмоциональном, социальном и финансовом плане. Семье приходится изменять свой образ жизни и мышление, перестраиваются мотивы существования. При этом психическое здоровье родителей влияет не только на них самих, но и на процесс выздоровления ребенка, который во многом от них зависит. Для коррекции психического и эмоционального здоровья родителей требуются комплексные усилия, как со стороны родителей и ребенка, так и со стороны медиков, принимающих активное участие в диагностике, лечении и уходе за ребенком.

Проблема детской онкологии является актуальной во всем мире. Ежегодно примерно 400 000 детей и подростков в возрасте от рождения до 18 лет заболевают раком [1]. В 2018 году Росстат зафиксировал 21248 случаев заболевания раком у детей до 14 лет и 5707 случаев – у детей от 14 до 18 лет.

Преодоление заболевания ребенка, которое угрожает жизни, является большим стрессом и влияет не только на самого родителя и на окружающих, но и на больного ребенка. И то, как родитель преодолеет этот порог стресса, будет влиять на благополучие семьи. Ведь каче-

ство жизни ребенка зависит от множества компонентов, одним из которых является поддержка, которую оказывают самые близкие люди – родители.

Развитие психических расстройств у родителей связаны с влиянием “невидимого” стрессора, а именно не только угрозы утраты близкого человека, но и снижением ее качества, так как онкологическое заболевание зачастую носит хронический характер, а само лечение может быть токсичным, ожидаемой угрозы, связанной с предстоящими последствиями болезни. [1]. Сложность ситуации связана с тем, что повреждающий фактор (заболевание) находится внутри ребенка и его невозможно механическим путем отделить от него, что отличает его от стресса, связанного с воздействием “видимых” угрожающих факторов внешней среды. Кроме этого, само агрессивное лечение, в виде приема лекарств, лучевого облучения, оперативного вмешательства являются дополнительным стрессом.

Стресс при постановке диагноза и лечении

Развитие стресса связано, в том числе с множеством трудностей, которые возникают у семьи и близких людей в процессе установления точного диагноза и на различных этапах лечения и реабилитации:

- моральные переживания, в том числе связанные с невозможностью контролировать ситуацию;
- поиск информации о болезни;

- долгая госпитализация и сопровождение ребенка во время лечения и в период реабилитации;
- изменение повседневной и профессиональной деятельности;
- финансовые трудности.

Страх перед неизвестным велик и начинается еще до установления диагноза. Процесс диагностики длительный и предполагает проведения множества исследований, таких как:

- различные анализы крови;
- определение онкомаркеров;
- рентгенологические и ультразвуковые исследования;
- компьютерная томография, ПЭТ КТ;
- стерильная пункция и другое.

Каждый из диагностических тестов дает частичную картину, а все вместе - дополняют друг друга и позволяют поставить точный диагноз, от чего зависит дальнейший план лечения ребенка и прогноз в целом. Большинство из методов обследования зачастую сопровождаются неприятными и болевыми ощущениями, которые также негативно воспринимаются и родителями. Задача родителей правильно подготовить ребенка, провести беседу, стать эмоциональным приемником для детей. Это невозможно выполнить если сам родитель беспокоится и еще больше усугубляет ситуацию, так как ребенок негативные эмоции принимает на себя.

Правильное информирование родителей о назначении каждого вида обследования, особенностях подготовки к ним и действий во время самой процедуры в значительной мере снижают тревогу, как у ребенка, так и у сопровождающих его лиц и позволяют получить достоверные результаты, влияющие выбор тактики дальнейшего лечения.

Лечение большую часть времени проводится в условиях стационара. Оно длительное и отдаляет ребенка и семью от привычных дел.

Зачастую на сопровождающего в больнице ребенка ложится большая ответственность (уход за ребенком, соблюдение режима сна/бодрствования, соблюдение диеты, прием лекарств). Малейшее отклонение может существенно повлиять на течение болезни. Страх что-либо не выполнить дополнительно усугубляет психическое здоровье родителя.[5]

Пребывание в трудную минуту с одним из родителей может нарушить баланс в семье, а качество отношений может измениться как лучшую, так и в худшую сторону. В исследовании Федоренко М.В., Гороховой Л.Г. выявлено, что случай заболевания ребенка меняет иерархию в семье: родительские конфликты приводят к доминиро-

ванию ребенка в семье, и как следствие нарастание напряжения между отцом и матерью коррелируется с повышением статусности ребенка в семье (2016). От семьи требуется мобилизация всех ресурсов и перестройка взаимоотношений в семье.

Период реабилитации

В период пребывания ребенка и родителей дома также связан с появлением трудностей. Тяжесть течения заболевания, сложности социальной адаптации, проблемы с получением положительных результатов от лечения, как правило, сопровождаются серьезными психологическими проблемами у больного и родственников. В 80% случаев у детей онкологическое заболевание переходит в ремиссию. Перестройка жизни к той, что была до установления диагноза, также сопровождается стрессом:

- адаптация к жизни после госпитализации;
- реструктуризация жизни с появившимися ограничениями;
- страх рецидива болезни;
- более частые конфликтные ситуации в семье.

Возникшие непроработанные эмоциональные переживания становятся препятствием, и могут не дать возможности принять и адаптироваться к условиям жизни. Отмечено, что страх утраты близкого в результате тяжелого заболевания сопровождается более тяжелыми признаками посттравматического стресса вследствие его незавершенности, так как даже после выздоровления нет гарантии, что болезнь не вернется. В отдаленном периоде этот стресс переживается в виде целого комплекса психопатологических симптомов, кардинально нарушая нормальное функционирование личности

Согласно исследованиям у родителей детей, страдающих онкологией, могут отмечаться следующие проблемы:

- проблемы со сном;
- когнитивные нарушения, нарушение концентрации внимания;
- самообвинение;
- одиночество

Психопатологические реакции и признаки посттравматического стресса у родителей могут проявляться в виде:

- недостатка эмоциональности;
- неуверенности в собственных решениях;
- отсутствии персональной включенности в жизнь (жизнь будто идет сама собой и в малой степени поддается планированию);
- закрытость;
- беспомощность;
- избегание ситуации ассоциированных с болезнью;
- заикленность на собственных переживаниях;

- потери интереса к жизни;
- снижение мотивации и волевой регуляции. [3]

Помощь родителям

Учитывая то, что лечение и реабилитация детей во многом зависит от окружения, стоит проводить психологическую поддержку в комплексе с родителями. Помощь родителям и их поддержка может проявляться разными способами:

Информационная поддержка. Родители хотят принимать участие в решениях, которые связанные с лечением их ребенка, понять все риски, детально изучить побочные явления лечения. Эта информация помогает родителям успокоиться, и чувствовать, хоть и немного, что они контролируют ситуацию и оставаться оптимистичными. Задачей врачей является предоставление родителям:

- литературы в печатном виде, рассказывающей о болезни;
- перечня ссылок на сайты, содержащих достоверную информацию о болезни.

При проведении беседы врач должен грамотно и понятным для родителей языком ответить на все интересующие вопросы касательно методов лечения и их побочных эффектах, особенностях питания и ухода за ребенком, соблюдением режимных моментов и другое.

Получив информацию в полном объеме, родители испытывают доверие к врачу. Если родитель испытывает недоверие, то обращаются к другим источникам информации, а именно в большинстве случаев в интернет, где масса недостоверной информации. При общении с родителями с низким уровнем образования врачу необходимо излагать информацию не научными словами, а понятным для них языком.

Эмоциональная поддержка. К ней могут относиться утешительные жесты, сладкие подарки, цветы, открытки с добрыми словами. Поддержка помогает справиться со стрессом, незнанием, безнадежностью и депрессией. Данная поддержка может осуществляться при разговоре с:

- врачом, медперсоналом;
- социальным работником;
- близкими;
- священником.

Актуальным вопросом является создание специальных программ, направленных на психологическую

адаптацию детей и их родителей. Стоит учесть, что многие люди склонны скрывать свои чувства, что требует активного выявления жалоб со стороны психического здоровья медработниками. Необходимо привлечение психотерапевтов и психологов для коррекции состояния, включая применение медикаментозного лечения.

Материальная поддержка. Может осуществлять не только в виде финансовой поддержки, но и посредством покупки необходимых медикаментов, средств по уходу, еды, специальной техники, в которой нуждается ребенок (например, инвалидная коляска).

Комплексная реабилитация больного и ребенка и его родителей также может проводиться в виде:

- индивидуальных и групповых консультаций для ребенка и родителей;
- групповых арт-терапий;
- выездных детских лагерей для переболевших онкологией детей и их родителей.

В результате терапевтического отдыха [выездной лагерь] отмечается снижение уровня тревоги, повышение уверенности в себе, улучшение коммуникации, формирование умения преодоления трудностей, что положительно влияет на иерархию мотивов деятельности. [2]

Заключение и выводы

Посттравматический стресс и психические расстройства развиваются у родителей, дети которых больны онкологическим заболеванием. Это возникает в результате множества факторов, включая риск потери близкого человека, социальными, эмоциональными и финансовыми трудностями. Своевременное выявление и оказание квалифицированной помощи родителям не только повышают их качество жизни и здоровье, но и помогают ребенку выздороветь и пройти качественную реабилитацию после его выздоровления. Помощь должна оказываться на различных этапах заболевания ребенка (подозрение на заболевание, проведение диагностических мероприятий, лечение, реабилитация) и должна учитывать возраст ребенка и взаимоотношения в семье. Комплекс мероприятий может оказываться как непосредственно медицинскими работниками, так и представителями социальной помощи и окружающими людьми. Качественная и в полном объеме проведенная терапия посттравматического расстройства позволяет интегрироваться в общество и в значительной мере улучшить качество жизни больного ребенка и его родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быховец Юлия Васильевна, Коган-Лернер Лина Борисовна/«Психология и психотерапия семьи» №2 2018 | <http://familypsychology.ru> 5 ИССЛЕДОВАНИЯ DOI - 10.17513/pps.2018.2.1 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОЛЕЗНИ МАТЕРЕЙ ПОДРОСТКОВОНКОПАЦИЕНТОВ

2. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала Экзистенции // Экзистенциальный анализ: Бюллетень. – М., 2009. – № 1. – С. 141–170.
3. О.А. Загоскина, А.А. Нургалеева, А.В. Штрахова//ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ, ПЕРЕНЕСШИМИ ОНКОГЕМАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ. – Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 95 2017. Т. 10, № 1. С. 88–98/ DOI: 10.14529/psy170109
4. Казымова Н.Н., Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А./ПСИХОЛОГИЯ СТРЕССА И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ. - Педагогика. Психология. Социокинетика № 2, 2019/DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-96-101 УДК 159.942
5. Черненко О.А., Чулкова В.А. (2014) Психологическое состояние матерей во время лечения их детей в онкологическом отделении. Научные исследования выпускников факультета психологии СБГУ. Т.2. С. 298-304.

© Новикова Юлия Леонидовна (Novikova_julia09@mail.ru), Торопов (Григорян) Ксения (Grigoryan.ksenia@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЫХ И «СЕРЕБРЯНЫХ» ВОЛОНТЕРОВ

Серова Евгения Александровна

Соискатель, старший преподаватель, ЯрГУ

им. П.Г. Демидова (г. Ярославль)

Serova85@yandex.ru

STRUCTURAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG AND "SILVER" VOLUNTEERS

E. Serova

Summary: The article is devoted to the study of the structure of value orientations of volunteers of young and «silver» age. Theoretical approaches to the concept of volunteerism and value orientations of a person involved in volunteer activity are considered. The results of the study of the structural and psychological features of the value orientations of volunteers of young and «silver» age are presented. It is shown that both invariant characteristics and significant differences are present in the structure of value orientations of young and «silver» volunteers. The structural organization of the terminal values of young and «silver» volunteers differs in the nature of the connection between the elements of the structure.

Keywords: volunteering, volunteer activity, «silver» volunteers, values, value orientations.

Аннотация: Статья посвящена исследованию структуры ценностных ориентаций волонтеров молодого и «серебряного» возраста. Рассматриваются теоретические подходы к понятию волонтерства и ценностных ориентаций личности, включенной в волонтерскую деятельность. Приводятся результаты исследования структурно-психологических особенностей ценностных ориентаций волонтеров молодого и «серебряного» возраста. Показано, что в структуре ценностных ориентаций молодых и «серебряных» волонтеров присутствуют как инвариантные характеристики, так и значимые различия. Структурная организация терминальных ценностей молодых и «серебряных» волонтеров различна по характеру связи между элементами структуры.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, «серебряные» волонтеры, ценности, ценностные ориентации.

Введение

В современной специальной психологии большое внимание уделяется интересной и актуальной проблеме изучения личностных особенностей личности, включенной в волонтерскую деятельность. Волонтерские движения в последние несколько лет приобретают характер массовой социальной активности.

Учитывая, что в волонтерскую деятельность вовлечены люди различных возрастных групп и принадлежащие к разным поколениям, представляется значимым исследовать и сравнить ценностно-мотивационные основания, реализуемые в волонтерской деятельности молодежью и людьми «серебряного» возраста.

Под волонтерством понимается сознательная, добровольная деятельность во благо других, основанная на просоциальной активности личности. Современные исследователи подчеркивают необходимость анализа ценностно-мотивационных и личностных смыслов для изучения психологических свойств волонтеров [9].

Ценности в социально-психологическом и структурном ключе исследовали В.Г. Асеев [2], Е.С. Азарова [1], Е.И. Головаха [3], А.Г. Здравомыслов [4], Д.А. Леонтьев [8], М. Рокич [5], А.В. Серый [13], В. Франкл [12], М.С. Яницкий

[13] и др. Исследованию волонтерства как социально-психологического феномена посвящены исследования Е.С. Азаровой [1], М.А. Недошивиной [10], Е.Е. Насиновской [9], М.С. Яницкого [13], E.G Clary [15], G. Carlo [14], R.A Cnaan [16] и др.

Как отмечает В.Г. Асеев, «...проблема системной характеристики ценностно-мотивационных образований личности и ее содержательно-смыслового потенциала является одной из важных проблем современной психологической науки [2, с.53]».

Анализ научной литературы позволил понимать под ценностными ориентациями обобщенные представления о благах и приемлемых способах их получения, на основе которых человек осуществляет сознательный выбор целей и средств деятельности, вкладывая в них личностный смысл.

Е.С. Азарова, исследуя волонтеров, получила данные о том, что эти люди отождествляют себя с сильными личностями, обладающими достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле [1, с.126]. У.П. Кретова рассматривает волонтерскую деятельность как надситуативную активность личности, детерминированную внутренними интенциями волонтеров и подчерки-

вает, что предикторы этой активности являются проблемой, малоизученной в современной науке [7, с. 44]. Она называет одной из наиболее показательных особенностей волонтеров личностный динамизм.

Исходя из вышесказанного следует предположение о необходимости изучения структурных особенностей в ценностных ориентациях современных волонтеров двух, наиболее вовлеченных в волонтерскую деятельность, групп – молодых и «серебряных» волонтеров.

Организация, методы и содержание эмпирического исследования

С целью изучения структурно-психологических особенностей ценностных ориентаций волонтеров молодого и «серебряного» возраста автором было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 195 человек. Исследование проводилось в марте-мае 2022 года. В группу 1 вошли 100 студентов от 17 до 23 лет, занимающихся волонтерской деятельностью. В группу 2 вошли 95 «серебряных» волонтеров от 55 лет и старше.

Гипотеза исследования заключалась в том, ценностные основания волонтерской деятельности имеют инвариантные характеристики и значимые различия по отдельным показателям структуры терминальных ценностей у волонтеров молодого и «серебряного» возраста.

Для реализации сформулированной цели и проверки выдвинутой гипотезы нами был подобран комплекс исследовательских методов. На первом этапе исследования был применен «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенина [11] для определения ценностного профиля волонтеров разных молодых и «серебряных» волонтеров (n = 195 чел.). На втором этапе исследования был применен метод структурно-психологического анализа А.В. Карпова, в основе которого лежит вычисление и анализ матриц интеркорреляций, построение и анализ структурограмм значимо коррелирующих параметров [6]. Математическая обработка данных проводилась с применением U-критерия Манна – Уитни; метода ранговой корреляции r-Спирмена для парных сравнений двух независимых групп.

Структурно-психологический анализ позволил установить закономерности на уровне системной организации ценностных ориентаций волонтерской деятельности, образующих мотивационное ядро этой деятельности.

Результаты исследования и их анализ

На первом этапе исследования был проведен сравнительный анализ общей выраженности терминальных ценностей по методике ОТеЦ И.Г. Сенина (престиж, материальное положение, креативность, социальные кон-

такты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение индивидуальности) [11].

Было выявлено, что для первой и второй групп испытуемых характерны ценности духовного удовлетворения и активных социальных контактов. Проверка статистической значимости различий средних значений терминальных ценностей в двух исследуемых группах с применением U-критерия Манна – Уитни показала достоверные различия по ценности высокого материального положения ($U=3295$; $Z=3,70$; $p<0,001$), ценности развития себя ($U=3780,5$; $Z=2,46$; $p<0,05$) и ценности достижений ($U=3882,5$; $Z=2,20$; $p<0,05$). Для молодых волонтеров данные ценности являются статистически более значимыми, чем для «серебряных» волонтеров. Это свидетельствует о том, у молодых волонтеров прагматические установки преобладают над альтруистическими в процессе участия в волонтерской деятельности. Кроме того, показано, что активные социальные контакты одинаково важны для волонтеров двух исследуемых групп, но имеют разное смысловое наполнение: для молодежи коммуникации связаны с приобретением полезных знакомств для построения дальнейшей карьеры и создания семьи, а для серебряных – для сохранения ощущения молодости и ресоциализации.

На втором этапе исследования на основе матриц интеркорреляций и построения структурограмм для каждой группы волонтеров были получены результаты, которые позволили определить структуру терминальных ценностей и выявить структурообразующие ценности молодых и «серебряных» волонтеров (рис.1).

Наибольшее количество значимых корреляций в группе молодых волонтеров у ценности развития себя (РС). Эта ценность тесно коррелирует с ценностью собственного престижа (СП) ($r_s=-0,38$; $p<0,001$); высокого материального положения (ВМП) ($r_s=-0,48$; $p<0,001$); духовного удовлетворения (ДУ) ($r_s=0,32$; $p<0,001$) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ) ($r_s=-0,28$; $p<0,01$). Для молодых волонтеров саморазвитие связано с удовлетворением духовных потребностей и связано с обогащением внутреннего мира посредством просоциальной деятельности. Развитие себя отождествляется с духовным ростом, достижением внутренней гармонии и счастья, душевного равновесия и спокойствия. Помогая другим, молодые волонтеры стремятся развивать в себе духовную составляющую, удовлетворять потребность в гармоничном развитии своих нравственных качеств. Отрицательно РС коррелируют с СП, ВМП и ССИ. То есть, чем выше у молодых волонтеров уровень духовного саморазвития, тем ниже потребность в удовлетворении потребности в признании со стороны окружающих и материальных благ.

У ценности собственный престиж (СП) также большое

количество значимых корреляций. Тесная связь у СП с развитием себя (РС) ($r_s = -0,38$; $p < 0,001$); с достижениями (Д) ($r_s = -0,40$; $p < 0,001$); духовным удовлетворением ($r_s = -0,73$; $p < 0,001$). При этом данные корреляционные связи носят отрицательный характер. Чем выше у молодых волонтеров стремление к признанию и уважению со стороны окружающих, тем ниже потребность в достижениях, связанных с духовным саморазвитием, и наоборот. Чем больше реализованы потребности в саморазвитии и достижениях, связанных с удовлетворением духовных потребностей для молодых волонтеров, тем меньше зависимость от социального одобрения.

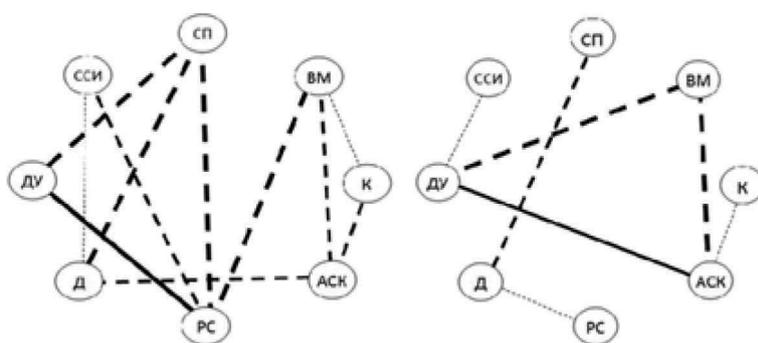
Наибольший структурный вес у «серебряных» волонтеров у ценности активных социальных контактов (АСК). Активные социальные контакты (АСК) тесно коррелируют с ценностями высокого материального положения (ВМП) ($r_s = -0,41$; $p < 0,001$) и духовного удовлетворения (ДУ) ($r_s = 0,28$; $p < 0,01$). Корреляция между АСК и ВМП носит отрицательный характер. Это свидетельствует о том, что чем выше стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми, тем ниже заинтересованность в высоком уровне материального благосостояния. В то же время ценность АСК положительно коррелирует с ДУ. То есть, чем более выражена и реализована потребность в общении с другими людьми, тем выше моральное удовлетворение. При этом, чем выше потребность в духовном удовлетворении (ДУ), тем ниже значимость материального благосостояния ($r_s = -0,65$; $p < 0,001$). Стоит отметить, что ценность духовного удовлетворения (ДУ) и ценность высокого материального положения (ВМП) имеют одинаковый структурный вес и значимо коррелируют друг с другом. Это, вероятно, говорит о том, что рассматривать в структуре ценностей их необходимо в совокупности. Материаль-

ные ценности можно рассматривать как фундамент для ценностей более высокого порядка (духовных).

Анализ структурограмм показал высокую мощность ценностных связей молодых волонтеров: им важно успеть попробовать себя в разных направлениях, они стремятся максимально проявить себя везде (реализация жизненного принципа – «все или ничего»). Структура ценностных ориентаций «серебряных» волонтеров обладает большей гибкостью и адаптивностью. Они избирательны, проявляют «бережливость» внутренних ресурсов.

Выводы и заключение

1. В ценностных ориентациях молодых и «серебряных» волонтеров присутствуют как инвариантные характеристики, так и значимые различия. У молодых волонтеров прагматические установки преобладают над альтруистическими в процессе участия в волонтерской деятельности. «Серебряные» волонтеры более склонны оказывать помощь бескорыстно. Степень морального удовлетворения у них возрастает при удовлетворении потребности в общении с другими людьми.
2. Структурные особенности терминальных ценностей у молодых и «серебряных» волонтеров различаются. Различия выражены по характеру связи терминальных ценностей в двух группах волонтеров. Структурный анализ ценностных ориентаций участников волонтерской деятельности показал, что ценности развития себя и активных социальных контактов являются одними из базовых в структуре терминальных ценностей волонтеров.
3. Структура ценностных ориентаций молодых волонтеров характеризуется мощными корреля-

(1) (2)

Рис 1. Коррелограмма (структурограмма) взаимосвязей терминальных ценностей молодых (1) и «серебряных» (2) волонтеров.

Условные обозначения: (СП – собственный престиж, ВМ – высокое материальное положение, К – креативность, АСК – активные социальные контакты, РС – развитие себя, Д – достижения, ДУ – духовное удовлетворение, ССИ – сохранение собственной индивидуальности). Жирной линией обозначены корреляции, значимые при $p \leq 0,001$; полужирной линией – при $p \leq 0,01$; тонкой линией – при $p \leq 0,05$. Сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи.

ционными связями. Структура ценностей «серебряных» волонтеров более адаптивна, способна сохранять устойчивое равновесие.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о необходимости учета в социальном управлении и

психологическом сопровождения не какой-либо отдельной или нескольких ценностей, а всей их совокупности. Именно в таком организованном виде терминальные ценности могут способствовать удовлетворению потребностей волонтеров, а также повышению результативности деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова, Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: монография / Е.С. Азарова. – Хабаровск: ОАО Беловский полиграфист, 2008. 287 с.
2. Асеев, В.Г. Структурные особенности ценностно-мотивационной системы личности / В.Г. Асеев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 4. С. 53-58.
3. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности / Е.И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 256-269.
4. Здравомыслов, А.Г. Потребности, интересы, ценности. – М.: Политиздат, 1986. 223 с.
5. Исследование ценностных ориентаций М. Рокича [Электронный ресурс] // Психологический журнал. URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientacij-m-rokicha.html> (дата обращения: 26.03.2023).
6. Карпов, А.В. Психологический анализ трудовой деятельности: учебное пособие / А.В. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. 86 с.
7. Кретова, У.П. Особенности ценностно-смысловой сферы лиц, включенных в волонтерскую деятельность / У.П. Кретова // Психология в вузе №1. 2015. С. 58-67.
8. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
9. Насиновская, Е.Е. Вопросы мотивации личности с позиции деятельностного подхода / Е.Е. Насиновская // Психология в вузе. 2003. № 1-2. С. 216-225.
10. Недошивина, М.А. Ситуационные факторы альтруистического поведения / М.А. Недошивина // Человеческий капитал. 2019. № 6(126). С. 87-96.
11. Сенин, И.Г. Опросник терминальных ценностей. НПЦ «Психодиагностика», «Седействие», Ярославль, 1991. 19 с.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
13. Яницкий, М.С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М.С. Яницкий, А.В. Серый // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 82-97.
14. Carlo, G., The interplay of traits and motives on volunteering: agreeableness, extraversion and prosocial value motivation / G. Carlo, M.A. Okun, G.P. Knight, M.R.T.de Guzman // Personality and Individual Differences. 2005. V. 3. 38 p.
15. Clary, E.G. Volunteers' motivations: A functional strategy for the recruitment, placement, and retention of volunteers / E.G. Clary, M. Snyder, R. Ridge // Nonprofit Management and Leadership. 1992. Vol. 2, no. 4. P. 333-350.
16. Naan, R.A., Measuring motivation to volunteer in human services / R.A. Naan, R.S. Goldberg-Glen // The Journal of Applied Behavioral Science. 1991. Vol. 27, no. 3. P. 269-284.

© Серова Евгения Александровна (Serova85@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Федоренко Алла Владимировна

канд. психол. наук, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал ОГУ)
allochka-zoloto@mail.ru

THE INFLUENCE OF STUDENTS' VALUE ORIENTATIONS ON THE FORMATION OF ETHNIC STEREOTYPES

A. Fedorenko

Summary: The article reveals the main characteristics and functions of ethnic heterostereotypes and autostereotypes, the concept of «communicative tolerance». The results of the survey of 114 respondents are presented. Based on the results obtained, the content of ethnic heterostereotypes relative to the American, Ukrainian, German, Kazakh ethnic groups was determined, as well as the distinctive characteristics of representatives of the Russian ethnic group about their national and ethnic characteristics. The features of the respondents' value orientations with predominant negative characteristics of the ethno-psychological characteristics of representatives of some nationalities are revealed.

Keywords: ethnic stereotype, value orientations.

Аннотация: В статье раскрываются основные характеристики и функции этнических гетеро- и автостереотипов, понятие «коммуникативная толерантность». Представлены результаты опроса 114 респондентов. На основе полученных результатов было определено содержание этнических гетеростереотипов относительно американского, украинского, немецкого, казахского этносов, а также отличительные характеристики представителей русского этноса о своих национально-этнических особенностях. Выявлены особенности ценностных ориентаций респондентов с преобладающими негативными характеристиками этно-психологических особенностей представителей некоторых национальностей.

Ключевые слова: этнический стереотип, ценностные ориентации.

Понятие «стереотип» имеет множество значений и является предметом исследования ряда научных дисциплин: психологии, социологии, этнографии, когнитологии, лингвистики, этнолингвистики, этнопсихологии лингвистики.

Впервые термин «стереотип» использовал в своей работе в 1922 году американский политолог и журналист У. Липпман. Рассматриваемое понятие он обозначал как схематичные, упорядоченные, детерминированные культурной «картинки мира» в голове человека, основная функция которых состоит в экономии его усилий при восприятии и интерпретации сложных социальных явлений и объектов [1].

Этнический стереотип является разновидностью социального стереотипа. Он содержит обобщенное представление о наиболее типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Основными свойствами этнических стереотипов являются: относительная устойчивость, субъективность, эмоционально-оценочный характер, отражение характера взаимоотношений между этническими группами. Этнокультурные стереотипы содержат представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. По замечанию зарубежных исследователей, «такие стереотипы проистекают из явлений, общих для всего человечества: базовой потребностью разделения «друзей и недругов» и уни-

версальностью различий в иерархии и соревнования за ресурсы» [4].

Этнические стереотипы служат своеобразным индикатором межнационального общения: появление отрицательных стереотипов свидетельствует о возможности начала межэтнического конфликта.

Стереотипы, сформированные в сознании одного народа в отношении другого, принято называть «гетеростереотипами» [4]. Гетеростереотипы служат источником этнических предубеждений и предрассудков, и в действительности зачастую не подтверждаются научными методами исследования этно-психологических особенностей представителей определенного этноса [4]. Так, согласно результатам исследований Б.М. Марковиной, представления о национальном характере представителей другого этноса в большинстве крайне субъективны.

Стереотипы, отражающие представления о психологических особенностях собственного этноса, принято называть автостереотипами [8]. Так, к примеру, русские считают себя доброжелательными, дружелюбными, гостеприимными и искренними людьми, а чувство патриотизма у них сочетается с негодованием по поводу политической и социально-экономической обстановки стране.

Таким образом, этнический стереотип – это своего

рода фрагмент этнической картины мира, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации. Этот ментальный образ, лежащий в основе понятия национального характера, имеющий также свою вербальную оболочку.

Формирование этнических стереотипов определяется совокупностью социально-психологических факторов. Так, в психологической литературе можно выделить различные подходы к пониманию генезиса рассматриваемого понятия. К примеру, в рамках психодинамического подхода акцент делается на личности, как на причине формирования стереотипа; на социальном генезисе стереотипа настаивают представители социологизаторского подхода; согласно когнитивному подходу, формирование стереотипов подчиняется закономерностям процесса познания, таким как избирательность восприятия, обобщение, тенденция к упрощению. В рамках диспозиционного подхода личности, этнический стереотип рассматривается как диспозиция, в которой включены все жизненные устремления личности, предопределяющие состояние готовности человека к соответствующим действиям.

Структуру ценностных ориентаций личности принято рассматривать в качестве одного из социально-психологических факторов формирования этнических стереотипов [5; 6; 7; 8; 10; 11], поэтому цель нашего эмпирического исследования состоит в изучении этнических стереотипов студентов и выявлении их взаимосвязи с ценностными ориентациями.

Объект и методика исследования

В качестве основы для исследования этнических стереотипов нами была взята методика, предложенная Кацом и Брейли в 30-е годы прошлого века. Методика предполагает осуществление выбора из предложенного списка характеристик, наиболее подходящих для конкретного этноса. В отличие от данной методики, в нашем исследовании респондентам было предложено самостоятельно указать две-три наиболее характерных черты для нескольких этносов.

С целью эмпирического исследования ценностей студентов мы использовали опросник терминальных ценностей «ОТеЦ». Методика представляет собой опросник, позволяющий оценить степень выраженности восьми терминальных ценностей: материальное положение, индивидуальность, престиж, творчество (креативность), саморазвитие, социальные контакты, достижения, духовное удовлетворение; а также исследовать степень представленности этих ценностей в различных сферах жизни: увлечения, профессиональная сфера, общественная, семейная, сфера образования.

Таким образом, в качестве эмпирических методов исследования были использованы: опросник, метод ан-

кетирования и метод неоконченных предложений. В исследовании принимали участие студенты психолого-педагогического факультета очной и заочной форм обучения. Выборку по большей части составили женщины (всего 90% женщин, 10% мужчин), средний возраст респондентов 20 лет. Всего в опросе приняло участие 114 человек.

Этнический состав респондентов отличался разнообразием. Так, большинство опрошенных являются представителями русской этнической группы (66%), значительную часть опрошенных составили метисы (14%), татары (6,3%) и казахи (5%). Большая часть опрошенных имела личный опыт общения с представителями различных этносов, то есть преобладающая часть последующих этно-психологических характеристик, данных респондентами, основывалась на личном опыте.

Респондентам было предложено охарактеризовать при помощи нескольких прилагательных типичного представителя русского, казахского и немецкого этноса.

На основе результатов проведенного опроса можно заключить, что: в содержании автостереотипов в большинстве случаев преобладают только положительные характеристики; этнические гетеростереотипы субъективны, сверхообщены.

Исследование терминальных ценностей показало, что наибольшую значимость для студентов имеют такие ценности как материальное положение и достижения. Наименее значимыми для большинства юношей и девушек оказались такие ценности, как собственный престиж и духовное удовлетворение.

Основными сферами жизни, в которых студенты уже реализуют или планируют реализовывать свои терминальные ценности являются общественная жизнь, сфера обучения и образования, а также хобби и увлечения. Эти результаты свидетельствуют о том, что у студентов преобладает внешняя референция и процесс обучения по психолого-педагогическому направлению они рассматривают скорее, как средство повышения собственного престижа среди знакомых.

Согласно результатам исследования, для студентов значимыми являются проблемы жизни общества, кроме того, они стремятся иметь такой уровень образования, который обеспечил бы им в дальнейшем высокий уровень материального положения. Сферу хобби и увлечений студенты также рассматривают как способ достичь желаемого уровня материального благосостояния и высокие личные достижения.

Для реализации цели исследования, мы сформировали две группы студентов, в первую группу были включены респонденты, в 40 % ответах которых встречались отрицательные характеристики представителей других

этносов и на вопрос о том, что «некоторым нациям присущи, в целом, более привлекательные черты характера, чем другим» ими был дан положительный ответ (их численность составила 63 человека, т.е. 55% опрошенных). Вторую группу составили студенты, в ответах которых преобладали нейтральные и положительные характеристики представителей других этносов и на вопрос о том, что «некоторым нациям присущи, в целом, более привлекательные черты характера, чем другим» они дали отрицательный ответ (их численность составила 27 человек, что составила 24% от общей выборки).

Сравнение выделенных групп испытуемых осуществлялось при помощи по U критерия Манна Уитни. На основе проделанных расчётов можно сделать выводы о наличии статистически значимых различий между двумя группами по таким ценностям, как: собственный престиж, саморазвитие, духовное удовлетворение, и сохранение индивидуальности, а также в значениях по сфере обучение и образование.

Таким образом можно заключить, что респондентов, давших негативные этно-психологические характеристики представителям некоторых национальностей, присущи такие особенности, как: а) преобладание ориентации на собственный престиж, стремление к уважению и одобрению со стороны окружающих; б) стрем-

ление сохранить индивидуальность, неповторимость и своеобразие своих взглядов и убеждений, желание проявлять свои отличительные особенности, в том числе через противопоставление себя другим.

Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Вторую группу респондентов с нейтральными и положительными этническими стереотипами отличает более высокая значимость ценности саморазвития и духовного удовлетворения, то есть ориентированность на самопознание и раскрытие своего потенциала, а также стремление заниматься тем, что приносит внутреннее удовлетворение. Кроме того, данную группу отличает ориентированность на сферу обучения и образования, проявляющееся в стремлении расширять свой кругозор и получать новые знания.

Полученные результаты подтверждают выводы других авторов о том, что образование и ценностные ориентации человека следует рассматривать, наряду с другими, в качестве детерминирующих социально-психологических факторов формирования этнических стереотипов [5; 6; 8; 10; 11]. Таким образом, целенаправленная работа по формированию ценностных ориентаций в процессе профессиональной подготовки студентов будет способствовать повышению этнической толерантности.

Таблица 1.

Значения U эмп., по результатам сравнения групп по значениям терминальных ценностей и сфер жизни

№п.п.	Терминальная ценность, сфера жизни	Значение U эмп.	Нахождение значения Uкр. на оси значимости
1	Собственный престиж	486	Зона значимости
2	Материальное положение	549,5	Зона неопределенности
3	Креативность	698	Зона незначимости
4	Активное социальное положение	563	Зона неопределенности
5	Саморазвитие	478	Зона значимости
6	Достижения	735	Зона незначимости
7	Духовное удовлетворение	519	Зона значимости
8	Сохранение индивидуальности	485,5	Зона значимости
9	Профессиональная жизнь	675	Зона незначимости
10	Обучение и образование	470	Зона значимости
11	Семейная жизнь	600	Зона незначимости
12	Общественная жизнь	559	Зона неопределенности
13	Увлечения	697	Зона незначимости

ЛИТЕРАТУРА

1. Алистанова З.Ф. Исследование этнических стереотипов: подходы и методы / З.Ф. Алистанова // Теория и практика общественного развития. 2018. Вып. 4. С. 1-4
2. Бакушкин И.А. Содержательные компоненты ценностных ориентаций студентов /И.А. Бакушкин, И.М. Ильичева // Вестник ГУУ. 2021. №3.

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnye-komponenty-tsennostnyh-orientatsiy-studentov> (дата обращения: 17.12.2022).
3. Галушко В.Г. Проблема интерпретации стереотипов и предрассудков в этнокультурных отношениях / В.Г. Галушко // Инновационная наука. 2019. Вып 11. С. 93-95
 4. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России. / Д.С. Григорьев // Журнал социологии и социальной антропологии, 23(2): 215–244. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
 5. Долгова В.И. Исследование межэтнических отношений студентов в условиях поликультурной среды / В.И. Долгова, Е.Г. Капитанец, Д.Д. Плеханова // Концепт. – 2021. - №12. – С. 87-103
 6. Журавлева Н.А. Социально-психологические факторы толерантного отношения к взглядам и мнениям других людей / Н.А. Журавлева // Психологический журнал. – 2019. – С. 159-161
 7. Зайцева А.А. Национальные стереотипы как причины возникновения межличностного конфликта в организации / А.А. Зайцева // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: материалы Международной студенческой научно-проактической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Х.И. Лейбовича, Тверь, 23-24 апреля 2020 года. – Тверь: тверской государственный университет, 2020. – С.241-245.
 8. Иванова, Н.Л. Идентичность и толерантность: соотношение этнических и профессиональных стереотипов / Иванова Н.Л. // Вопросы психологии, 2017. - №6. - С.54-63
 9. Косикова Л.В. Особенности мотивации и ценностных ориентаций студентов / Л.В. Косикова // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №68-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-i-tsennostnyh-orientatsiy-studentov> (дата обращения: 17.12.2022).
 10. Садовникова Н.О. Психологические особенности этнической толерантности молодежи / Н.О. Садовникова, Е.А. Веденяпина // Международный студенческий научный вестник. – 2018. - №5. – С. 210
 11. Патутина К.А. Формирование этнического стереотипа / К.А. Патутина // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2019. №1. – С.63-67

© Федоренко Алла Владимировна (alochka-zoloto@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

THE PROBLEM OF FORMATION OF EMOTIONAL STABILITY OF SENIOR SCHOOLCHILDREN

V. Shayakhmetova
E. Melnik

Summary: The article presents a theoretical justification, organization of research and analysis of the possibilities of forming the emotional stability of senior schoolchildren. This seems to be very relevant, since it is the future graduates who are facing the Unified State Exam, admission to universities, which is a very serious test not only of their knowledge and competencies, but also of the emotional and volitional sphere.

The aim of the study is the theoretical substantiation and empirical verification of the effectiveness of the program for the formation of components of emotional stability in high school students. The experiment involved 11th grade students with a total number of $n=40$. The analysis of the experimental results showed statistically significant differences (with a high level of significance from $p \leq 0.05$ to $p \leq 0.001$) between the indicators of two measurements made before and after the implementation of the program.

Keywords: emotional stability, psychological stability, high school age, emotional regulation, stress resistance, mental regulation.

Шаяхметова Валерия Каусаровна

кандидат психологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
shayahmetovavk@cspu.ru

Мельник Елена Викторовна

кандидат психологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
melnikev@cspu.ru

Аннотация: В статье представлено теоретическое обоснование, организация исследования и анализ возможностей формирования эмоциональной устойчивости старших школьников. Это представляется весьма актуальным, так как именно будущим выпускникам предстоит ЕГЭ, поступление в вузы, что является весьма серьезным испытанием не только их знаний и компетенций, но и эмоционально-волевой сферы.

Целью исследования является теоретическое обоснование и эмпирическая проверка результативности программы формирования компонентов эмоциональной устойчивости у старших школьников. В эксперименте принимали участие учащиеся 11-х классов, совокупной численностью $n=40$.

Анализ результатов эксперимента показал статистически значимые различия (при высоком уровне значимости от $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,001$) между показателями двух замеров, сделанных до и после реализации программы.

Ключевые слова: эмоциональная устойчивость, психологическая устойчивость, старший школьный возраст, эмоциональная регуляция, стрессоустойчивость, психическая регуляция.

На сегодняшний день будущее российского общества в значительной мере зависит от потенциала молодого поколения, уровня его подготовки к жизни, ценностных ориентаций, духовных потребностей, адекватной социальной идентификации в социуме. Современные школьники поставлены в экстремальные условия: изменения в социально-экономических отношениях сопровождаются кризисом в нравственной и духовной сферах.

Для того, чтобы узнать завтрашнюю картину общественного сознания, необходимо изучать эмоциональные состояния старшеклассников, ведь именно они в скорейшем времени будут составлять основу нашего общества.

В то же время на практике задача комплексного изучения и формирования предпосылок зрелой эмоциональной устойчивости в старшем школьном возрасте зачастую не ставится, что объясняется физиологическими причинами подросткового возраста, «преждевремен-

ностью» этих задач. Старшие подростки, тем не менее, часто обращаются к школьным психологам именно с запросами о регуляции эмоциональных реакций, желанием обрести эмоциональную устойчивость в условиях подготовки к ЕГЭ, устойчивость и уверенность в межличностном общении. В этой связи, уже в период обучения в школе, необходимо осуществлять специально-организованную психолого-педагогическую деятельность в оказании помощи старшеклассникам в формировании эмоциональной устойчивости, а, следовательно, снижении уровня стресса в подготовке к ЕГЭ и т.д. Выявленные проблема и противоречие послужили основой для выбора темы исследования.

Эмоциональная и психологическая устойчивость личности изучалась в различных аспектах: эмоциональной устойчивости и ее компонентов (Л.М. Аболин) [1], стрессоустойчивости личности (В.А. Бодров, К. Изард, П.Б. Зильберман), психологической регуляции (А.В. Конопкин, В.Д. Шадриков), преодоления психологических барьеров (Н.А. Подымов), психофизиологических основ

эмоциональной устойчивости (Д.Н. Узнадзе), как отражение уровня притязаний и состояния самооценки (Ф. Хоппе), и др. [2]. Анализ психологической литературы различных направлений показал, что различные авторы к важным составляющим психологической устойчивости личности, помимо содержащих модель будущего действия семантических установок, стабилизирующих психику (Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов), способности своевременно решать конфликты, рефлексии, стремления к личностному росту, адекватной мотивации (Л.В. Куликов), когнитивного самоконтроля, волевой регуляции, относят устойчивость (стабильность) эмоциональную, которая обеспечивает возможность противодействовать нежелательному влиянию среды [3].

В самом общем виде под эмоциональной устойчивостью понимают интегративное свойство, характеризующееся взаимодействием эмоциональных, интеллектуальных, мотивационных, волевых и поведенческих компонентов деятельности человека, которое является успешным для достижения цели деятельности и наиболее эффективным социально-ролевого поведения в сложной эмотивной обстановке.

Говоря об эмоциональной устойчивости старших подростков, необходимо признать дискуссионность и неоднозначность в подходах к пониманию необходимости ее формирования в этом возрасте. Ведь подростковый возраст характеризуется как раз с противоположной эмоциональной устойчивости стороны – перестройка организма из детского во взрослый сопровождается неустойчивостью, неуравновешенностью эмоциональных состояний, трудностями с их регулированием. Вместе с тем в старшем школьном возрасте пубертатные процессы утихают, и психика переходит в новое, более стабильное состояние, параллельно с этим растут требования к будущим выпускникам, приближаются выпускные экзамены, предстоят непростые решения с выбором профессии и поступление на дальнейшую учебу. В этой связи формирование эмоциональной устойчивости в этом возрастном периоде видится весьма актуальным и закладывает основы для дальнейшего укрепления психологической устойчивости в целом.

Опираясь на изучение различных концепций, теорий и подходов к проблеме, мы разработали программу формирования эмоциональной устойчивости у старших школьников, состоящую из четырех составляющих: когнитивной, эмоционально-регуляционной, рефлексивной и коммуникативной. Задачи программы: дать школьнику знания о самом себе и научить его получать эти знания, способствовать личностному росту, нравственному самосовершенствованию, совершенствовать умения контроля своих эмоций, развить рефлексивную как

процесс познания старшеклассником самого себя, совершенствовать коммуникативные умения, способствовать формированию активного самопознания и навыков волевой саморегуляции.

Цель исследования: теоретически изучить и эмпирически проверить результативность программы формирования эмоциональной устойчивости у старших школьников.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Раскрыть феномен и структуру эмоциональной устойчивости в отечественных и зарубежных исследованиях.
2. Выявить предпосылки формирования эмоциональной устойчивости у старших школьников.
3. Проанализировать результативность опытно-экспериментальной работы по развитию формирования эмоциональной устойчивости у старших школьников с применением специально разработанной программы.

Методы и методики исследования

В исследовании был использован комплекс методов и методик:

- теоретические методы: анализ феномена эмоциональной устойчивости у старших школьников в психолого-педагогической литературе, обобщение, сравнение;
- эмпирические методы: констатирующий и формирующий эксперимент, тестирование по методикам «Уровень субъективного контроля» (УСК), Опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей (Ч.Д. Спилбергер, адаптация А.Д. Андреева), Пятифакторный опросник личности («Большая пятерка»);
- математические методы: методы описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни. Для обработки данных был использован пакет программы IBM SPSS Statistics 23. В исследовании принимали участие учащиеся 11-х классов МАОУ «Гимназия № 26 г. Челябинска» и МАОУ «Лицей №67 г. Челябинска» в количестве 40 человек.

Анализ результатов опытно-экспериментального исследования осуществлялся путем сопоставления эмпирических данных до и после реализации программы формирования с применением U-критерия Манна-Уитни. По итогам психодиагностического исследования на первом и втором этапах были проведены индивидуальные и групповые консультации с целью информирования испытуемых и разработаны, и предложены психолого-педагогические рекомендации.

Таблица 1.

Результаты исследования по методике «Уровень субъективного контроля» (УСК) в ЭГ до и после реализации программы

Уровень субъективного контроля	До реализации программы	После реализации программы
Низкий	22,5% (9 чел.)	7,5% (3 чел.)
Средний	65% (26 чел.)	52,5% (21 чел.)
Высокий	12,5 % (5 чел.)	40% (16 чел.)

Таблица 2.

Результаты исследования по методике «Опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей» (Ч.Д. Спилбергер, адаптация А.Д. Андреева) в ЭГ до и после реализации программы

Уровни тревожности	Ситуативная тревожность		Личностная тревожность	
	До реализации программы	После реализации программы	До реализации программы	После реализации программы
Низкий	30% (12 чел.)	35% (14 чел.)	15% (6 чел.)	12,5% (5 чел.)
Средний	50% (20 чел.)	52,5% (21 чел.)	57,5% (23 чел.)	75% (30 чел.)
Высокий	20% (8 чел.)	12,5% (5 чел.)	37,5% (11 чел.)	12,5% (5 чел.)

Таблица 3.

Результаты исследования по методике Пятифакторный опросник личности («Большая пятерка») в ЭГ до и после реализации программы

Факторы	До реализации программы			После реализации программы		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
1	35% (14 чел.)	35% (14 чел.)	30% (12 чел.)	35% (14 чел.)	35% (14 чел.)	30% (12 чел.)
2	20% (8 чел.)	20% (8 чел.)	60% (24 чел.)	12,5% (5 чел.)	30% (12 чел.)	57,5% (23 чел.)
3	27,5% (11 чел.)	32,5% (13 чел.)	40% (16 чел.)	15% (6 чел.)	57,5% (23 чел.)	40% (11 чел.)
4	30% (12 чел.)	25% (10 чел.)	45% (18 чел.)	15% (6 чел.)	35% (14 чел.)	50% (20 чел.)
5	35% (14 чел.)	25% (10 чел.)	40% (16 чел.)	45% (18 чел.)	35% (14 чел.)	40% (16 чел.)

Примечание: фактор 1 – экстраверсия-интроверсия, фактор 2 – привязанность-обособленность, фактор 3 – самоконтроль-импульсивность, фактор 4 – эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость, фактор 5 – экспрессивность-практичность

Полученные результаты диагностического исследования, представлены в таблицах 1-3.

Как видно из таблицы 1, положительные изменения произошли на всех уровнях субъективного контроля – количество показателей с низким уровнем уменьшилось на 15% (6 чел.), количество испытуемых с высоким уровнем, напротив, увеличилось на 37,5% (9 чел.), в то время, как на среднем уровне показатель снизился на 12,5% (5 чел.). На наш взгляд, программа формирования в отношении исследуемого признака оказалась результативной.

Анализируя результаты по показателям тревожности, отметим, что небольшая положительная динамика наблюдается в отношении высокого и низкого уровней ситуативной тревожности (на 7,5% (3 чел.) и 5% (2 чел.) соответственно). Более существенные изменения произошли в показателях личностной тревожности – возросло количество испытуемых с адекватным средним

уровнем (на 17,5% (7 чел.)). Мы видим, что программа оказалась наиболее результативной в отношении показателей личностной тревожности.

По представленным показателям также произошли некоторые изменения, наиболее существенные из которых наблюдаются по факторам 3 и 4. Можно сказать, что на формирование самоконтроля и эмоциональной устойчивости программа оказала наибольшее влияние. Параметры фактора 1 практически не изменились, понятно, что экстраверсия и интроверсия являются наиболее устойчивыми чертами личности и не могут существенно меняться.

Исследование результатов формирующего эксперимента в ЭГ показало, наличие статистически значимых различий (при высоком уровне значимости от $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,001$) между показателями, полученными до и после реализации программы. Согласно среднегрупповому

значению исследуемых показателей лидерства, у испытуемых ЭГ была выявлена положительная динамика. Статистически достоверного уровня различия формируемые характеристики достигли в 5 случаях из 8, что составляет 62,5%.

В ходе теоретического и экспериментального иссле-

дования удалось подтвердить наше предположение, что формирование эмоциональной устойчивости у старших школьников является актуальной и вполне решаемой проблемой. Программа, разработанная нами для ее решения, оказалась результативной в отношении основных показателей, взятых в исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин, Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека: монография / Л.М. Аболин; науч. ред. В.В. Давыдов. - Казань: Казанский университет [КазГУ], 1987. - 262 с.
2. Психологическая устойчивость в чрезвычайных ситуациях: учебное пособие / С.В. Мещерякова [и др.]. – Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2021. – 96 с. – ISBN 978-5-8265-2398-8. – Текст: электронный // IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/123039.html> (дата обращения: 27.02.2023). – Режим доступа: для авторизир. пользователей
3. Психоэмоциональная устойчивость субъектов педагогического взаимодействия как условие развития безопасной образовательной среды: учебно-методическое пособие / С.Г. Корлякова [и др.]. – Ставрополь: Издательство «Тимченко О.Г.», 2020. – 146 с. – ISBN 978-5-6044707-8-7. – Текст: электронный // IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/117444.html> (дата обращения: 27.02.2023). — Режим доступа: для авторизир. пользователей.

© Шаяхметова Валерия Каусаровна (shayahmetovavk@cspu.ru), Мельник Елена Викторовна (melnikey@cspu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

СВЯЗЬ СТИЛЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Щербакова Наталья Евгеньевна

канд. пед. наук, доцент, доцент, Пензенский
государственный университет
stenyakova-n@mail.ru

Ильина Дарья Валерьевна

магистрант, Пензенский государственный университет
tana1969@bk.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STYLE OF PARENTAL RELATIONS AND THE EMOTIONAL AND VOLITIONAL DEVELOPMENT OF A YOUNGER STUDENT

**N. Shcherbakova
D. Ilina**

Summary: The article is devoted to the actual problem of the relationship between the style of parental relations and the emotional and volitional development of a younger student. After all, the child-parent relationship is an environment that determines the mental development of children, determines the formation of their personality. The interaction of a child and parents is the first experience of a child's interaction with the world around him. This experience is subject to consolidation and forms some patterns of behavior with other people, transmitted between generations. The style of parental attitude, which is determined by parental attitudes, value orientations, emotional attitude, the peculiarity of the parent's perception of the child, ways of behaving directly with him, is an important factor in the development of the child's personality. In the absence of cooperation between the parent and the child, there is a psychological distance that can affect a decrease in self-esteem, the appearance of aggressiveness, lack of purposefulness in the child.

The article presents the results of a study of the relationship between the style of parental relationships and the emotional and volitional development of a younger student.

Keywords: development, personality, emotions, will, style, parental attitude, primary school age.

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме связи стиля родительских отношений и эмоционально-волевого развития младшего школьника. Ведь детско-родительские отношения – среда, которая детерминирует психическое развитие детей, определяет образование личности их. Взаимодействие ребенка и родителей – это первый опыт взаимодействия ребенка с окружающим его миром. Данный опыт подлежит закреплению и формирует некоторые модели поведения с иными людьми, передаваемые между поколениями. Стиль родительского отношения, который определяется родительскими установками, ценностными ориентациями, эмоциональным отношением, особенностью восприятия родителем ребенка, способов поведения непосредственно с ним, является важным фактором развития личности ребенка. При отсутствии сотрудничества между родителем и ребенком возникает психологическая дистанция, способная повлиять на снижение самооценки, появления агрессивности, отсутствия целеустремленности у ребенка. В статье представлены результаты проведенного исследования связи стиля родительских отношений и эмоционально-волевого развития младшего школьника.

Ключевые слова: развитие, личность, эмоции, воля, стиль, родительское отношение, младший школьный возраст.

Детство – период усиленного физического и психического формирования ребенка. В процессе деятельности, познания окружающего мира и самого себя, в процессе общения со взрослыми и сверстниками ребенок испытывает разнообразные эмоции и чувства. Под эмоциями понимаются процессы, отражающие субъективную оценку различных ситуаций в жизни ребенка в форме переживания (радость, удивление, страх, гнев и др.). С чувствами тесно связана воля. Это свойство проявляется в умении осознанно управлять своим поведением и психическими проявлениями. Практически оно выражается в способности совершать определенные действия, несмотря на внутреннее сопротивление, или сдерживать эмоциональные порывы.

Эмоции обладают важным значением в жизни детей.

Они оказывают помощь в восприятии действительности, реагировании на нее. Требуется отметить, что они занимают господствующее положение над разными сторонами жизни детей, придают им окраску, выразительность. По этой причине их эмоции можно понять по лицу, позе, жестам, поведению. Поведение ребенка, а также становление эмоциональной сферы выступают в качестве необходимого показателя, указывающего на его психическое состояние, благополучие, вероятные перспективы развития.

Проблема развития эмоциональной и волевой сферы младших школьников является актуальной, так как при отсутствии целенаправленного формирования эмоционально-волевой сферы личности (при стихийном развитии) учащиеся начальных классов теряют способность к

самостоятельному регулированию учебной деятельности. У детей, которые имеют неразвитую эмоционально-волевую сферу, проявляется слабая и неустойчивая целенаправленность деятельности, повышенный уровень отвлекаемости, а также импульсивности. По этой причине многие учителя-практики указывают на усиление отклонений у современного ребенка аффективного развития.

Сегодня наблюдается увеличение количества детей, которые склонны к агрессии, избегают общения со сверстниками, являются замкнутыми и прочее, что оказывает негативное влияние на работу учителя начальных классов. Важное значение в появлении указанных трудностей принадлежит обедненной эмоциональной жизни ребенка, что влияет на развитие эмоционально-общего неблагополучия у детей [3]. По этой причине в процессе развития у младших школьников эмоционально-волевой сферы важное значение принадлежит современному проведению коррекционной работы, где основными направлениями являются: уменьшение у детей эмоционального дискомфорта; увеличение независимости, активности; ликвидация реакций личностного характера из-за эмоциональных расстройств: повышенная тревожность, возбудимость, агрессивность; формирование саморегуляции, эмоциональной стабильности, изменение самооценки, увеличение самосознания [1].

Отношения родителей и детей – среда, которая детерминирует психическое развитие самого ребенка, определяет формирование личности. Зачастую влияние родителей непосредственно на ребенка имеет связь с воспитательными влияниями на него, тогда как представления о ребенке – ориентировочная (внутренняя) основа воспитания. Стиль родительского отношения выступает в качестве важного фактора для того, чтобы развивать личность ребенка. Семья может являться положительным, отрицательным фактором воспитания.

Авторы, изучающие указанную проблему (Р.В. Бортов, И.А. Логинова, Ю.Б. Гиппенрейтер, Л.Г. Матвеева, О.Е. Смирнова, О.В. Переломова, М.В. Быкова и др.) [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], отводят важное значение раннему опыту выполнения воспитания ребенка в определенной культурной среде, а также семейным традициям, эмоциональному фону взаимодействия родителей и детей.

Следует отметить, что родительские позиции или установки выступают в качестве изученного аспекта отношений родителей и детей.

Экспериментальное систематическое исследование в указанной области осуществлялось А.Я. Варга и В.В. Столиным [2; 12]. Они считали, что родительские установки – это совокупность или система эмоционального, родительского отношения непосредственно к самому

ребенку, восприятия ребенка его родителями, способов взаимодействия с ним.

Родительский стиль – установки, поведение, не имеющие связи с указанным ребенком, характеризующие отношение ко всем детям. Важные черты родительского отношения – эмоциональные, деятельностные, когнитивные его аспекты.

Проведенный анализ литературных источников, касающихся различных аспектов детско-родительских отношений в младшем школьном возрасте позволил наметить подходы к осуществлению экспериментальной части нашего исследования.

База эмпирического исследования МАОУ «СШ №47» г. Хабаровска. В исследовании принимали участие учащиеся 2 класса начальной школы, в составе 20 детей, а также родители учащихся – 40 человек.

Для исследования типов детско-родительского отношения были выбраны следующие методики:

1. Методика «PARI» Е.С. Шефер и Р.К. Белл.
2. Тест-опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варга, В.В. Столина.
3. Методика Р. Жила (фильм - тест межличностные отношения ребенка).

Для исследования эмоционально-волевой сферы младших школьников были выбраны следующие методики:

1. Методика «Несуществующее животное» М. З. Дукаревич.
2. Методика «Весёлый-грустный» М.Н. Ильин.
3. Методика «Выбери нужное лицо» (Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен).
4. Методика «САН», разработанная В.А. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай, М.П. Мирошниковым.

Результаты исследования типов детско-родительского отношения показали, что:

1) Шкала «Партнерские отношения» имеет показатель 42%. Данное значение свидетельствует об отсутствии отношения к ребенку, как к другу. По мнению родителей, ребенок не должен быть равноправен. Шкала «Раздражительность, вспыльчивость» выше среднего (62%). Следовательно, родители представляют собой воспитание ребенка, как трудоемкий и тяжелый процесс, раздражающий их. Шкала «Суровость, излишняя строгость» имеет показатель 69%. По мнению родителей, для успешного воспитательного процесса требуется создавать суровые условия для желаемого результата, но чаще всего это оборачивается очень печальными последствиями. Шкала «Уклонение от контакта с ребенком» имеет показатели выше среднего (61%). По представлениям ро-

дителей, они не должны вмешиваться в жизнь своего ребенка, а свои решения он должен принимать самостоятельно. Шкала «Чрезмерная забота, установление отношений зависимости» - 30%. Следовательно, по мнению родителей, ребенок должен уметь сталкиваться с трудностями и посредством самостоятельных решений преодолевать их. Шкала «Преодоление сопротивления, подавление воли» имеет высокие показатели (68%). Следовательно, большинство родителей считают, что для успешного воспитательного процесса требуется подавлять отрицательные наклонности детей, заставляя их уважать и бояться взрослых. Шкала «Создание безопасности, опасение обидеть» приближено больше к показателям ниже среднего (43%). Родители считают, что для дальнейшей жизни более эффективным способом будет являться преодоление проблем самим ребенком без поддержки, а также у них отсутствует опасение обидеть своего ребенка. Шкала «Исключение внесемейных влияний» выше среднего (58%). Следовательно, по мнению родителей ребенок должен зависеть от матери, и отстраняться от влияния вокруг него. Шкала «Подавление агрессивности» имеет также высокие показатели (63%). Следовательно, большинство родителей считают, что преодоление агрессивности ребенка является наиболее эффективным способом воспитательного процесса. По мнению матерей, исключая агрессивность, ребенок будет ласковым и нежным. Шкала «Чрезмерное вмешательство в мир ребенка» имеет показатели выше среднего (64%). Следовательно, по мнению большинства родителей, ребенок должен быть полностью открыт к своим родителям, для полного контроля его действий. Шкала «Стремление ускорить развитие ребенка» имеет низкие показатели (41%). Следовательно, родители не уделяют особого внимания для ускорения его развития, предпочитая оставить все, как есть.

По результатам отношения к ребенку, можно сделать вывод, что большинство родителей предпочитают эмоционально-дистанцированный подход к ребенку. Преобладающим стилем родительского отношения у них является авторитарный (контроль, подавление воли, агрессивности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка). Они требуют значительного уважения к себе посредством страха и боязни со стороны ребенка.

2) По шкале «Принятие-отвержение» средний показатель равен 33%. Такие родители чувствуют по отношению к ребенку в основном отрицательные чувства: раздражение, злость, досаду, ненависть. Такой взрослый принимает ребенка за неудачника, не верит в его будущее, низко оценивает его возможности и часто третировает ребенка. Шкала «Кооперация» показывает признак того, как взрослый проявляет искренний интерес к тому, что интересует ребенка, высоко оценивает способности ребенка, поощряет самостоятельность и инициативу, старается быть на равных с ребенком. У респондентов

показатель равен 46%. По шкале «симбиоз» у испытуемых показатель равен 39%. Это признак того, что взрослый, напротив, устанавливает значительную психологическую дистанцию между собой и ребенком, мало о нем заботится. По шкале «Контроль» у испытуемых показатель является очень высоким 90%. Такие люди пользуются авторитарным стилем поведения, когда излишний контроль является нормальным явлением. По шкале «Инфантилизация» у испытуемых результаты очень высокие (90%). Признак того, что взрослый считает ребенка маленьким неудачником и относится к нему как к немысленному существу.

3) По методике «РНЖ» мы обнаружили, что у детей наблюдается высокий уровень тревожности, боязнь агрессии, боязнь нападения, а также неуверенности в себе. Боязнь нападения приводит к стремлению оградить выдуманное животное. В качестве защиты изображен панцирь.

Результаты исследования эмоционально-волевой сферы младших школьников:

1. У детей наблюдается высокий уровень тревожности, боязнь агрессии, боязнь нападения, а также неуверенности в себе. Боязнь нападения приводит к стремлению защитить придуманное животное. В качестве защиты изображен панцирь. Считаю, что с детьми нужно проводить коррекционно-развивающие занятия по профилактике тревожности и повышением самооценки.
2. По результатам методики «Веселый-грустный» мы зафиксировали, что наибольшие проблемы в эмоциональной сфере детей находятся именно отношения с учителем. Можно предположить, что дети испытывают страх при отсутствии настроения у учителя.
3. Проводя качественный анализ данных, можно сделать вывод, что с помощью него можно выявить особенности эмоционального опыта в различных ситуациях, которые разделяются на ситуации с положительной, отрицательной эмоциональной окраски и ситуации с двойным смыслом.
4. По всем трем показателям («Самочувствие», «Активность», «Настроение») у детей был выявлен «низкий» уровень. Определенно с младшими школьниками требуется коррекционно-развивающая работа.

Для выявления связи родительского отношения и эмоционально-волевого развития ребенка был проведен корреляционный анализ полученных диагностических данных, на основе которого можно сделать следующие выводы.

Чем больше у родителей присутствует отвержение ребенка, отсутствие стремления к сотрудничеству,

психологическая дистанцированность, авторитарная гиперсоциализация, тем больше у ребенка будет возникать агрессивность, отгороженность от других, и главное, негативное отношение к своим родителям. Также стоит отметить, что при отрицательных детско-родительских отношениях, ребенок будет стремиться к уединению, пропадет интерес к стремлению, а его социальная адекватность поведения станет на низком уровне.

Дети, выбирая картинку ориентируется на собственные чувства и эмоциональные состояния. Следовательно, по методике «Выбери нужное лицо» можно определить состояние ребенка на данный промежуток времени. Большинство детей отмечают рисунки «еда в одиночестве» и «укладывание спать в одиночестве», значит, что в детско-родительских отношениях родители относят к ребенку отверженно, не интересуясь его желаниями.

В таблице 1 представлены результаты корреляционного анализа методики «РНЖ» и опросника «ОРО».

Симптомокомплекс «Рот с зубами» имеет отрицательную корреляцию со шкалой родительского отношения «принятие-отвержение» ($r=-0,117$). Следовательно, при отверженном отношении родителя, у ребенка отражается данный симптомокомплекс, означающий вербальную агрессию. Отрицательная корреляция со шкалой «кооперация» ($r=-0,459$) указывает на то, что при отсутствии сотрудничества родителя, у ребенка возникают признаки вербальной агрессии. Обнаружена отрицательная корреляционная связь между симптомокомплексом «рот с зубами» и шкалой родительского отношения «контроль» ($r=-0,140$). Следовательно, при авторитарном контроле, у ребенка возникает вербальная агрессия. Положительная корреляционная связь между симптомокомплексом «рот с зубами» и шкалой родительского отношения «инфантилизация» ($r=0,046$) свидетельствует о том, что при негативном отношении к неудачам ребенка у ребенка возникает вер-

бальная агрессия.

Симптомокомплекс «Рога, когти, иглы, щетины, шипы» имеет отрицательную корреляционную связь со шкалой родительского отношения «контроль» ($r=-0,134$). Следовательно, при авторитарной гиперсоциализации у ребенка возникают признаки защиты. Отрицательная корреляция между симптомокомплексом и шкалой родительского отношения «инфантилизация» ($r=-0,058$) доказывает то, что при отрицательном отношении к неудачам ребенка у него возникает защитная реакция перед родителями.

Симптомокомплекс «Контур фигуры выполнен в острых углах» отрицательно коррелирует со шкалой родительского отношения «кооперация» ($r=-0,315$). При отсутствии сотрудничества родителя, у ребенка возникает защита, непризнание. Отрицательная корреляционная связь между симптомокомплексом и шкалой «контроль» ($r=-0,252$) свидетельствует о том, что при излишнем контроле у ребенка возникает боязнь осуждения.

Симптомокомплекс «Интенсивная штриховка, слабость нажима, линии неровные, множественные» имеет отрицательную корреляционную связь со шкалой родительского отношения «принятие-отвержение» ($r=0,287$). То есть при отвержении родителя у ребенка обнаруживается повышенный уровень тревожности. Отрицательная корреляция между данным симптомокомплексом и шкалой «кооперации» ($r=-0,416$) свидетельствует о том, что, если родитель не старается сотрудничать с ребенком, у него повышается уровень тревожности. Отрицательная корреляционная связь между симптомокомплексом и шкалой «Контроль» ($r=-0,256$) указывает на то, что при авторитарной гиперсоциализации у ребенка возникает тревожность.

Корреляционный анализ исследования связи детско-родительских отношений и эмоционально-воле-

Таблица 1.

Корреляционный анализ связи показателей по методикам «РНЖ» и «ОРО»

Симптомокомплекс	Родительское отношение				
	Принятие-отвержение	Кооперация	Симбиоз	Контроль	Инфантилизация
Рот с зубами	-0,117	-0,459	0,340	-0,140	0,046
Рога, когти, иглы, щетины, шипы	0,430	0,008	0,134	-0,134	-0,057
На голове и теле дополнительные детали	0,359	0,263	0,012	-0,134	0,371
Контур фигуры выполнен в острых углах	0,236	-0,315	0,252	-0,252	-0,353
Интенсивная штриховка, слабость нажима, линии неровные, множественные	-0,287	-0,416	0,379	-0,256	0,085

Таблица 2.

Корреляционный анализ исследования связи детско-родительских отношений и эмоционально-волевого развития детей младшего школьного возраста по методикам «САН» и «ОРО»

Шкала	Родительское отношение				
	Принятие-отвержение	Кооперация	Симбиоз	Контроль	Инфантилизация
Самочувствие	-0,170	0,150	-0,140	-0,405	-0,449
Активность	-0,369	0,112	-0,141	-0,551	-0,668
Настроение	0,169	-0,073	0,123	-0,248	-0,091

вого развития детей младшего школьного возраста по методикам «САН» и «ОРО» представлен в таблице 2.

Таким образом, выдвинутое нами предположение о том, что существует связь между стилем родительских отношений и эмоционально-волевым развитием младшего школьника. Такие стили родительского отношения, как принятие и кооперация, повышают уровень открытости ребёнка, его чувство уверенности в себе, решительность, целеустремленность, самостоятельность. Родительское отношение в форме контроля – понижает открытость, препятствует формированию чув-

ства уверенности в себе, появляется высокий уровень тревожности ребёнка. При родительском отношении в форме инфантилизации у ребёнка угасает появление каких-либо интересов, увлечений, он теряет веру в себя, в свои силы и будет полностью считать себя отгороженным от общества.

Результаты исследования имеют прикладное значение в деятельности школьных психологов и могут быть применены в процессе психологической работы с младшими школьниками и их родителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 2000 – 482с.
2. Варга А.Я. Типы родительского отношения. – М.: Владос, 2016. – 176 с.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – Москва: Педагогика, 2011. – 480 с.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? – М., 2000 - 460с.
5. Дубровина И.В. Семья и социализация ребенка // Возрастная и педагогическая психология. – 2015. – № 1. – С. 50-53.
6. Завьялова Н.Ю. Особенности воли младших школьников // Образование и воспитание. – 2017. – №1.1. – С. 19-21.
7. Зеленская Е.Н. Стили семейного воспитания и их влияние на развитие личности ребенка // Воспитание школьников. – 2017. – № 6. – С. 69-71.
8. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2009. – 640с.
9. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2011. – 366с.
10. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – СПб.: Питер, 2017. – 277 с
11. Сливаковская А.С. Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций. – М.: Просвещение, 2011. – 106 с.
12. Столин В.В. Психология развития ребенка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультационной практики // Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А.А. Бодальёва, В.В. Столина. – 2019. – № 3. – С. 16–37.

© Щербакowa Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru), Ильина Дарья Валерьевна (tana1969@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИОЗНАЯ МИФОЛОГИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПОВ ГЕРОЯ И ТЕНИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЛАВКРАФТИАНСКИХ УЖАСОВ

RELIGIOUS MYTHOLOGY: THE TRANSFORMATION OF THE HERO AND SHADOW ARCHETYPES IN LOVECRAFTIAN HORROR LITERATURE

*E. Ivanova
A. Glazunov*

Summary: Modern mass culture through cinema, musical images, and images of fiction represent a remifologization in the sphere of infernality. Negative connotations that exist in archetypal representations of witches, vampires, and werewolves are given opposite meanings, turning these figures into modern cultural heroes. Moreover, the inversion occurs in the understanding of the representation of the actions of the characters in the sphere of the ethical and aesthetic. The meanings of the incarnation of good-evil, beautiful-terrible change, traditional religious images (for example, Lucifer becomes a hedonist living in Los Angeles, helping a detective to investigate the crimes of people in earthly life) are given a secular theme, infernal heroes live among us, only they are a little "different", "not like" us, people, but they can also be understood and accepted. Religious mythology "absorbs" elements of secular humanism and the terrible begins to turn into attractive, romantic, like the twilight heroes S. Mayer and L.D. Smith. However, the second line of understanding of the fear/infernal hero continues to function—the literary and cinematic genre of "horror"—horror, which represents a special area of the "mythology of fear", little studied in modern mythology. The article is devoted only to some aspects of the construction of the mythological world by H.F. Lovecraft.

Keywords: religious mythology, religion, myth, archetype, Hero, shadow archetype, horror genre.

Иванова Евгения Владимировна

*Доктор философских наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», (г. Екатеринбург, Россия)
ieviev@mail.ru*

Глазунов Андрей Анатольевич

*Аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
andre.anat.glazunov@yandex.ru*

Аннотация: Современная массовая культура через кинематограф, музыкальные образы и образы художественной литературы представляют собой ремифологизацию в сфере инфернальности. Отрицательные коннотации, существующие в архетипических представлениях о ведьмах, вампирах, оборотнях, наделяются противоположными смыслами, превращая эти фигуры в современных культурных героев. Более того, инверсия происходит в осмыслении представленности действий героев в сфере этического и эстетического. Меняются смыслы воплощения добра–зла, прекрасного–ужасного, традиционные религиозные образы (к примеру, Люцифер становится гедонистом, живущим в Лос–Анжелесе, помогающим детективу расследовать преступления людей в земной жизни) наделяются светской тематикой, инфернальные герои живут среди нас, только они немного «иные», «не такие», как мы, люди, но и их можно понять и принять. Религиозная мифология «впитывает в себя» элементы светского гуманизма и страшное начинает превращаться в привлекательное, романтическое, как сумеречные герои С. Майер и Л.Д. Смит. Однако продолжает функционировать и вторая линия осмысления страха/инфернального героя – литературный и кинематографический жанр «хоррор» — ужасов, представляющий особую область «мифологии страха», малоизученную в современной религиозной мифологии. Статья посвящена лишь некоторым аспектам построения мифологического мира Г.Ф. Лавкрафтом.

Ключевые слова: религиозная мифология, религия, миф, архетип, Герой, архетип тени, жанр «хоррор».

Введение

Религиозная мифология является новым понятием в дискурсе религиоведческих тем, сопряженных с исследованиями как архаической мифологии древних цивилизаций, так и современных проявлений «религий вымышленных миров». Онтологический статус данного понятия исследован одним из авторов данной статьи [13]. В операциональное поле применения религиозного мифа попадает «народная религиозность», эсхатологическая направленность некоторых современных неокультов, феномены неоязычества, поиски личной, индивидуальной духовности адептами Нью Эйдж, «Fiction religious» и многие другие явления современности, наполненной мифологическими смыслами, имеющими религиозную окраску, «Fiction religious» – это осо-

бые варианты вымышленных религий, принадлежащих к мирам художественных произведений, авторских Вселенных. Поэтому «Fiction religious» представляет собой эмоционально наполненный религиозными смыслами текст (художественный или визуально представленный), позволяющий человеку/зрителю/читателю ориентироваться в окружающем мире, совершать духовные искания, идентифицироваться с нравственными ценностями современного мира, выбирать свой путь согласия или не согласия с действиями полюбившихся героев. При этом, в отличие от архаики для современного человека религиозно-мифологическое видение мира далеко не универсально, однако в условиях современной социальной повседневности обращенность к мифическому становится особо востребованной. Чем сложнее ситуация личного бытия, тем острее может быть ощущение

бесмысленности и абсурда индивидуальных возможностей и страх перед погружением в неподвластную человеку стихию действительности. Религиозное мифотворчество, как другие формы мифов современности, способствует освобождению современного человека от его страхов, от боязни хаоса, реализует его стремление к совершенству, его утопические чаяния. Простота и схематизм мифа обеспечивают ясность, предсказуемость, психологический комфорт.

Понятие «религиозная мифология» и его структурные элементы продолжают уточняться, и дополняются новыми элементами. Структура религиозного мифа может включать в себя волшебные сказки, эсхатологические мифы, религиозное фэнтези и новый элемент, являющийся предметом изучения в данной статье – инфернальную мифологию ужасов. В пестром спектре существования различных видов «новых» мифологий – политической мифологии, мифологии в сфере рекламы, гендерной, информационной, религиозной мифологии [15] авторами данной статьи вводится новый подвид религиозно-мифологических повествований – мифология ужасов.

Что же собой представляет феномен религиозной мифологии? Если принять во внимание, что религия – это некий мировоззренческий каркас, зафиксированный сакральными текстами (в каждой религии своими), а миф – его эмоциональное содержание, то вполне логично существование в поле пересечения этих понятий существование «религиозной мифологии». Религия предписывает, задает идеалы поведения, а миф эмоционально и наглядно объясняет, почему так необходимо делать. «Религиозная мифология» соединяет два связанных между собой феномена духовной культуры в единое целое. Само понятие «религиозная мифология» можно определить как повествование, жестко структурированное, но наполненное ярким эмоциональным содержанием, объясняющее жизненно важные положения религиозного культа. Знание этого текста позволяет структурировать поведение в ритуале, претендует на эзотеричность (т.е. принадлежность к определенной сакральной группе, объясняет непонятное и позволяет идентифицироваться с образцом (культурным героем).

Перечислим основные характеристики религиозного мифа. 1. Религиозный миф позволяет упростить реальность и существующее в ней множество противоречий свести к простейшей формуле борьбы Добра со Злом. Примером может служить, религиозный «миф о ведьмах» средневековья. Все зло мира – от женщин, называемых ведьмами для того, чтобы уничтожить это зло, необходимо просто выявлять носительниц зла и уничтожать их физически. В таком случае нарративное содержание мифологического сообщения становится близкой и понятной каждому человеку, разделяющему данную точку

зрения. Реализуемая через повседневное поведение человека, через поступки, ритуальную деятельность, стереотипы мышления, религиозная мифология превращается в народную религиозность. 2. Религиозный миф избавляет людей от страха перед реальностью, ориентирует не на сегодняшнее настоящее, а на будущее улучшение. При этом улучшение наступает либо путем ритуального возвращения к первоосновам (М. Элиаде), либо ритуальными действиями подготовки к будущему (новые неокульты). В любом случае в поведении человека присутствует «эскапизм» – бегство от действительности и уход в «иную реальность». 3. В отличие от архаики для современного человека мифологическое видение мира далеко не универсально, однако в условиях современной социальной повседневности обращенность к мифическому становится особо востребованной. Чем сложнее ситуация личного бытия, тем острее может быть ощущение исчерпаемости индивидуальных возможностей и страх перед погружением в неподвластную человеку стихию действительности. Мифотворчество способствует освобождению современного человека от его страхов, от боязни хаоса, реализует его стремление к совершенству, его утопические чаяния, простота и схематизм мифа обеспечивают ясность, предсказуемость, психологический комфорт. Через «прочувствование» страха, встречи с ним «лицом к лицу» человеку/зрителю/читателю ситуация личного существования уже не кажется такой катастрофической и абсурдной, поэтому «мифология ужаса» и будет одним из подвидов религиозной мифологии, о чем эта статья и повествует. 4. Иррациональность религиозного мифа. Его средой обитания являются человеческие эмоции и чувства. Без эмоций нет сопереживания культурному герою или религиозному лидеру, идентификации с ним. Поэтому религиозный миф имеет собственную драматургию, он увлекателен, динамичен, образен. 5. «Разволшебствование» мира, рационализация, научный прогресс объясняют человеку то, что раньше выполняло мифическое сознание, и отголоски и архетипы этого мифического продолжают жить в массовом сознании, иногда принимая формы иллюзий, внешней, мифической религиозности, что наблюдается в нашем веке. Однако человеку очень хочется верить в чудесное, в сказку. 6. Любое повествование, и особенно религиозная мифология как особое пространство текста, наполненного смысловыми жизненными локусами, имеет свою структуру. Базовыми единицами онтологического содержания этого понятия можно назвать мифемы (мифологемы), состоящие из триад, диад и монад. Одной из мифем (мифологем) является мифема культурного героя. Эта мифема является сквозной, т.е. ее существование можно зафиксировать и в народной религиозности как подражание лидеру («мастеру», «знахарю» и пр.), и в «религиях вымышленных миров» (идентификация с культурным героем, возможно даже инфернального мира). В современной религиозной мифологии существуют различные культурные герои, как

положительные, так и отрицательные. Мифологема героя – традиционное ядро мифического сознания и архаики, и современности. Однако в современной религиозной мифологии массовой культуры акцент ставится на инверсии (оборотничестве) традиционных этических и эстетических диад. Диады выстраиваются в мифемы и мифологемы. Однако следует отметить, что и в архаической мифологии, и в современной, особенно религиозной, когда автор/писатель/сценарист создает свой собственный фантастический мир присутствуют одни и те же элементы, однако наполняемые новыми этическими, эстетическими, политическими и др. актуальными для массовой культуры смыслами.

Методы

Так как в процессе исследования необходимо было прояснить конструкт особого фэнтезийного мира художественного творчества автора, поэтому для реализации данной задачи был выбран набор качественных методов, используемых в лингвистике: метод лингвистического анализа (произведений самого Г.В. Лавкрафта), дифференциального анализа (бинарных оппозиций), семиотический метод. Также для философской рефлексии над исследуемым материалом использовались герменевтический и феноменологический методы.

Литературный обзор

Содержание понятия «религиозная мифология», структура, сфера применимости в современном религиоведении и его онтологический статус подробно разрабатывалось одним из авторов данной статьи – Е.В. Ивановой [3]. Методологическая база исследований становления Героя в inferнальном мире также была предметом авторских исследований в ранее опубликованных статьях [13; 14; 15]. Авторское понимание относительности категорий добра и зла в дискурсе фэнтезийных миров писателей подчеркивалась в совместной статье с Е.Ю. Вострцовым [15]. Однако в новом контексте исследований необходимо было прояснить специфику жанра «хоррор», его основные характеристики, которые были проанализированы в работе И.В. Соловьевой, Д.С. Сабировой [11] а также в статье И.В. Яковенко [12]. Мифологическая основа лавкрафтианских ужасов почти не исследовалась, но стоит отметить одного автора – Е.А. Налитову, обратившуюся к анализу темы воскрешения в творчестве Лавкрафта [10, с. 169–177].

Результаты и обсуждение

Религиозная мифология, в которой действуют inferнальные герои, сама по себе связана с темами, с одной стороны, всегда интересными для личностного понимания себя читателем или зрителем, или автором романа, сценария сериала, но с другой – с темами «запретными»,

таящими в себе страхи, как культурные (демоническое, потустороннее, связанное со смертью), так и личностные. И.В. Соловьева и Д.С. Сабирова, раскрывая смысл текстов жанра ужасов, подчеркивают, что данный жанр связан с символикой тайного, ритуального, неясного, «окружающая героев тьма есть и сама тайна...» [10, с. 254.] Далее этими авторами делается вывод, что «в жанре ужасов смысл ужасное-страшное представляет собой ипостась значащего переживания и смысл культуры. Смысл ужасное чаще всего представляет собой развитие смысла непонятого и неясного» [10, с. 256]. И.В. Яковенко, пытаясь разграничить понятия «страх» и «ужас», считает последний конечной фазой страха, а страх – формой эмоций, которые продуцируются и накапливаются культурой [12, с. 254]. Он подчеркивает, что в каждой культурной эпохе есть свои собственные Герои страха, отчасти наследованные предыдущими эпохами [12, с. 254]. Итак, жанр «хоррор» имеет своей целью вызвать у читателя/зрителя чувство страха, в котором закреплено неясное, спрятанное от человека или в нем самом. Более того, тема страха актуализировалась со времени вступления человечества в эпоху постмодерна, когда в социальных условиях «все размыто», неопределенно и непредсказуемо. Мир стал «абсурдным», не контролируемым, базовые этические и эстетические ценности человеческого существования также начинают подвергаться переосмыслению. Всеобщие категории «добро» и «зло», «прекрасное» и «безобразное», претендующие на абсолютность и неизменность их существования во все времена и у всех культур становятся ситуативными, релятивными [15]. Место центрального Культурного Героя как своеобразной «монады», вокруг которой разворачивается текст мифического повествования через диады и триады [13] занимает Супергерой различных комиксных и кинематографических Вселенных. Все эти явления нашли свое отражение в произведениях Г.Ф. Лавкрафта.

Задуманная еще в 1920–1930 гг. Говардом Филлипсом Лавкрафтом Вселенная не теряет популярности до сих пор. Его творчество стало настолько важным и популярным, что породило отдельный поджанр ужасов – лавкрафтианские (лавкрафтовские) ужасы. Писатель строит свой особый мифический мир, мир «лавкрафтианских ужасов». В своём творчестве он заложил основы самобытной атмосферы сверхъестественного ужаса, в частности, в «Мифах Ктулху». Основными идеями творчества Лавкрафта являются кризис и критика антропоцентризма и сциентизма, а также космический скептицизм (переоценка места человечества в космосе и знаний о нём). Самой важной персоной с точки зрения популяризации творчества Лавкрафта является Август Дерлет (1909–1971), основавший издательство Arkham House, а также дописавший по черновикам множество рассказов Лавкрафта, во многом переработав их под свое понимание лавкрафтианской мифологии. Бинарность построения «мифа ужасного» у Лавкрафта прояв-

ляется через действия двух противоположных сторон Героя (архетипа Героя) и Тени (архетипа Тени). Напомним, что любой Герой, с точки зрения Е.М. Мелетинского [9, с. 33] в архаических мифах олицетворяет собой социум, более поздний архетип также добавляет защиту от хтонического, от хаоса. Герой противостоит этому хаосу и побеждает его, восстанавливает порядок. Когда Герой идет навстречу Хаосу, он погружается в хтонический мир, чужой для него – что является символом смерти, а также отсылает к лиминальной стадии из работ Арнольда ван Геннепа [2, с. 73]. Кроме того, Герой обладает следующими признаками.

1. Герой в своем путешествии не только восстанавливает космический порядок, но и пробуждает индивидуальное сознание, обретает себя.
2. Герой борется с хтоническими и/или демоническими чудовищами.
3. Герой проходит инициацию, обучается чему-то, обретает новый социальный статус.
4. Герой всегда действует в чужой для себя обстановке, вне «дома».
5. Герой может быть активным (бороться с хаосом-злом самостоятельно) или пассивным (герою довольно деятельно помогают помощники и/или наставники) [12, с. 17–21].

Герою, как носителю порядка и добра, всегда противостоит Тень. Тень – это хтоническое, хаос, зло. Тень может действовать как внешне, так и внутренне [1, с. 138–144]. Тень представляет из себя все то, с чем Герой призван бороться – она является воплощением Хаоса, Зла, предстает хтоническим или же демоническим чудовищем, которое Герой, пусть и не без усилий, побеждает. При этом побеждает раз и навсегда, восстанавливая нарушенный Тенью порядок [9, с. 18–19]. В лавкрафтианских ужасах мотив культурного героя раскрывается так: Герой выступает своеобразным богоборцем, нарушающим привычный порядок вещей и различные «табу». Но это не остается безнаказанным, и Герой (либо его помощник), как правило, погибает – например, в рассказе «Герберт Уэст, реаниматор» [8, с. 45–87]. В лавкрафтианских мифах Герой не побеждает, даже если хаос удалось остановить. Эта лишь временная мера, и Герой сам это прекрасно осознает, как это было в произведении «Шепчущий из тьмы» [7, с. 247]. Как и в классической версии, Герой проходит обряд инициации, а для этого он из привычной среды попадает в среду лиминальную, из которой изменившимся возвращается обратно. Только в лавкрафтианских ужасах инициация несет безумие и смерть (что соотносится с мнением Мелетинского о том, что инициация знаменует собой столкновение Героя с чем-то ужасным [9, с. 21]). Герой пытается противостоять Хаосу, но не справляется. Герой борется с хтоническими чудовищами – у Лавкрафта это иногда выражается буквально, когда главный герой противостоит рыболодям, Глубоководным, Великой Расе Йит или ми-го, которые

являются олицетворением хтонического хаоса, как, например, в рассказе «Хребты Безумия» [7, с. 454–551].

Герой пробуждает своё сознание, но это не приводит ни к чему хорошему, так как он либо погибает, либо обрекает себя на безумие или знание таких истин о Вселенной, которые если не сведут с ума, то заставят всю оставшуюся жизнь провести в постоянном ужасе – например, в рассказе «Зов Ктулху» [7, с. 131]. Герой, как правило, попадает в чужую, крайне враждебную для себя обстановку, из которой зачастую сбегает. Он может либо действовать и пытаться победить в одиночку (активный), либо вместе с помощниками и наставниками (пассивный). Зачастую напарник главного героя знает о Хаосе больше, и это знание в конечном итоге губит его, как в рассказе «Гипнос» [6, с. 129–137]. У Дерлета часто встречается мотив обретения наследства – он очень похож по своим функциям на смену поколений вождей-колдунов, когда наследник должен пойти по стопам предшественника. Данный мотив можно назвать архетипическим. Например, такой мотив присутствует в рассказах «Тень в мансарде», «Наследство Пибоди», «Тайна среднего пролета» [5].

Хаос символизирует смерть, родственен ей, несёт её. Хаос «обитает» в определенных местах: темный дремучий лес, захолустье, далекий «неевклидовый» космос, пещеры, болота, высокие горы, затерянные города, пустыни, океанические глубины, потаенные области Земли – например, Данвич, Иннсмут, Кингспорт, плато Лэнг [7, с. 55, 132, 316, 454]. В лавкрафтианских ужасах можно выделить следующие разновидности архетипа Тени:

- а) Непобедимый Хаос. Нельзя победить даже ненадолго, даже мнимо (пример в рассказе «Скиталец Тьмы» [7, с. 291–315]).
- б) «Поверженный» хаос. Побеждается, но сразу понятно, что это лишь мнимая победа («Зов Ктулху») [7, с. 101–131].

Если у Лавкрафта Хаос уже победил, божества Порядка повержены, а человечество на полном ходу направляется в забвение и безумие, то у его последователей это меняется. Возьмём для примера Августа Дерлета. Согласно Дерлету, Старшие Боги Земли сумели одолеть Древних Богов (которые и являются Хаосом) и заточили их в самых потаенных местах – аллюзия на титаномахию и Тартар древнегреческих мифов. Хаос заточен, но в любой момент может прорваться наружу и победить. Об этом говорится, например, в повести «Таящийся у порога» [5, с. 382–561].

Заключение

В лавкрафтианских ужасах присутствуют измененные архетипы Героя и Тени. Герой не побеждает Зло, не восстанавливает Порядок, проигрывает Хаосу. Тень может не являться Хаосом и Злом как таковыми – чаще

всего Тень и является истинным Порядком. Трансформация происходит как по отношению к архетипам классической литературы, так и внутри лавкрафтианских ужасов. А так как мифологическое смыслообразование подвижно, отвечает потребностям современности, но содержит в себе глубинные смыслы, то перед нами предстает диалектический концепт бинарного этического противоречия: добро оборачивается злом, зло представляется добрым и привлекательным. «Добрый» культурный герой становится скучным, сомневающимся

в целесообразности и своей способности творить добрые дела [15, с. 1535]. Поэтому акценты конфликта между добром и злом смещаются в сторону либо внутреннего личностного конфликта («во мне и добро и зло, и что победит – я не знаю, не контролирую») – в этом и состоит ужас неясности, непредсказуемости поведения Героя Лавкрафта, либо в сторону победы Добра над Злом, но не окончательной, Зло (Хаос) на данный момент этой конкретной истории чуть отступает/отползает в сторону, обещая вернуться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. 3-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 608 с.
2. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
3. Иванова Е.В. Религиозная мифология: Учеб. пособие. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2011. 187 с.
4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке (сборник). М.: Гардарики, 1998. 784 с.
5. Лавкрафт Г.Ф., Дерлет А. Таящийся у порога: повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 576 с.
6. Лавкрафт Г.Ф. Загадочный дом на туманном утесе: повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.
7. Лавкрафт Г.Ф. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 880 с.
8. Лавкрафт Г.Ф. Погребенный с фараонами: повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.
9. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный университет. М., 1994. 136 с.
10. Налитова Е.А. Темы воскрешения мертвых в творчестве Г.Ф. Лавкрафта: специфика интерпретации // Все страхи мира: Норгор в литературе и искусстве: Сб. статей. СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 169–177.
11. Соловьева И.В., Собинова Д.С. Жанр «хоррор» и текстовые средства смысла «ужасное» // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. Тверь, 20 октября 2017 г. С. 251–257.
12. Яковенко И.В. Российское кино на пороге перемен: фильмы в жанре «хоррор» // Наука и телевидение. Т. 7. С. 253–261.
13. Evgenia V. Ivanova "Religious Fantasy" as Element of Contemporary Religious Mythology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 1 (2012 5) 56–62.
14. Evgenia V. Ivanova Modern Infernal Culture Hero as an Element of Religious Mythology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2 (2013 6) 194–201.
15. Evgeny Y. Vostretsov and Evgenia V. Ivanova Contemporary Religious Fantasy: Inversion of Ethical Categories // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2015 8) 1534–1540

© Иванова Евгения Владимировна (ieviev@mail.ru), Глазунов Андрей Анатольевич (andre.anat.glazunov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ АРГУМЕНТАЦИИ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пухир Валентина Михайловна

Кандидат философских наук, доцент, Российский
государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
va-lenta@bk.ru

MORAL ASPECTS OF ARGUMENTATION IN BUSINESS COMMUNICATION

V. Pukhir

Summary: The article deals with the moral aspects of argumentation in the process of dialogues and discussions in business communication. The position is substantiated according to which the interlocutors' conviction of the correctness of their views, defense, proof and upholding of their judgments must comply not only with the rules of logic and argumentation theory, but also with the rules of morality. The author proves that without taking into account the moral factor in business communication, it is virtually impossible to organize highly effective activities, trusting relationships with partners, support by colleagues of the goals and objectives of the organization.

Keywords: proof, argumentation, business communication, laws of logic, truth, morality.

Аннотация: В статье рассматриваются нравственные аспекты аргументации в процессе диалогов и дискуссий в деловом общении. Обосновывается позиция, согласно которой убеждение собеседников в правоте своих взглядов, защита, доказательство и отстаивание своих суждений должны соответствовать не только правилам логики и теории аргументации, но и правилам нравственности. Автор доказывает, что без учета морального фактора в деловой коммуникации фактически невозможно организовать высокоэффективную деятельность, доверительные отношения с партнерами, поддержку коллегами целей и задач организации.

Ключевые слова: доказательство, аргументация, деловая коммуникация, законы логики, истина, нравственность.

С самого начала своего существования искусство аргументации соединяло в себе познавательный и коммуникативный аспекты. Многие современные исследователи отмечают гуманистический и демократический характер природы аргументации. С этим связана возможность свободного интеллектуального и речевого самовыражения в процессе коллективного делового взаимодействия.

Исследования аргументативной деятельности и процедур обоснования в наше время принципиально междисциплинарны. Они задействуют множество специальных отраслей знания: логику, теорию коммуникации, семиотику, искусственный интеллект, герменевтику, философию языка. Однако, этико-коммуникативные компоненты аргументации в процессе делового общения исследованы недостаточно глубоко.

В статье «Этические аспекты диалога в деловом общении» [7, с. 109-116], автор настоящей статьи сформулировал проблему этических аспектов аргументации в процессе ведения диалога, дискуссии, спора. Они определяются тем, что субъекты делового общения должны признавать друг друга свободными личностями, имеющими моральное право на собственное мнение, а также право отвергнуть аргументацию. Участники делового общения не пассивно передают друг другу информацию: они спорят, стараются убедить в правоте своих убеждений собеседников, защищают и доказывают истинность

своей точки зрения, опровергают те взгляды, которые считают неверными.

В традиционной античной риторике сложился образ идеального ратора и аргументатора, который умело раскрывал понятия логоса (характеристик содержания речи) и этоса (характеристик морального поведения).

В аргументационных концепциях древних греков этические аспекты занимали достойное место. Бескорыстным аргументатором был Сократ, чьей главной заботой была истина [8, с. 50-69]. Для Платона большое значение приобретает тема этических норм, которыми необходимо руководствоваться, осуществляя аргументацию. Эти нормы задаются понятиями блага, истины и справедливости. Выражением этического принципа аргументации было утверждение его учителя Сократа: «...красноречие должно употреблять соответственно – дабы оно всегда служило справедливости» [5, с.112]. Все речи Сократа произносились с целью установления высшего блага.

Аристотель продолжил тему справедливости и мотивов аргументации своих предшественников. Достойный аргументатор, по мнению Аристотеля, также должен стремиться к достижению истины, но в тех случаях, где это возможно. Однако, в тех областях диалогов и дискуссий, где нет возможности установить истину, аргументатор может придерживаться правдоподобных по-

ложений, а там, «где нет ничего ясного и где есть место колебанию», он должен стремиться к принятию наиболее справедливых решений [1, с.96]. Аристотель допускает возможность преследования аргументатором своих личных интересов (например, ему необходимо выиграть дело в суде). Но эти интересы не должны противоречить делу служения истине. Наоборот, ориентация на истину, благо и успех в делах должны быть взаимосвязаны.

Значительное внимание Аристотель уделяет *этико-эмоциональному аспекту* аргументации. Он называет три причины, вызывающие доверие к говорящему: *разум, добродетель и благорасположение*. Человек не сможет сказать правду или дать достойный совет, если не обладает каким-то из этих трех качеств или всеми сразу. Образцовый аргументатор должен быть знатоком человеческой души, а также средств, с помощью которых желаемые чувства могут быть достигнуты. Например, оратор может смягчить сердца слушателей, а может сделать так, чтобы слушатели разгневались на его оппонентов. Достойный оратор должен избегать вызывать у слушателей чувства, препятствующие принятию нужного ему решения, например, зависть или гнев. Он также должен учитывать происхождение, возраст, социальное положение своих слушателей. Конечно же, непреложным требованием, предъявляемым к аргументатору, должна быть *честность*: он говорит лишь то, что принимает сам, и пытается убедить слушателя в том, в чем сам убежден. Если же оратор нарушит это требования, он превратится из честного диалектика в *эриста*, доказывающего свою правоту вне зависимости от того, прав ли он на самом деле или нет, или в *софиста*, славившегося самовосхвалением и не всегда честными приемами полемики.

Во многом продолжением древнегреческой традиции (Платона и Аристотеля) в трактовке этических норм аргументации является концепция спора русского философа и логика XX века С.И. Поварнина. Мыслитель выделял различные типы споров: спор ради проверки истины, спор ради убеждения, спор ради победы, спор-спорт, спор-игра. По мнению Поварнина, спор-игра был распространен только в древнем обществе, а для современной жизни он не пригоден. Прежде, чем затевать спор, необходимо выяснить, как понимает оппонент основные тезисы, достаточно ли он образован и информирован, чтобы решить сложные вопросы. Мыслитель указывал на необходимость разумно подбирать доводы, выстраивать их в единую логическую цепочку, делать их понятными для любой аудитории. При этом необходимо вести дискуссию спокойно, избегая хамства и подчеркнутого пренебрежения к оппоненту. Он писал: «Уважение к чужой вере и к чужим убеждениям есть один из важнейших видов уважения к человеческой личности. Где мало первого, там мало вообще и последнего» [6, с.125]. При этом хороший оратор имеет право и должен бороться с тем, что он считает заблуждением. «Опровергать можно

самым решительным образом, - пишет С.И. Поварнин, но не оскорбляя чужих убеждений насмешками, резкими словами, издевательством; особенно не глумясь над ним перед сочувствующей толпой» [6, с. 128]. Хороший аргументатор не должен быть излишне самоуверенным, он должен уважать право других людей мыслить и решать вопросы согласно убеждению, он также должен осознавать открытый характер познания и ту роль, которую играют в нем нормы этической аргументации.

В деловом общении нередко случаются беспредметные споры, когда оппоненты не понимают позиции друг друга и ложно их истолковывают, не умеют четко сформулировать свою позицию и обосновать ее. Чаще всего это связано не со злым умыслом, а с отсутствием элементарных знаний в области логики, теории аргументации, включающей в себя в качестве важной основы и этические аспекты аргументации.

В деловом общении его участники должны строго следовать основным логическим законам. Таковыми являются: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания. Позволим себе вкратце напомнить читателям содержание этих законов.

Закон тождества утверждает, что в процессе рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе, т.е. должны быть определенными и сохранять однозначность на протяжении всего рассуждения и вывода ($A=A$, где A – любая мысль). Закон тождества является нормативным правилом для любой деловой дискуссии и обсуждения проблемы. В процессе беседы запрещено подменять одну мысль другой, одно понятие другим. Нельзя тождественные мысли выдавать за различные, а различные – за тождественные. Нарушение закона тождества может привести к двусмысленности, в подмене одного предмета обсуждения другим, и в результате участники беседы говорят о разном, думая, что говорят об одном и том же (говорят на «разных языках»). Например, если собеседник в одном месте употребил слово «мир» в смысле «вселенная», а в другом месте своего разговора использовал это слово в значении «спокойствие, отсутствие раздоров и разногласий в трудовом коллективе», то здесь будет явная логическая ошибка. Или если ваш коллега говорил о тени, как «самом верном спутнике человека» и о том, что «даже она покидает человека, когда над его головой сгущаются тучи», а затем рассказывает о тучах, которые «сгущаются над коллективом», то это высказывание будет двусмысленным – в нем переплетаются прямой и переносный смыслы оборота «сгущаются тучи».

Требование непротиворечивости мышления выражает **закон противоречия**. Аристотель считал его самым достоверным из всех начал. Кратко он формули-

руется так: невозможно что-либо одновременно утверждать и отрицать (неверно, что А и не-А одновременно истинны). Идея, выраженная в законе, простая и четкая: высказывание об одном и том же предмете и его отрицании не могут быть истинными в одно и то же время в одном и том же отношении. Если человек приписывает одному и тому же предмету несовместимые свойства, он может допустить ошибку – логическое противоречие (например, когда руководитель дает задание своему подчиненному: «Расследуйте анонимную жалобу и о результатах сообщите автору»). Закон противоречия имеет большое значение для делового общения. Его сознательное использование помогает обнаруживать и устранять противоречия в высказываниях деловых партнеров, вырабатывать критическое отношение к неточности и непоследовательности в мыслях, а, следовательно, в поступках.

Но надо иметь в виду, что закон противоречия не действует, если мы что-либо утверждаем и то же самое отрицаем относительно одного и того же предмета, но рассматриваемого: а) в разное время и б) в разном отношении. Возьмем для иллюстрации случай а), когда руководитель утверждает, что работа в предпраздничные дни благоприятна для сплочения коллектива. В другой раз этот же человек может высказать противоположную мысль, что работа в предпраздничные дни неблагоприятна для сплочения коллектива. Но и то, и другое высказывание может быть истинно. В первом случае имеется в виду проведение 31-го декабря новогоднего корпоративного праздника (во второй половине дня, после работы). Во втором случае – выход на работу в майский предпраздничный день, когда все собираются уезжать на свои дачные участки.

В качестве примера второго случая возьмем ситуацию, когда о сотруднике N можно сказать, что он хорошо знает французский язык, так как его знания вполне удовлетворяют требованиям фирмы. Однако этих знаний недостаточно для его работы в качестве переводчика. В этом случае можно утверждать: «N плохо знает французский язык». В этих суждениях знание господином N французского языка рассматривается с точки зрения разных требований. Таким образом, один и тот же сотрудник, если его рассматривать в разных отношениях, дает основание для противоположных, но одинаково истинных оценок.

Таким образом, нелогично утверждать одновременно А и не-А. Но ведь нам хорошо понятно двустишие римского поэта I в. до н.э. Катутла: «Да! Ненавижу и вместе с тем люблю». Конечно, все мы полны противоречий, каждый из нас содержит множество несовместимых качеств. Мы не можем втиснуть все многообразие противоречий в прокрустово ложе логики. Но логические противоречия недопустимы в науке, хотя установить,

что конкретная теория содержит их, непросто. Не желательны логические противоречия, как мы убедились, и в деловом общении.

В деловом разговоре нельзя игнорировать и **закон исключенного третьего**. Этот закон утверждает: «Из двух противоречащих друг другу суждений одно истинно, а другое ложно, а третьего не дано». («А есть либо В, либо не-В»). Мы не можем знать, противоречива ли некоторая конкретная идея, сформулирована кем-то из наших коллег, или нет, но на основании закона исключенного третьего еще до начала проверки мы можем заявить: она или непротиворечива или противоречива, третьего не дано. Например, если истинно суждение «наше производственное объединение является конкурентоспособным», то суждение «наше производственное объединение не является конкурентоспособным» – ложно. Важность закона исключенного третьего для ведения деловых бесед состоит в том, что он требует четкой последовательности в изложении фактов и не допускает противоречий в высказываниях. Собеседникам нельзя уклоняться от признания истинным одного из двух, противоречащих друг другу суждений, а не искать нечто третье. Оно, по сути дела, не существует. Этот закон нельзя абсолютизировать: он применим только там, где возможен четкий выбор одной из альтернатив, сформулированных в противоречащих друг другу суждений.

Требование доказательности мышления, обоснованности суждений выражает **закон достаточного обоснования**, который утверждает, что каждое положение должно быть достаточно обосновано. И если конкретный вывод претендует на истинность, то он должен строиться на соответствующем фактическом или логическом основании. Этот закон особо важен для ведения деловых разговоров в том смысле, что он требует, чтобы всякое суждение, которое мы формулируем в процессе разговора прежде, чем быть принятым за истину, должно быть обосновано. В любых ситуациях, когда мы утверждаем что-либо или убеждаем в чем-либо наших партнеров и коллег, мы всегда должны доказывать наши суждения, приводить достаточные основания, подтверждающие истинность наших высказываний. Пренебрежительное отношение к обоснованности своих утверждений, фразерство и декларативность не допустимы в деловом общении.

Все утверждения не обосновываются сами по себе, в изоляции от других утверждений. Обоснование должно носить системный характер. Включение нового положения, высказанного кем-то из сотрудников, придает устойчивость элементам системы. Конечно, это положение должно быть рациональным, способствующим в конечном итоге развитию организации. В современное время в наших трудовых коллективах все более утверждается полемичность, как норма идейно-теоретической,

нравственной жизни. Требование обсуждать проблемы коллектива в духе правды, открытости, в атмосфере действительно свободного творческого обмена мнениями обретают прочное основание. Оно включено в систему представлений о демократическом обществе, предполагающем многообразие в суждениях и обоснованиях, взаимоотношениях руководителя и сотрудников в коллективах, широкий диапазон убеждений и оценок.

Хотя логика занимается непосредственно логической структурой доказательств, убеждающее воздействие суждений в процессе доказательства зависит не только от логических форм, но и от внелогических факторов. Среди них важное место занимают психологический и этический факторы. Современные специалисты в области логики Кириллов В.И. и Старченко А.А. определяют **аргументацию** как «операцию обоснования каких-либо суждений, в которой наряду с логической применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие методы и приемы воздействия» [3, с.147]. Влиять на убеждения партнеров по общению можно не только посредством словесно выраженных доводов, но и с помощью других способов: интонаций, жестов, мимики, выражения глаз. Даже молчание в некоторых случаях оказывается достаточно веским аргументом. А если, например, надо прекратить нежелательное общение, можно отвести взгляд, поменять позу, встать (но не уйти, не хлопнуть дверью!).

Аргументация в деловом общении представляет собой речевое воздействие, включающее в себя систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-либо мнения. Она обращена в первую очередь к разуму деловых партнеров, которые способны принять или опровергнуть это мнение. Конечная цель аргументации – убедить собеседника в справедливости положений, которые предлагаются его вниманию. И, конечно же, склонить к принятию этих положений и, следовательно, к дальнейшим разумным действиям.

Логической основой аргументации является доказательство, структура которого полностью входит в структуру аргументации, но полностью ее не исчерпывает. Это связано с тем, что в формулировке убеждения важную роль играет не только разум, но и чувства, эмоции. Поэтому целесообразно вести речь о логическом, психологическом и этическом компонентах аргументации. При выборе способа общения следует учитывать индивидуальные стили. Допустим, если руководителю большого предприятия необходимо довести до всех слушателей значимую для него (а значит, и для всего коллектива) информацию, ему надо задействовать все способы восприятия: использовать в речи и строгие логические доказательства, и примеры, метафоры, жизненные истории, снабдить выступление определенным визуальным рядом (схемы, графики, слайды, видео и т.п.).

Различие между доказательством и аргументацией состоит в их целях и средствах. *Целью доказательства* является установление истинности или ложности определенного тезиса. *Целью аргументации* является не только установление истинности тезиса, но также и обоснование целесообразности принятия истинного данного тезиса. В основе доказательства лежат только логические средства, а в основе аргументации – как логические, так и психологические, и этические средства.

Для создания благожелательной атмосферы делового взаимодействия важно, чтобы все сказанное звучало *убедительно*. Для этого необходимо соблюдать ряд следующих правил:

1. Соблюдать порядок аргументов: сильные – средние – один самый сильный. И помнить, что не количество аргументов влияет на ожидаемый исход дела, а их *надежность*;
2. Не следует начинать с просьбы, т.к. она без аргументов имеет наименьшее количество шансов на ее удовлетворение;
3. Один и тот же аргумент для разных людей может быть и сильным, и слабым;
4. Для получения положительного ответа по принципиально важному вопросу, надо поставить его на третье место, а на первое и второе – два простых для собеседника, на которые он без затруднения ответит положительно. Предваряющие вопросы должны быть короткими, чтобы не утомить собеседника;
5. Во время приведения собеседнику своих аргументов нельзя отступать от их первоначальной формулировки. Какие-то аргументы оказывают большее влияние на разум человека, другие – на его чувства и эмоции. Так как у человека рациональная и эмоциональная сферы взаимосвязаны, деление аргументов на логические и психологические является весьма условным. Причем, один и тот же аргумент может проявить себя и как логический, и как психологический, и как этический, вызывать соответствующие чувства и эмоции;
6. Не следует ставить собеседника в тупик, необходимо дать ему возможность сохранить свой имидж. Ведь порой собеседник не соглашается только потому, что это способствует якобы потере его достоинства. Поэтому надо предложить ему такое решение, которое даст ему возможность с честью выйти из затруднительного положения;
7. Важно во время ведения делового разговора избегать обострений или конфронтации. Если же они все же произойдут, то надо сразу же перестроиться и сгладить их, чтобы следующие вопросы можно было рассмотреть без конфликта;
8. Убедительность аргументов в значительной степени зависит от имиджа и статуса выступающего. Одно дело, когда приводит аргументы уважае-

мый, авторитетный человек, и совсем другое - когда незначительный, неуважаемый (возможно, он выполняет в трудовом коллективе роль т.н. «вельселяка»). Солидный должностной или социальный статус, выдающиеся успехи в определенной области, высокий уровень образованности, признание коллег, положительные личностные качества поднимают вес его аргументов.

При аргументации очень важно вовлечь оппонента в *совместный поиск решения проблемы*, поскольку процесс поиска не менее важен, чем сам результат. Искусный оратор Сократ не демонстрировал свое ре-

шение, а вовлекал собеседника в совместный поиск истины. В любой дискуссии, беседе, переговорах, совещании в процессе аргументации очень необходим *ритуал участия*, чтобы полученный результат воспринимался как свой.

Таким образом, взаимопонимание между деловыми партнерами возникает тогда, когда обе стороны заняты совместной мыслительной деятельностью, т.е. когда их волнует обсуждение одних и тех же вопросов, решение одинаковых проблем (интеллектуальное сопереживание) и при этом они испытывают похожие чувства и переживания (эмоциональное сопереживание).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Риторика. –М.: Эксмо-Пресс, 2019. -256 с.
2. Борисов В.К., Панина Е.М. Этика деловых отношений. –М.: ИД «Форум», 2019. 176 с.
3. Герасимова И.А. Феномен аргументации <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15101075>
4. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник. –М.: ТК Велби: Проспект, 2008. – 240 с.
5. Ораторы Греции. –М.: Юнити, 2005. -117 с.
6. Поварнин С.И. О теории и практике спора. //Поварнин С.И. Сочинения. Т.1 –СПб.: Нева, 2015. -120 с.
7. Пухир В.М. Этические аспекты диалога в деловом общении. // Сб.научн. трудов «Психология диалога и мир человека: памяти Г.В.Дьяконова. Том 3. Уфа-Москва, 2019. С.109-116
8. Пухир В.М. «Диалоги Сократа в практике преподавания античной философии в ВУЗе» //Вестник МГЛУ, № 5 (813) 2018 г. С.50-69.

© Пухир Валентина Михайловна (va-lenta@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Кароннова Анна Леонидовна

соискатель ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет, (г. Барнаул)

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE SOCIAL CULTURE OF POLICE OFFICERS: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

**V. Skopa
A. Karonnova**

Summary: The article analyzes the concept and essence of the social culture of police officers; special attention is paid to the problems of formation and development of social culture in modern conditions. Currently, a comprehensive solution of the tasks set is underway, but their implementation requires not only police reform, but also a change in attitude towards the police in modern society, which is possible only through the construction of competent communication between the police and society as social groups. Social philosophy understands culture as the activity of people in the reproduction and renewal of social life and its products and results included in this activity. One of the most controversial moments in the understanding of culture is revealed not in the logic of definition, but in establishing the evolution of those forms that a person uses to preserve and update social life, and most importantly, in specific descriptions of the forms of reproduction and renewal, their relationships.

Keywords: social and political philosophy, police officer, philosophy of culture, ethics, moral standards, individualism.

Аннотация: В статье проанализированы понятие и сущность социальной культуры сотрудников полиции; особое внимание уделено проблемам формирования и развития в современных условиях социальной культуры. В настоящее время ведется комплексное решение поставленных задач в части развития культуры сотрудников полиции, но для их реализации требуется не только реформа полиции, но и изменение отношения к полиции в современном обществе, что возможно только благодаря построению грамотной коммуникации между полицией и обществом как социальными группами. Социальная философия понимает культуру как деятельность людей по воспроизведению и обновлению социального бытия и включаемые в эту деятельность ее продукты и результаты. Одним из самых спорных моментов в понимании культуры, выявляется не в логике определения, а в установлении эволюции тех форм, коими человек пользуется для сохранения и обновления социального бытия, а главное – в конкретных описаниях форм воспроизводства и обновления и их соотношения.

Ключевые слова: социальная и политическая философия, сотрудник полиции, философия культуры, этика, нормы морали, индивидуализм.

Проблема правовой зрелости общества всегда являлась важнейшим аспектом функционирования государства, а учитывая сегодняшние модернизационные процессы, данный аспект приобретает особое значение. В этих условиях представляется необходимым по-новому взглянуть на механизмы, закладывающие ценностные установки и ориентиры в правовом сознании российских граждан [20].

К числу важнейших функций по защите институциональных ценностей, от которых, в первую очередь, зависит процесс воспроизводства общества, относится правоохранительная деятельность – деятельность по защите официальных институтов от альтернативных нормативных установок [3, 4, 7].

В настоящее время ведется комплексное решение поставленных задач, но для их реализации требуется не только реформа полиции, но и изменение отношения к полиции в современном обществе, что возможно только

благодаря построению грамотной коммуникации между полицией и обществом как социальными группами. В ходе этой коммуникации должно быть достигнуто понимание общности интересов, обуславливающих неизбежность сотрудничества [10, 13].

В социальном, философском и психологическом смысле положение современного полицейского вряд ли может быть названо простым. Это связано не только с явными социальными противоречиями настоящей действительности, в числе которых глобализация, информатизация, проникновение на территорию страны иностранных экономических и социальных структур, динамика экстремистской и террористической деятельности, но и с внутренним статусно-ролевым противоречием [1, 6, 9]. Именно во втором случае разрешение отмеченного противоречия может быть преодолено на уровне культуры мышления сотрудника правоохранительных органов, в том числе адекватного осознания им своей роли в социальной системе [11].

Российское общество на сегодняшний день находится в переходном процессе, который имеет определенные ориентиры. Так, одной из черт переходности служит незавершенная реформа в правоохранительных органах, которая связана с переходом от милиции к полиции с целью изменения мнения общества к правоохранительной системе и к государству в целом [20]. Поскольку деятельность полиции как государственного органа направлена в первую очередь на защиту и соблюдение прав человека и гражданина, во-вторых, пресечение противоправной деятельности и привлечение виновных к установленной законом ответственности. Кроме того, следует учитывать тот факт, что все обязанности полиции осуществляются непосредственно сотрудниками, призванными на данную службу из числа граждан РФ в порядке установленным в законодательстве [2].

Актуальность заявленной проблем весьма высока и практикоориентированна. Для того чтобы определить сущность понятия культуры необходимо все многообразие определений и значений свести к понятию предмета исследования. Поскольку в настоящем исследовании нас интересует социальная культура сотрудников полиции, то нам стоит направить свое внимание на проявление основных элементов социальной культуры через призму деятельности сотрудников полиции, источники формирования социальной культуры, рассмотреть сотрудников полиции не только как объект социальной культуры, но и рассмотреть сотрудников с точки зрения субъекта социальной культуры.

Согласно ФЗ «О прохождении службы в органах внутренних дел РФ» к будущим сотрудникам полиции предъявляются требования к уровню образования, стажу службы в органах внутренних дел или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам, состоянию здоровья, необходимым для выполнения обязанностей по замещаемой должности [18]. Данным же нормативным актом закреплено понятие самого сотрудника полиции как гражданина, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава [18]. Исходя из этого, важно представить сотрудника полиции с позиции различных научных воззрений, что позволит социально-философски комплексно оценить его культурную составляющую.

Если рассматривать сотрудника полиции с точки зрения социологии, то сотрудник полиции в первую очередь – это человек, т.е. здесь сотрудник выступает как биологическое существо с определенным уровнем базовых потребностей [8]. С другой стороны – человек

выступает как существо социальное, которое также обладает определенным уровнем не только потребностей, но и ценностей. С точки зрения связи с государством, то здесь сотрудник полиции имеет прямую связь – он является гражданином государства, иное в законе не предусмотрено [7]. Кроме того, сотрудник полиции с профессиональной точки зрения принадлежит к определенной социальной группе, которая обладает определенными внутренними нормами поведения, профессиональными знаниями, навыками, придерживаются определенных традиций, транслируя их как внутри своей социальной группы, так и в обществе в целом. Сотрудник полиции, обладает определенным социальным статусным набором, который в совокупности ведет к формированию и трансляции собственной культуры и культуры своей социальной группы [15]. Для того, чтобы определить культуру сотрудника полиции, необходимо в первую очередь определится со значением такого многогранного понятия как культура, которое рассматривается не одной наукой, а целой плеядой наук. Так, социология, как наука об обществе под культурой понимает надбиологическое явление, понимаемое как творческая деятельность человека по предметной реализации его замыслов, духовному изменению самого себя, духовному изменению самого себя и окружающего мира [12]. Это специфически человеческий способ бытия, формирующийся в качественно новую структуру существования. Культура выражает не только предметные результаты деятельности людей, но и субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности, куда относят знания, умения, интеллектуальное, эстетическое, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение [15].

Политология под культурой понимает систему ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях и передаваемых следующим поколениям [14].

Социальная философия понимает культуру как деятельность людей по воспроизведению и обновлению социального бытия и включаемые в эту деятельность ее продукты и результаты. Социальное бытие не существует само по себе, безотносительно к его производству людьми; в этом, собственно, и состоит его отличие от природы [19]. Одним из самых спорных моментов в понимании культуры, выявляется не в логике определения, а в установлении эволюции тех форм, коими человек пользуется для сохранения и обновления социального бытия, а главное – в конкретных описаниях форм производства и обновления, их соотношений [3]. Конкретная культура и выступает как определенное соотношение форм производства и обновления социального бытия. В этом смысле можно говорить о том,

что основной вопрос культуры – это вопрос соотношения воспроизводства и трансформации, обновления человеческого бытия [12]. Формы, обеспечивающие сохранение социальной организации – традиции и инновации. Таким образом, каждая из обществоведческих наук рассматривает культуру исходя из предмета изучения, но все они имеют схожие элементы. Культура понимается в первую очередь как деятельность человека, направленная не только на создание социального бытия, но и как деятельность, направленная на создание системы ценностей, норм, образцов и моделей поведения, которые соответствуют определенным общественным ожиданиям и регулируют деятельность общества путем передачи наработанной системы ценностей и норм последующим поколениям [13, 16].

В независимости от множества определений, культура не существует сама по себе, она тесным образом связана с обществом, которое представляет собой целостную систему тесно взаимодействующих элементов. Общество с позиций социального явления представляет собой совокупность людей, их взаимоотношения, связи, носящие устойчивый характер, передаются из поколения в поколение, неотрывны от исторического процесса. Общество и культура оказывают взаимное воздействие, через элементы, входящие в каждую из структур [5].

Культура состоит из определенных элементов, таких как значения, ценности, нормы, обычаи и знания, которые в совокупности помогают человеку, как представителю общества освоить данные элементы, а также внести в них изменения и способствовать развитию общества. Так, первым элементом структуры культуры является значение – понятийно-логический и знаково-символический аппарат, который присущ мировосприятию того или иного народа [15]. Значение, как элемент структуры культуры является первой ступенью познания мира человеком, достаточное скопление значений позволяет сформировать второй элемент структуры культуры – ценности – предпочтительные для индивида или группы людей значения явлений [15]. Ценности составляют фундамент любой культуры, все ценности разделяются на определенные группы, в совокупности представляют собой ценностные установки, которые регулируют и направляют жизнь и деятельность человека в рамках общества. Процесс усвоения ценностей происходит в процессе социализации личности. Выработанные обществом ценности закрепляются и сохраняются при помощи социальных норм. Под нормой понимается правило, образец, стандарт должного поведения в соответствии с общепринятыми ценностями. Именно эти ценности должны являться основой культуры сотрудника правоохранительных органов [4]. Совокупность норм формируют нормативную систему общества. В обществе существуют такие социальные

системы как обычаи, мораль, религия, традиции, право, каждая из которых закрепляет должное поведение в обществе, которое должно привести к его сохранению и развитию, предотвратить разрушение общества. Последним элементом культуры выступают знания – результат человеческого опыта, зафиксированный в виде теорий и представлений [15].

Другими словами, культуру общества можно рассматривать и как социальную культуру. Кроме того, в такой науке как социология культуры, также рассматриваются уровни культуры такие как специализированная, обыденная, массовая. С точки зрения социальной дифференциации общества выделяются такие уровни культуры как субкультура – часть общей культуры, система ценностей, традиции и норм присущих большой социальной группе, контркультура – комплекс норм и ценностей конкретных социальных групп, противоречащих общекультурным нормам и ценностям принятых в обществе. Разновидностью культуры выделяют криминальную субкультуру – вид культуры, направленный на сознательное и целенаправленное нарушение господствующих социальных и правовых норм, порядков и идеологии [17].

Сотрудники полиции представляют собой определенную социальную группу, в состав которых входят люди, обладающие определенным уровнем образования, профессиональными навыками и опытом, определенным уровнем психологической и физической подготовки, стрессоустойчивости, т.к. деятельность полиции, которая реализуется конкретными сотрудниками требует мобилизации внутренних и внешних качеств человека. Сотрудники полиции должны также обладать определенным уровнем правовой культуры, которая позволяет находится сотрудникам при исполнении своих служебных обязанностей в рамках правового поля и действовать согласованно в случае нестандартных или внештатных ситуациях. Психологические и нравственные установки также позволяют сотруднику полиции находясь на службе оставаться на стороне закона, т.к. осознание неизбежности наступления последствий в случае выявления нарушения сотрудником установленных законом пределов полномочий и нежелание их наступления также служит своеобразным внутренним контролем деятельности, формирует и укрепляет правовое сознание, но каждодневное столкновение субкультуры полицейских с представителями криминальной субкультуры, ведет к столкновению субкультур.

Таким образом, понятие и сущность социальной культуры сотрудников полиции, и ее формирование происходит в процессе выстраивания определенной ценностной парадигмы, опирающейся на легитимные культурные стереотипы. Утверждение в современном сознании индивида статусной конструкции правоохра-

нительной системы требует четкого выстраивания институциональной структуры ее восприятия, то есть как некой определенной социальной действительности. Выявленные подходы к понятию и определению куль-

туры позволяют целостно и всеобъемлюще подойти к рассмотрению процесса формирования социальной культуры правоохранительных органов посредством социально-философского анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности. М., 1984. – 286 с.
2. Буллах С.И. Проблема негативного воздействия средств массовой информации на нравственное сознание студентов вузов МВД России // Вестник БЮИ МВД России. Барнаул, 2000. № 2. – С. 124-129.
3. Вьюшин К.М. Правовая культура в контексте современного российского законодательства: социологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 8. – С. 146-152.
4. Гончаров В.Б. Общественное мнение омичей о милиции // Социологические исследования. 1996. №7. – С. 89-96.
5. Горшенков Н.Г. Массовая информация и преступность. Н. Новгород, 1993. – 214 с.
6. Губанов Н.И. О природной и социальной детерминации нравственности и криминального поведения // Философские науки. 2002. № 2. – С. 114-122.
7. Деятельность милиции и полиции в переходном обществе: Материалы международного научно-практического семинара. Саратов, 2004. – 362 с.
8. Жукова Е.И. Культура работников милиции: штрихи к портрету // Социально-экономические механизмы роста экономики и качества жизни: сб. науч. ст.: в 3 ч. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ГАУ, 2007. – С. 158-169.
9. Жукова Е.И. Социокультурные аспекты профессиональной идентичности сотрудников ОВД: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. – 23 с.
10. Зубова Я.В. Правовой менталитет как социокультурный фактор реформирования современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 8. – С. 133-138.
11. Зыбин С.Ф. Кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой и историко-правовой анализ): дисс. д-ра юр. н. СПб., 1998. – 353 с.
12. Комаров В.Е. Новый социально-философский словарь. Екатеринбург, 1993. – 568 с.
13. Краснюк К.В. Легитимация деятельности правоохранительных структур в современной России и регионе. Автореф. канд. социол. наук. Краснодар, 2010. – 18 с.
14. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск., 2012. – 168 с.
15. Нахрова Е.Н. Социология культуры. Екатеринбург, 2019. – 612 с.
16. Новый социально-философский словарь. Екатеринбург. 1993. – 521 с.
17. Столяренко А.М. Юридическая педагогика: курс лекций. СПб., 1993. – 351 с.
18. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.01.2011 3342-ФЗ (ред. От 05.12.2022).
19. Философский энциклопедический словарь, М. 1983. – 427 с.
20. Шефруков А.В. Правовая культура в системе социальных институтов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 8. – С. 139-145.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Кароннова Анна Леонидовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Cai Xiujian – Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Chicheva A. – Moscow State University of Civil Engineering

Ding Weixing – Russian State Specialized Academy of Arts

Dremin D. – postgraduate student, Altai State University

Dubrovina S. – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Irkutsk State Medical University

Fedorenko A. – cand. Psychology, Associate Professor, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) OSU

Galimova N. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Cultural Studies of the North Caucasus State Institute of Arts

Glazunov A. – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, (Yekaterinburg, Russia)

Ilina D. – master's student, Penza State University

Ivanova E. – Doctor of Philosophy, associate professor, professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, (Yekaterinburg, Russia)

Karabinskaya O. – Ph. D. in medical science, Assistant, Irkutsk State Medical University

Karonnova A. – Student, Altai State Pedagogical University, (Barnaul)

Kolesnikov S. – Baikal State University (Irkutsk)

Kozhevina A. – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University (Irkutsk)

Li I – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Melnik E. – candidate of psychological sciences, docent, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Mudrak S. – Candidate of Psychological Sciences, Associated Professor, Moscow State University of Civil Engineering

Novikova Yu. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Medical Institute I.S. Turgenev

Pukhir V. – PhD (Philosophy), docent, Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art.)

Serova E. – Candidate of the degree, senior lecturer, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Shayakhmetova V. – candidate of psychological sciences, docent, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Shcherbakova N. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor, Penza State University

Shustov A. – doctor of philosophy, Professor, Bryansk State Agrarian University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, (Barnaul)

Toropov (Grigoryan) X. – Medical Institute I.S. Turgenev

Viktorova E. – Candidate of pedagogic sciences, associate professor, Penza State University

Wu Lei – Master, MGU

Yanova N. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Altai State University

Zudaeva V. – Senior Lecturer, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Irkutsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).